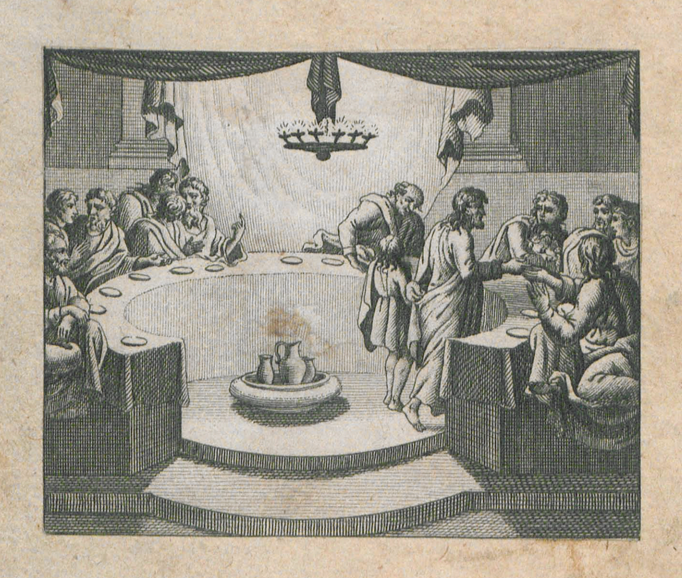

ПОСЛѢДОВАНІЕ ХАРАКТЕРОВЪ ѲЕОФРАСТОВЫХЪ И МЫСЛЕЙ ПАСКАЛЕВЫХЪ.

Переведено въ подмосковной 1782 году.

Иждивенiемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

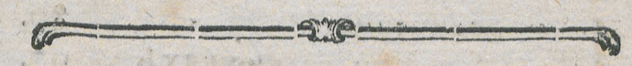
По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Послѣдованіе характеровъ Ѳеофрастовыхъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано. Стран.	Строк.		*Читай.*
9.	10.	разумъ	разуму
14.	1.	предопредѣленіе	предопредѣленія
81.	18.	пространства	пространство
85.	15.	имѣвъ	имѣлъ
95.	3.	конценты	концерты
101.	2.	такъ	тамъ
—	4.	коооторые	которые
128.	4.	безпечальнымъ	безпечнымъ
198.	18.	не брежитъ	не брежетъ
316.	7.	расходамъ	розходамъ
317.	14.	хвалящихъ	хвалящихся
320.	16.	челобитчика	челобитчицы
324.	6.	по всѣ дни	по вся дни
328.	5.	тяжба та	тяжба то
329.	18.	не отживая	не отваживая
394.	8.	къ упомленію	къ уполенію

ПОСЛѢДОВАНІЕ
ХАРАКТЕРОВЪ ѲЕОФРАСТОВЫХЪ
И
МЫСЛЕЙ ПАСКАЛЕВЫХЪ.

I.

Человѣкъ.

Человѣкъ точно описанъ быть не можетъ. То, что объ немъ сего дня я сказалъ бы, на завтрѣе уже на него не походилобъ; развѣ только назвать мнѣ его изо всѣхъ существъ самое перемѣнчивое, изо всѣхъ тварей самое непостоянное.

Нещастный предметъ гнѣва небеснаго рожденъ со страстьми земными, оставленъ къ бѣдностямъ безчисленнымъ, къ паденію всегда готовый, опасный врагъ себѣ самому, нечувствителенъ къ красотамъ истинны, отвращающъ очи

свои отъ добра, имѣющъ сердце, себѣ вѣчно противорѣчущее, ненадеженъ въ своихъ поступкахъ, постояненъ во злѣ, колеблющся въ своихъ благочестивыхъ намѣреніяхъ, совершенъ въ преступленіи, недостаточенъ въ своихъ правосудіяхъ. Вотъ легкое начертаніе человѣка!

Я скорѣе скажу, каковъ человѣкъ долженъ бы быть, нежели каковъ онъ заподлинно есть.

Мы выхваляемъ превосходство ума человѣческаго, глубину его знаній, вѣрность его памяти, множество его талантовъ; все то конечно заслуживаетъ наше удивленіе; но тожъ самое его осуждаетъ, ежели не посвящаетъ онъ своихъ дарованій ко святому употребленію, ежели не наполняетъ онъ себя знаніемъ Создателя своего, и ежели не памятуетъ той вѣчности, на которую долженъ взирать.

Какое имѣетъ основаніе твоя гордость, человѣкъ высокомысленный? Съ которой стороны ни погляжу на тебя, въ величіи, въ возвышеніи, снабдѣнна прекрасною душею, щедрымъ сердцемъ, превысокимъ умомъ, украшенна совершенствами тѣлесными, нахожу я тебя всегда человѣкомъ, то есть смертнымъ, тварью безсильною, къ заблужденію склонною, невольникомъ твоихъ страстей; великая причина ко смиренію твоему! Ты разсуждаешь о себѣ только по тому, что полезно твоему тщеславію; престань на часокъ глядѣть угождающими очами, разсуди о себѣ, ежели можешь, по справедливости твоего состоянія. Удивляясь прежде другихъ такой гордости, не смотря на твои слабости, устыдяся быть столько высокомысленнымъ, со столькими причинами, тебя понижающими, ты скажешь,

какъ тотъ мудрый: *злое киченіе! откуду ты приходишь?*

Гордость человѣка родится отъ его растлѣнія, такъ какъ несѣкомыя родятся отъ гнилости.

Съ котораго мѣста ни посмотрѣть на человѣка, находятъ его окруженна слабостьми: умъ его порабощенъ премногимъ мыслямъ, которыя его тревожатъ; онъ видитъ только половину правды, вмѣшиваются въ его знанія безчисленныя неподлинности и погрѣшности, которыхъ онъ не усматриваетъ, и темности, которыхъ разсмотрѣть не можетъ; выскакиваютъ изъ воли его злыя желанія, сердце его мучится страстями, разумъ его только слабые имѣетъ блески, тѣло его, повсядневно разтлѣвающееся, обременяетъ его душу и дѣлаетъ почти неспособнымъ ни къ чему доброму.

Люди не знаютъ ни своихъ слабостей, ни превосходностей своихъ. Ежелибъ увѣрены они были о своемъ величіи, не унижалибъ себя даже до исканія у тварей; ежелибъ удостовѣрены были о своемъ безсиліи, не бунтовалибъ противъ Бога.

Наибольшая сила ума не изъемлется отъ слабости; мудрый, какъ мудръ ни есть, имѣетъ однако какое нибудь нареканіе себѣ сдѣлать со стороны скудельности своей; мы люди, и противъ воли нашей мы такими являемся.

Человѣкъ обвиняетъ свою слабость, дабы извинить пороки; тщетный тотъ предлогъ! Довольноль того, чтобъ признавать себя слабымъ? Въ законахъ, во нравоученіи, въ Евангеліи, не должны ли мы почерпать ту силу, которой недостаетъ намъ?

Поистиннѣ всѣ мы имѣемъ одинакія слабости, такъ что другъ друга узнаваемъ въ портретѣ, и тѣхъ, которые меньше всего на насъ похожи.

Странное находится въ человѣкѣ противорѣчіе; онъ ничего не можетъ, а все ему возможно. Развяжемъ сію противность. Проницательный нашъ умъ непрестанно себѣ воображаетъ хитрость рукъ нашихъ трудолюбивыхъ, щастливо помогаетъ усиліямъ живаго нашего воображенія, все для насъ нетрудно. Мы заставляемъ рѣки течь инымъ путемъ; мы строимъ города въ пустыняхъ; мы по изволенію своему перемѣняемъ видъ цѣлыхъ провинцій; мы приневоливаемъ землю отдавать намъ ея сокровища, море обогащать насъ, всѣ стихіи служить намъ. Вотъ что можетъ человѣкъ!

Прибавимъ, что много есть вещей, которыя ему невозможны: онъ не можетъ одолѣть своенравной забродчивости своей, ни укротить страстей своихъ; онъ не можетъ утвердить ума своего къ изысканію истинны, ниже сердца своего къ любленію добра; онъ не можетъ удаляться отъ того, что ему вредно, ни приставать къ тому, что ему спасительно; онъ не можетъ сносить зла, ни противиться болѣзнямъ; онъ не можетъ самъ себя терпѣть, ни себя одолѣвать; онъ не можетъ доволенъ быть малымъ, ни удовольствовать себя многимъ. Вотъ что для человѣка невозможно! Онъ можетъ все, и не можетъ ничего; онъ не можетъ ничего, и можетъ все; безсиліе его во всемъ, силажъ его ограничена; власть его безконечна, невозможность его имѣетъ предѣлы; то, что онъ можетъ сдѣ-

лать, преодолѣвается тѣмъ, что невозможно; а что ему невозможно, одолѣваетъ то, что онъ дѣлать можетъ. Довольно чувствую, что я самъ себѣ противорѣчу; но противорѣчіе мое должно служить доказательствомъ тому, что по моему обнадеживанію находится въ человѣкѣ.

Другое еще противорѣчіе находится въ умѣ у человѣка: онъ не можетъ соглашать своихъ мнѣній; когда онъ боится, тогда удивляется тому, чего уповалъ; ежели начнетъ уповать, почитаетъ первыя боязни свои пустотою; онъ не довѣряетъ настоящимъ своимъ радостямъ и ропщетъ на печали, которыя чувствуетъ; настоящія его разсужденія осуждаютъ тѣ, которыя не задолго предъ тѣмъ его упражняли. Человѣкъ одаренъ разумомъ, ведущимъ его къ добру; и щастливъ бы былъ, ежелибъ не

имѣлъ

имѣлъ сердца, которое совлекаетъ его ко злу; рѣдко чувствованія перваго бываютъ чувствованія другаго. Разумъ хочетъ господствовать надъ сердцемъ, сердцежъ по своей очереди хочетъ законы давать разуму; ктожъ изъ обоихъ будетъ побѣдителемъ? Отъ доброй стороны всегда больше отстаютъ; и такъ разумъ надобно потерять.

Кудабъ ни зайти, носятъ съ собою *о горе*! То сердце не трудное къ разтлѣнію, ежели оно еще неразтлѣнно; легко оно приводится въ движеніе: довольно одного слова, одной рѣчи, одного взгляду, да ужъ того и много; оно только зараждающимися такими прелестьми побѣждается.

Человѣкъ всегда бываетъ въ сраженіи. Побѣдитъ онъ одну страсть, другая возстаетъ, которую должно воздерживать; по раз-

рушеніи сей народятся другія многія, на которыя разумЪ требуетЪ новыхЪ силЪ. НЂтЪ мира на свЂтЂ семЪ: по уменьшеніи сластолюбія честолюбіе бунтуетЪ, по пораженіи честолюбія скупость заступаетЪ его мЂсто; вся жизнь наша недостаточна кЪ произведенію войны на враговЪ нашихЪ.

ДобродЂтель умЂренности неизвЂстна человЂку; онЪ всЂ вещи доводитЪ до неразумныя крайности. ВЪ веселостяхЪ его есть расточеніе, уныніе же вЪ его печаляхЪ; ежели онЪ чего желаетЪ, безпокоится; ежели онЪ что теряетЪ, смущается; ежели онЪ великЪ, онЪ тщеславно гордЪ.

Непостоянство есть удЂлЪ состоянія человЂческаго. Иногда мы боимся зла, иногда вЪ немЪ мы ожесточаемся; одно мгновеніе ока видитЪ насЪ благочинными, другое видитЪ насЪ безчинными.

Статься можетъ, что есть такіе люди, въ которыхъ сіи перемѣны дѣйствуютъ совсѣмъ не отъ разпіленнаго сердца, по меньшей же мѣрѣ можнобъ ихъ придать той врожденной склонности, которую они имѣютъ къ перемѣнамъ; да тѣмъ извинительнѣе ли они?

Перебѣгать отъ зла къ добру, отъ добродѣтели къ пороку, отъ злодѣянія возвращаться къ мудрости, отъ мудрости возвращаться въ безпорядокъ, дѣлаемъ ли мы что другое? Жизнь наша не истинной ли есть отливъ и приливъ?

Нѣтъ у человѣковъ правила надежнаго, нѣтъ разсудка твердаго, нѣтъ мнѣнія подлиннаго: что сего дня называется злодѣйство, завтра почтется достоинствомъ; что нынѣ имѣетъ подлинность истинны, вскорѣ признаваемо будетъ заблужденіемъ. Добродѣтель не всегда ли одинакова и тажъ?

пере-

перемѣняется ли по разнымъ духамъ? Какъ сама неразпалѣвающаяся, не слѣдуетъ она вкусу разпалѣнія человѣческаго; мы же какъ разпалѣнные требуемъ ее покорять по изволенію затѣй нашихъ.

Человѣкъ святитъ всѣ свои воли; онъ вѣритъ, что жаръ его, пожелать чего нибудь, есть знакъ его правоты; отъ того тѣ предубѣжденія и упорность, отъ которыхъ отстать отнюдь не хотятъ; отъ того упрямство то въ исполненіи намѣренія праведнаго, чего уже не разсматриваютъ.

Великая причина заблужденій! Вѣрятъ, что не ошибаются, потому что и вѣру употребляютъ къ обольщенію себя. Гдѣ не усматриваютъ видимаго зла, тамъ не подозрѣваютъ быть ни единому; удостовѣряются, что все хорошо, что ни дѣлаютъ; для того что

такъ того желаютъ, и ничего имъ то не стоитъ.

Надобноль было, чтобъ человѣкъ имѣлъ волю, и имѣлъ ее толь противную волѣ своего Создателя? Богъ хощетъ, чтобъ мы были святы и совершенны, какъ онъ. Люди хотѣли бы, чтобъ онъ былъ помощникомъ ихъ преступленій и одобрялъ оныя, дабы смѣлѣе могли мы грѣшить.

Иной учится языкамъ, другой хочетъ быть натуралистомъ, сей прилежитъ геометріи, тотъ жизнь свою провождаетъ въ географіи; никто ни одного часа не употребляетъ къ разпознанію себя самаго. Такое небреженіе непростительно.

Знать себя самаго изо всѣхъ наукъ есть обширнѣйшая, важнѣйшая и меньше употребляемая. Философскія знанія ограничены, богословія не непроницательна; таин-

таинства благодати и предопредѢленіе могутъ объясняться; но человѢческое сердце есть бездна, которую трудно, могу сказать невозможно, измѢривать.

ЧеловѢку столь же трудно знать себя самаго, какъ и Ангеламъ знать своего Создателя. Богъ въ совершенствахъ своихъ, человѢкъ въ недостаткахъ своихъ наравнѢ безконечны. Безсиліе наше въ достиженіи совершеннаго такого знанія самихъ себя не извинитъ нашего небреженія. Постараемся себя разпознавать долговременно, станемъ примѢривать себя ежечасно, хотя трудъ продолжителенъ, но вспомнимъ, что онъ для насъ нуженъ.

Потрудимся, сколько изволимъ, въ узнаніи самихъ себя; всегда нѢчто избѢгнетъ отъ самыхъ точныхъ розысканій; невозможно такъ разщупывать свое сердце, чтобъ

чтобъ не было въ немъ нѣкотораго остатка, которой намъ остается невѣдомъ; чтожъ будетъ, ежели мы о томъ пренебрежемъ пещися?

Какъ хочемъ мы знать другихъ, а сами себя не знаемъ? Ежели начнемъ мы притворствовать, они безъ сомнѣнія еще больше того притворствовать станутъ.

Въ какое состоянie человѣкъ приведенъ ни будетъ, ручаюсь, что не сыщутъ секрета сдѣлать его довольнымъ. Ежели изъ житія простаго переведете его въ состоянie возвышенное, жалѣть онъ будетъ о потерѣ своей вольности; ежели изъ щастливаго по видимому того состоянія переведете вы его въ прежній образъ житія, жаловаться будетъ на ваше неправосудіе. Славное и бѣдственное наравнѣ состоянie! Славное по тому, что величie человѣка есть таково, что будучи уже выше всего,

остает-

остается только одно Всевышняго Существа пріобрѣтеніе къ наполненію обширныхъ его сердца желаній; бѣдственное по тому, что огнь любостяжанія его никогда не угасаетъ. Онъ воздыхаетъ о томъ, чѣмъ не владѣетъ; смотритъ съ завистію на благоденствіе другаго, безпокоится о своемъ собственномъ, прилѣжитъ къ пріобрѣтенію лучшаго; но искать истинныхъ щастій у тварей тожъ есть, что требовать благословенныхъ плодовъ отъ земли проклятыя, тожъ есть, что пожелать сыскать Бога въ нѣдрахъ разтлѣнія.

Ежелибъ человѣкъ могъ щастливъ быть на семъ свѣтѣ, напраснобъ ожидалъ онъ другаго. Какъ благополучія будущія жизни едины суть совершенны, потому неправедно жалуемся мы, что въ сей жизни таковыхъ нѣтъ.

Между

Между людьми не находится щасшливыхъ, знаеше ли для чего? Мы надмѣру почишаемъ тѣ вещи, кошорыхъ чесшолюбіе наше лишено; недовольножъ почишаемъ тѣ, кошорыми намъ пользовашься дозволено.

Желаніе увеличиваешъ въ умѣ нашемъ предмешы, но досшоинсшво шого изчезаешъ изъ глазъ нашихъ, какъ скоро по полученіи видѣшь шо близко намъ дозволяешся.

Привязываюшъ щасшіе свое ко сшолькимъ вещамъ, чшо покою мѣсша не даюшъ. Кшо довольнымъ себя почшешъ посредсшвенно добрымъ именемъ, богашсшвомъ умѣреннымъ? Однако сей шолько одинъ пушь ведешъ къ благополучію.

Мы сами себя обманываемъ, вѣря при нещасшіяхъ нашихъ, чшо нѣсколько побольше здоровья, нѣсколько побольше имѣнія, нѣсколько побольше имени, или чесши, сдѣ-

 лалобъ

лалобъ насъ щастливыми. Комужъ довольное богатство, пріобрѣтеніе великаго имени, освобожденіе отъ всякихъ болѣзней, служитъ вмѣсто благополучія? Ахъ! человѣкъ такимъ образомъ себя не довольствуетъ.

Жалокъ человѣкъ, что столько желаетъ себѣ покою; не трудится, какъ для покоя, и не можетъ наконецъ жить въ покоѣ. Жалуются на хлопоты, въ которыхъ по дѣламъ утопаютъ, ищутъ житія спокойнаго, да имѣютъ ли вольность онымъ наслаждаться? Все кажется невкусно. Нещастными себя чтутъ быть безъ упражненія, несносны тогда сами себѣ бываютъ, и по прежнему возвращаются въ замѣшательство смутное. Какая странность! какое неравенство!

Мы идемъ путемъ трудовъ, хлопотъ, заботъ, чтобъ дойти до покоя; вся жизнь наша въ движе-

женіи, въ работѣ, чегожъ ищутъ? Покоя. На чтожъ желаютъ его себѣ доставить?

Сколько имѣемъ мы времени прожить на землѣ? Нарочно съ неба низшедшій Ангелъ обнадежилъ ли насъ отъ страха близкія смерти? Хотя бы мы были безсмертны, не инаково старалися бы мы о запасѣ нужнаго для множества вѣковъ.

Такъ ли, или инаково мы себя обольщаемъ; ибо, или мы вѣримъ, что міру сему для насъ конца никогда не будетъ, или мы отрицаемся отъ ожиданія будущія жизни. Прилагаемые труды наши не показываютъ ли привязанность нашу къ вещамъ настоящимъ и неуваженіе наше въ разсужденіи будущихъ?

Ежелибъ не научала меня вѣра, не повѣрилъ бы я, что всѣ люди былибъ предопредѣлены къ безсмертію. Я много изъ нихъ вижу,

которые живутъ такъ, будто они того не уповаютъ.

Нѣтъ такого мгновенія ока, котораго бы человѣкъ не имѣлъ причины жалѣть. Онъ долженъ бояться будущаго, оплакивать минувшее, не довѣрять настоящему. Будущее, которое не въ его власти, заготовляетъ можетъ быть ему бѣды великія. Ежели разсуждаетъ онъ о минувшемъ, какое въ умѣ его смятеніе? Преступленія, которыми младость его наполнена, должны повергать его въ раскаянія жестокія; небреженіе его въ содѣяніи малаго какого добреца должно быть для него вѣчною причиною смущенія; непрестанно принужденный уступать нападеніямъ своихъ страстей, настоящее для него время есть наиболье опасное. Всѣ часы, протекающіе съ чудною скоростію, видѣли можетъ быть его паденіе безъ надежды къ его воэста-

станію въ теченіи слѣдующихъ за ними.

Мы только настоящее въ волѣ своей имѣемъ, и самое то время похищать у себя попускаемъ. Мы захватываемъ будущаго, сколь ни надежны мы о неподлинности онаго; будущіе вѣка суть предметы нашихъ желаній, мы приближаемъ къ себѣ въ умоначертаніи своемъ тѣ еще толь отдаленные годы; когдажъ они наконецъ наступятъ, мы упреждаемъ слѣдующіе по порядку нетерпѣливости. И такъ человѣкъ никогда довольнымъ себя не почитаетъ, а только всячески усиливается быть таковымъ, и ограничиваетъ себя упованіемъ до того достигнуть.

Изъ будущаго того времени, на которое издалека смотрятъ, довольствуются выбрать нѣсколько годовъ, не помышляя о вѣчныхъ годахъ, которые дѣлаютъ

будущее время страшнымъ. Въ десять лѣтъ щастiе мое совершится, говоритъ мiрской корыстолюбецъ. Для чего не старѣе я двапцатью годами, кричитъ ученой мудрецъ? былъ бы я первымъ въ моемъ искусствѣ. Всякъ такъ говоритъ, а никто не скажетъ: можетъ быть скоро будетъ рѣшено о моей вѣчности. Смерть скоропостижно похититъ то, чѣмъ я владѣю, и дастъ мнѣ знать, что полагался я на такое время, которое мнѣ не принадлежитъ.

Ежелибъ человѣкъ доброе дѣлалъ употребленiе изъ житiя своего, простилъ бы я ему, что жалуется на естество, которое строгiе положило предѣлы жизни его, когда даровало оно нѣкоторымъ звѣрямъ жизнь очень долголѣтнюю. Ежелибъ оно намъ то даровало, будемъ ли мы отъ того мудрѣе, и скорѣель мы отстанемъ

отъ заблужденій міра сего? Не тужъ ли мы всегда будемъ имѣть надежду, что исправимъ себя за нѣсколько часовъ предъ смертію?

Должайшая жизнь распространила бы только пути порока. Своевольникъ, ходя по нихъ долгое время, узналъ бы очень поздно свои заблужденія, и отъ того сдѣлалася бы ему далѣе дорога къ учиненію себя мудрымъ.

Вмѣсто жалобы на естество станемъ сами себя укорять, что жизнь, которая толь кратка, стараемся сильно сдѣлать злою.

Жаловаться, что жизнь недолговременна, рѣчь такая несогласна съ его сердцемъ. Нѣтъ никого, ктобъ не находилъ ее очень продолжительну; понеже стараются наполнять забавами премножество часовъ, которыя въ ней причиняютъ скуку.

Кому изъ двухъ вѣрить: тѣмъ ли, которые говорятъ, что она долго продолжается, или тѣмъ, которые жалуются, что она не довольно долговременна? Первые взираютъ на будущее, которое тихо приближается; другіе разсуждаютъ о прошедшемъ, которое стремительно убѣжало; всѣжъ оставляютъ въ забытіи настоящее.

Поистиннѣ жизнь кратка, ежели разсмотрятъ, скольковъ надобно времени къ доведенію себя до совершенства предъ очами того, которой въ томъ отчета отъ насъ потребуетъ; но довольно она долга, ежели въ ней Христіянски наблюдаютъ всѣ годы.

Жизнь коротка для тѣхъ, которые въ веселостяхъ мірскихъ находятся; а кажется долга для тѣхъ, которые мучатся въ печаляхъ. Іовъ негодовалъ, что жилъ такъ долго, а Соломонъ чаялъ,

можетъ быть, что очень молодъ умеръ.

Человѣкъ непрестанно молится о продолженiи дней своихъ; ежелибъ состоянiе его до того дошло, чтобъ осужденъ былъ жить многiе вѣки, молился бы онъ еще ревностнѣе о избавленiи его отъ болѣзней дряхлыя старости.

Жизнь коротка, возклицалъ нѣкоторой великiй Король, разсуждая о красотахъ палатъ его. Однимъ тѣмъ разсужденiемъ онъ или себя поправлялъ, или упреждалъ желанiя своего сердца. Честолюбiе у человѣка въ самомъ дѣлѣ такъ велико, предпрiятiя его такъ обширны, что подлинно къ исполненiю всего не достаетъ ему времени.

Ежели имѣемъ мы довольное время трудиться о вѣчности, почто говоримъ, что жизнь наша коротка? На что столько проектовъ,

столько намѣренiй, толикая привязанность къ земному, когда мы удостовѣрены, что пребыванiе наше тамъ будетъ толь маловременно.

Меценатъ не тужилъ быть горбатымъ, хромоногимъ, лишь бы только быть живу. Мы всѣ толикую имѣемъ привязанность къ жизни, большая же изъ насъ часть имѣетъ ее преступническую. Мы охотно потеряемъ тѣлесныя качества, науку, добродѣтель, ежелибъ отъ того зависѣло продолженiе жизни на нѣсколько дней.

Море едва начнетъ бурно волноваться, какъ самой прескупой купецъ облегчаетъ свой корабль, дабы спасти себя и не утонуть; чтобъ ни говорили, жизнь любятъ больше богатствъ.

Спросили нѣкогда у одного философа, что есть жизнь? *Вы меня видите*, отвѣтствовалъ онъ, *ты меня*

меня больше не видите, уподобляя жизнь съ тою, которая за нею должна слѣдовать. Не самаяль то истинна, что только являются и проходятъ въ свѣтѣ? Насъ тамъ видятъ, насъ тамъ больше не видятъ; мы тамъ не являемся, мы тамъ являлися; ибо все ушло, все миновалось и настоящее отъ насъ убѣгаетъ.

Въ молодости обѣщаютъ себѣ жизнь долголѣтнюю, постарѣвъ обѣщаютъ себѣ, что могутъ еще прожить нѣсколько лѣтъ. Я еще можетъ быть поживу одинъ годъ, говоритъ дряхлой тотъ старикъ, и всегда та же надежда. И такъ найдутъ конецъ житію своему, когда наибольше пекутся о его продолженіи.

По нынѣ жили мы или для Государя, или для друзей своихъ, или для любовницы, или для богатства, когдажъ мы начнемъ

жить

жить для себя? когда станемЪ жить для Бога?

Тщетно вопіютЪ противЪ развтлѣнія разныхЪ вѣковЪ; пока человѣкЪ живЪ, невозможно изЪ обмана, или изЪ заблужденія его вывесть; смерть единая вЪ состояніи сорвать сЪ него покровЪ, его ослѣпляющій. По то время заблужденіе ему пріятно, а правда ему досаждаетЪ; онЪ воображаетЪ вЪ себѣ благополучіе вЪ томЪ, чѣмЪ не владѣетЪ; честолюбиво ищетЪ великостей, нѣжится вЪ покоѣ, или прилѣжитЪ кЪ трудамЪ непотребнымЪ; послѣдній часЪ застаетЪ его вЪ химерическихЪ его упражненіяхЪ, и тогда только признается, что онЪ ошибался.

Какая первая рѣчь у людей умирающихЪ? Молодой мотЪ, беззаконной судія, мірская женщина, честолюбецЪ, придворной, всѣ однимЪ кричатЪ голосомЪ: *мы заблу-*

блудилися отъ пути истинны. Какая бѣда не смотрѣть глазами какъ въ тотъ часъ, когда смерть приходитъ закрыть ихъ навсегда во вѣки!

Смерть, показывающая намъ ничтожество тѣхъ тварей, которыхъ мы любили, не отводитъ однако насъ отъ нихъ. Страсти наши разбуждаются въ страшной тотъ часъ, сердце съ горячностію воздыхаетъ о предметахъ тѣхъ, которыхъ тогда его лишаютъ. Мстительной умираетъ, не прощая; богатый умираетъ, не объясня своихъ пріобрѣтеній; лицемѣръ умираетъ въ своемъ ожесточеніи.

Мы смотримъ на смерть другихъ какъ на нещастіе, имъ случившееся, а вмѣсто того должны бы на нее смотрѣть какъ на увѣдомленіе, насъ угрожающее. Самые пущіе злодѣи не могутъ удержаться, чтобъ не вскрикнуть: все прохо-

ходитъ, все къ кончинѣ своей идетъ; мыслятъ ли, что и сами пройдутъ, и что конецъ ихъ будетъ не меньше скоропостиженъ?

Въ какомъ будутъ тогда отчаяніи тѣ, которыхъ знанія предѣломъ имѣли безплодныя о смерти мысли? Они увидятъ тщету ихъ науки, глупость ихъ умозрительства, и научатся уже при смерти, какъ бы жить надлежало; а они должны бы во всю жизнь свою учиться какъ умирать должно.

Все погибаетъ для человѣка умирающаго, весь міръ для него кончится.

Отъ одного мгновенія ока зависитъ вѣчность, и мгновеніе то ока можетъ быть привязано къ тому разсужденію, которое я теперь сдѣлаю:

Наступаетъ ночь, въ которой никто работать не можетъ. Проекты обращенія, потому что поздно

дно сдѣланы, не исполняются; стенанія души, ложно сокрушенныя, уже не услышатся. Не могутъ молить Бога, или молятся ему тщетно; не приносятъ покаянія, или приносятъ его не полное; ищутъ добродѣтели, не имѣя великія ненависти ко злу; медленно силятся отстать отъ порока, но не могутъ дѣйствительно приступить къ благочестію; находятся наконецъ въ невозможности трудиться о своемъ спасеніи, или хотя по бѣдственной нуждѣ о томъ трудятся, но несовершенно.

2.

Вѣра.

На двѣ части раздѣляются тѣ особы, которыя разно мыслятъ о вѣрѣ: однѣ представляютъ себѣ ее толь естественну, что приписываютъ онѣ суевѣрству все то, что

что превосходитъ силу ихъ разсужденія. Тѣ люди точно не имѣютъ вѣры; они не вѣруютъ, они не хотятъ вѣрить, рѣшася противиться невѣріемъ упрямымъ всему тому, чтобъ могло быть употребляемо для ихъ удостовѣренія; они хотябъ увидѣли чудеса и чудотворенія, не были бы тѣмъ тронуты.

Другіе, совлекаемы своею слабостію, не презираютъ святыню какъ для того, что видятъ ее въ презрѣніи у тѣхъ, которыхъ называютъ *крѣпкими умами*. Своевольникъ себя мнитъ очень подкрѣпленна, когда можетъ уполномочить себя злыми примѣрами; онъ дозволяетъ тожъ зло, какое оные дѣлаютъ безъ наказанія.

Ежелибъ человѣкъ могъ понимать то, что видитъ, простилъ бы я ему, что онъ сомнѣвается въ томъ, чего не видитъ. Но самая

мая малѣйшая вещь есть бездна темная, въ которой разумъ его теряется. Мы сами свидѣтели безчисленныхъ дивъ, до глубины которыхъ доходить не можемъ. Солнце, подая намъ свѣтъ свой, умягчаетъ зной лучей своихъ; земля приноситъ намъ плоды изобильные, и снабдѣваетъ въ нуждахъ нашихъ; море сокращаетъ свои треволненія для отворенія намъ надежнаго пути въ иностранныя земли; воздухъ возбуждаетъ свои вѣтры въ нашу пользу; небо низпущаетъ свои дожди; что намъ отвѣтствовать? Хоть одинъ изъ смертныхъ по нынѣ могъ ли понять причину порядочнаго того наслѣдія дней и нощей, начала прилива и отлива? Все то останавляетъ теченіе нашихъ разсужденій.

Не въ состояніи будучи все то знать, мы хотимъ измѣривать судьбы Божіи. Мы требуемъ у

него отчета въ его поведеніи; мы дѣлаемъ премудрость его отвѣтственну нашимъ сомнѣніямъ.

Человѣкъ много виноватъ, мня невозможнымъ быть все то, что не выходитъ изъ его рукъ безсильныхъ. Не довольноль съ него вѣдать, что ничто противоустоять не можетъ гласу Превѣчнаго, и что тотъ, котораго малѣйшія творенія суть предивны, конечно могъ ихъ произвесть, не обязуяся объ нихъ давать знать.

Богъ, помогая нашей слабости, сотворилъ насъ самимъ себѣ непонятными, дабы не были мы причиною роптанія, что мы его не понимаемъ. Человѣкъ невѣрователь не такъ о томъ судитъ. Гласъ пророковъ, слѣпое повиновеніе смиренныхъ, краснорѣчіе чудесъ, не убѣждаютъ его.

Что больше того? снидетъ ли Богъ на землю для побѣжденія нашей

шей упорности? Въ томъ намѣренія наши предупреждены, и вѣра наша отъ того не сильнѣе. Богъ человѣкъ, Богъ распятый, Богъ умерый; вотъ таинства нашея вѣры, и ежели смѣю то сказать, предметы нашего невѣрованія!

Философъ, вѣрующій, что разумъ есть предѣлъ всѣмъ вещамъ, колеблется принесть Богу на жертву свой разумъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ Богъ не творилъ столько чудесъ, или, творя ихъ, открывалъ бы ему причины тайныя; онъ хотѣлъ бы, чтобъ власть провидѣнія была больше стѣснена, или бы разумъ его имѣлъ проницаніе большія обширности.

Христіянинъ, больше покорный, колѣнопреклонно чтитъ и что онъ понимаетъ, и чего онъ не понимаетъ. Онъ знаетъ, что жизнь сія есть мѣсто темностей, что въ будущей токмо завѣсы разде-

рутся, тѣни изчезнутъ, а истинна возсіяетъ.

Нечестивый есть человѣкъ такой, которой славится жить безъ вѣры: говорите ему о Богѣ, онъ слушаетъ холодно; церковь у него есть сходбище обыкновенное; онъ въ ней разговариваетъ, онъ въ ней смѣется, онъ въ ней дѣлаетъ то, что едва дозволилося бы въ собраніи, въ которомъ своевольство запрещено не былобъ. Столь же мало тронутъ почтеніемъ предъ лицемъ того, кого въ ней колѣнопреклонно чтутъ, какъ бы стыдился онъ смирить себя въ его присутствіи: онъ чуть наклоняетъ голову, и становится на одно только колѣно. Никогда не говоритъ онъ безъ клятвы, безъ посмѣянія святымъ вещамъ и безъ хулы того, кого онъ не знаетъ. Праздничные дни суть тѣ для него, когда онъ съ веселіемъ сговаривается въ мерзскія

скія мотовскія ходитъ товарищества. Онъ покраснѣлъ бы, когдабъ увидѣли его въ церквахъ, славяся со многими нечестивцами, подобными его нраву, пристойное сыскать мѣсто для разсказанія своихъ выдумокъ діавольскихъ.

Крѣпкій умъ значитъ больше какъ нечестивый. Онъ не имѣетъ вѣры; не столь грубъ, какъ своевольникъ; потому терпятъ его охотнѣе, да и выслушиваютъ его со вниманіемъ; хитрыми, но зловредными своими шутками раздираетъ онъ все, не дѣлая себѣ вреда. Благочестіе, обряды, мощи, таинства, суть для него матеріи къ посмѣянію; онъ все приписываетъ теченію природы; а теченіе природы, которое долженъ бы кажется приписывать нѣкоторому Существу независящему, онъ приписываетъ случаю, судьбѣ, нѣкакой

надобности, къ которой не хочетъ онъ допускать начала.

Онъ почитаетъ въ умѣ своемъ того слабымъ, кто вѣритъ, что душа есть безсмертна. Въ чемъ вѣра насъ обнадеживаетъ, онъ въ томъ сомнѣвается, даетъ религіи имя мудрости политическія; ежели захотите его сокрушить доводами святаго писанія, его начало состоитъ въ непризнаніи онаго.

Пророки тѣ, Апостоли тѣ, были такіе же люди, какъ мы; должноль на нихъ больше ссылаться, нежели на тысячу другихъ, которые инаково мыслили о религіи? Тутъ я тебя, своевольникъ, остановлю: нѣтъ, не были они такіежъ люди, какъ мы. Они имѣли сердце покорное, умъ просвѣщенный, совѣсть чистую; вы во тьмѣ ходите, вы по предупрежденіямъ судите, вы заблужденія свои любите; разнота весьма великая!

Въ разговорахъ у мнимыхъ тѣхъ крѣпкихъ умовъ, которые, ежели опредѣлить объ нихъ, суть добрые *аѳеисты*, есть ли добрая вѣрность? Говоря про то прямо, хотѣлъ бы я свидѣтелемъ быть ихъ мнѣній при часѣ смерти. Ежели они не вѣрятъ религіи, на что прибѣжище имѣютъ къ таинствамъ? Ежели мнятъ, что душа умираетъ съ тѣломъ, для чего содрогаются они, для чего молятъ Бога, котораго никогда не признавали?

Наиболье смущаются при смерти тѣ, которые, находяся въ добромъ здоровьѣ, задали себѣ такія причины невѣрованія. Вы ни одного не увидите, которой бы не задрожалъ при угроженіяхъ смерти. Быть уже такъ, говоритъ аѳеистъ во своемъ отчаяніи: ежели есть Богъ, буду я осужденъ; ежели нѣтъ его, много будетъ глупцовъ; но

 крѣп-

крѣпкій тотъ умъ не разсуждаетъ, что онъ будетъ всѣхъ глупѣе.

Послушайте, прошу, другое крѣпкаго того ума разсужденіе: вы люди добродѣтельные, вы вѣрите въ Бога, для того что ожидаете награжденія за добрыя дѣла ваши; вы судите для своей пользы. Я ему спорю: для чего, отвѣтствую я сему нечестивому, присталъ бы я лучше къ вашему мнѣнію? Вы не вѣруете въ Бога, для того что боитеся наказанія за злодѣйства ваши; не справедливѣель мнѣ приставать къ доброму тому человѣку?

Ежелибъ аѳеистъ и всѣ противоборствующіе съ религіею имѣли по благонравію житіе благочинное, и не впадали бы они въ такіе безпорядки, отъ которыхъ благопристойность токмо насъ отводитъ, я извинилъ бы ихъ можетъ быть,

хотя

хотя въ самомъ дѣлѣ всегда они неизвинительны. Видалъ ли кто изъ нихъ неотрекшагося отъ чести и отъ добродѣтели?

Не могъ я еще воображать себѣ, чтобъ были подлинные аѳеисты. *Безумный*, читаемъ мы у пророка, *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога*, то есть безумный желалъ бы, чтобъ не было Бога. Духъ его противъ воли своей борется съ желаніями своего сердца; все противится ложнымъ его мнѣніямъ; ежели по злости своей уничтожаетъ бытіе Божіе, увидитъ тамъ ясно, что онъ себя обманулъ. Но коль ужасно проклинать свое заблужденіе тогда уже, какъ почувствуетъ гнѣвъ небесный! Коль ужасно не признавать Бога, какъ въ то время, когда онъ является судіею нечестивыхъ, немилосердымъ мстителемъ ихъ нечестія.

Не чаю я, чтобъ былъ человѣкъ, которой бы во всю жизнь свою отвергалъ вѣрованіе въ Бога; и я удостовѣренъ при концѣ о моей вѣрѣ, видя злѣйшихъ богоотступниковъ, при концѣ призывающихъ Бога себѣ на помощь.

Послѣ всѣхъ удостовѣреній, каковы должны мы имѣть о нашей вѣрѣ, не знаю, находятсяль люди нечестія, такъ рѣшеннаго, чтобъ хвастать ихъ безвѣріемъ при часѣ смертномъ. Возможноль, чтобъ они не вострепетали отъ всего того, что имѣетъ страшнаго и ужаснаго последній часъ тотъ? Не могу повѣрить, не смотря на притворную бодрость, какову внѣшне стараются они оказывать, чтобъ душа ихъ была въ истинномъ спокойствіи; тишина та внѣшняя ложна, бодрость та обманываетъ. Хотя духъ устоять имѣлъ бы только противъ ужастей смерти, не говорю

рю я о печальныхъ разсужденіяхъ, о прошедшемъ, о слѣдствіи, больше еще страшномъ, будущаго; кажется мнѣ, что позоръ такой долженъ смутить самую непоколебимую твердость.

Читалъ я въ Христіянскомъ Сократѣ Г. Балзаса одну исторію, которая самаго меня смущаетъ: онъ пишетъ, что нѣкотораго Принца иностраннаго, находящагося при часѣ смертномъ, богословъ Протестантской, которой обыкновенно говаривалъ предъ нимъ проповѣди, пришелъ навѣстить съ двумя, или тремя другими тогожъ исповѣданія, и уговаривалъ его сдѣлать предъ ними подобіе исповѣданія вѣры. Принцъ отвѣтствовалъ ему улыбнувшися: *Государь мой и другъ! весьма сожалѣю, что не могу учинить удовольствія, вами отъ меня желаемаго; вы видите, что я не въ состояніи рѣчь дол-*

долгую говорить, а скажу вамъ только кратко, что вѣрую, что дважды два дѣлаютъ четыре, а дважды четыре дѣлаютъ восемь. Господинъ сей (показывая на одного маѳематика, при томъ стоявшаго) *можетъ вамъ объяснить другіе артикулы нашего вѣрованія.*

Нѣтъ ли въ словахъ такихъ чего нибудь уродочудовищнаго? Слѣпота ли то, или хороброваніе крѣпкаго ума? Нечувствительность ли то, или хвастовство, человѣку умирать въ такихъ чувствованіяхъ, умирая славиться, что вѣруетъ истиннѣ въ щетѣ, и имѣть только ту вѣру? Когдажъ онъ толь совершенно знаетъ, что *дважды два дѣлаютъ четыре*, и *что четыре и четыре дѣлаютъ восемь*, останется ему все время къ вычитанію лѣтъ бѣдственныя вѣчности.

Время ли издѣваться при часѣ смертномъ? Шутка можетъ ли быть нескладнѣе? Развѣ они позабыли, что тотъ часъ Богъ себѣ самому оставилъ для посрамленія нечестивыхъ?

Больше всего остерегаться должно въ случаѣ разговоровъ о вещахъ святыхъ. Стыдно не имѣть религіи, смѣшно тѣмъ хвалиться; внутреннее имѣютъ угрызѣніе быть нечестивымъ; въ народѣ не можно тѣмъ достать себѣ чести.

Стилпонъ весьма умно отвѣтствовалъ Кратесу, которой спрашивалъ у него, пріятны ли богамъ поклоны человѣческіе: *спроси у меня о томъ, когда мы одни будемъ.* Хотя онъ о богахъ своихъ имѣлъ мнѣнія не очень почтительныя, не чаялъ однако, чтобъ ему дозволялося ихъ являть всему народу, или по нѣжности совѣстной притворную дѣлалъ тайну, не находя за нуж-

нужное, чтобъ невѣжды имѣли участіе въ вещахъ, весьма выше разумѣнія ихъ.

Не должно сказывать, что есть въ мысляхъ, по нѣкоторымъ пунктамъ религіи при такихъ людяхъ, которыхъ или худыя наши мнѣнія могутъ повредить, или такія наши чувствованія ввергнуть могутъ ежели не въ безвѣріе, то по меньшей мѣрѣ въ сомнительство. Примѣтьте, что я не уполномочиваю вольность дѣлать самому себѣ рѣшенія; я хочу только похулить невѣждъ, которые говорятъ о таинствахъ нашихъ непочтительно; или ученыхъ, которые умничаютъ не ко времени своими тонкостьми.

Паче всего надобно въ томъ остерегаться отъ женщинъ, какъ съ природы любопытныхъ; онѣ хотятъ все знать, мѣшаются въ споры, спрашиваютъ изъясненія, опп-

отрицаются отъ началъ, упрямятся въ удостовѣреніи себя. И такъ не ходи, новый богословъ, къ туалетамъ разсуждать красиво о какомъ либо вопросѣ, отъ котораго твое и мое зависитъ спасеніе. Спросятъ тебя, что ты мыслишь о благодати? Молчи, или говори, какъ человѣкъ, уже ее имѣющій.

Христіянинъ, которой ябеднически переговариваетъ свою вѣру, мнѣ кажется больше виноватъ, нежели человѣкъ, *аѳеистъ* въ своемъ сердцѣ. Сей не вѣруетъ въ Бога, но того онъ не сказываетъ; тотъ вѣруетъ во единаго Бога, но приводитъ онъ другихъ въ сомнительную неподлинность, и доводитъ ихъ до ереси. Не обыкновеннѣе ль всего прикрывать личиною нравоученіе и шутить религіею? Находятся въ церквѣ нововводители, такъ какъ и въ людяхъ любопытствующіе, которые хотятъ свои мнѣнія

нія приводитЪ вЪ моду, хотя сами первые знаютЪ всю оныя странность.

Столько разныхЪ разсужденій на одинЪ только пунктЪ нравоученія не служатЪ, какЪ кЪ подтвержденію того, которой религія приняла и одобрила. Часто не узнавали бы, которая сторона добрая, ежелибЪ не противилися ей сЪ упрямствомЪ, и ежелибЪ тайное сЪ небесЪ просвѣщеніе тогда не показывало худую сторону. Поступимъ сЪ искренностію, не станемЪ слѣдовать ни склонности нашей кЪ безсмертію, когда истинны превышаютЪ разумѣніе человѣческое, ни склонности нашей кЪ своевольному невѣжеству, когда онѣ борются со страстьми; найдемЪ безЪ труда розвязь противностямЪ, которыя кажется будто упрямствуютЪ разуму.

Разнота мнѣній, которая должнабъ возбуждать желаніе себя наставлять, или обучать, обыкновенно только раздражаетъ ложныя предубѣжденія; для того что не столько ее разсматриваютъ глазами свидѣтелей, ищущихъ истинны, какъ глазами зрителей, которые ищутъ чести быть третейскими судіями въ ихъ жребіи.

Мы бунтуемъ противъ истиннъ, которыхъ не вѣдать намъ не можно, и отвергаемъ тѣ, которыя собственному нашему самолюбію полезно не одобривать

Не быть тронуту ни важностію увѣщанія отцевъ церковныхъ, ни громогласіемъ истиннъ Евенгельскихъ; о небо! какое безчувствіе! какое ожесточеніе!

Ученые, прямо сказать, меньше имѣютъ вѣры, нежели невѣжды. Чѣмъ больше они видятъ, тѣмъ больше хотятъ проникнуть;

чѣмъ большія дѣлаютъ открованія, тѣмъ больше сомнѣваются; столь дерзостны, что измѣриваютъ глубину непроницаемыхъ Божіихъ совѣтовъ, и всегда себя ограждаютъ нѣжными отвратностьми ихъ разума.

Грубое невѣжество и надмѣру субтильная наука вредны для вѣры. Ежели ничего не смыслятъ, ничего не отказываютъ, оттуда суевѣрство; ежели хотятъ все проницать, съ трудомъ вѣруютъ, оттуда сомнительства нечестивыя.

Много о вѣрѣ разсуждать есть опасное упрямство. Разсужденіе никогда не производитъ вѣры больше послушныя; ибо вѣра поистиннѣ отставляетъ всякое разсужденіе и вѣруетъ слѣпо.

Какое очарованіе мѣшаетъ людямъ носить иго религіи и покоряться истиннѣ? Они не требовалибъ ничего лучше, какъ чтобъ

отъ

отъ нихъ ее скрывали; они желали бы, чтобъ никто ее не зналъ, дабы никто ихъ ей не обучилъ; они хотѣли бы, чтобъ строгія нравоучительныя правила вѣчно нерѣшимыми оставалися или для того, что имѣютъ искусство показывать, что какъ не учася ничему, будутъ они извинительны; или боятся они, чтобъ поученіе, крѣпко удостовѣрительное, не поколебало принятое ими намѣреніе жить по волѣ страстей своихъ. Сверьхъ того желалибъ они, чтобъ Творецъ истинны не былъ; чтобъ сіе свѣтило, котораго блески проницаютъ мглу ихъ сластолюбія, совсѣмъ угасло, уповая, что тогда невѣдѣніе ихъ имѣлобъ свое извиненіе, грѣхижъ ихъ ненаказанность.

Какъ мы ни выдумчивы вспомогать лживостямъ, какъ мы ни мнимъ, что разсудки наши правосудны, не съ доброю однако вѣ-

рою мы притомъ дѣйствуемъ. Въ началѣ плаваемъ мы между добромъ и зломъ; умъ работаетъ, можнобъ сказать, что сердцу хотѣлосябъ къ томужъ пристать; ибо они оба усердствуютъ по видимому то разбирать. Въ самомъ дѣлѣ мало прямаго въ такихъ ученыхъ розысканіяхъ; ежелибъ были они искренны, чрезъ скорое узнаніе зла увидѣли бы мы безъ труда всю окружность добра.

Дѣйство то нашего лукавства, чтобъ скорѣе обращаться ко злу, которое конечно извѣстно, нежели къ добру, которое меньше половины видятъ. Надежны всѣ, что прекрасное дѣло воздерживаться отъ нѣкоторыхъ вещей; сомнѣваются, запрещеноль приставать къ другимъ, которыя мнятъ быть безпорочными, хотя онѣ однако и не таковы; не виноватылъ уже и тѣмъ, что рѣшимся въ пользу

дѣ-

дѣла, которое насъ таковыми неминуемо сдѣлаетъ? Впрочемъ какую подлинность ищемъ мы имѣть? Хотимъ ли, чтобъ намъ сказано было точно, въ чемъ состоитъ совершенное Христіянство? къ чему оно насъ обязуетъ по крайней строгости. Опасаемсяль мы сдѣлать что излишнее? Не станемъ ли еще вопрошать, что лихоиманіе, что клевета, суть только малые грѣхи, и не престанемъ мы быть лихоимцами и клеветниками, какъ тогда только, когда удостовѣрятъ насъ о ихъ ужасности?

Надобна, говорятъ неимѣющіе какъ только слабое о вѣрѣ умоначертаніе, надобна добродѣтель свободная, которая не находила бы ни принужденій, ни сомнительствъ; добродѣтель честнаго человѣка, которой дѣлаетъ себѣ предѣлъ между крайности во злѣ и недо-

статка въ добрѣ; добродѣтель естественная, отвращающая отъ великихъ неправосудій, не обязывая къ исполненіямъ, очень правильнымъ; добродѣтель общественная, которая сходствовалабъ съ благопристойностію; добродѣтель гражданская, которая сопрягаетъ совѣсть съ интересомъ, обыкновенія людскія съ правилами Христіянства. Не прекрасналь сія система?

3.

Міръ, люди.

Чѣмъ больше міръ разсматриваютъ, тѣмъ больше посмѣятельнаго въ немъ открываютъ.

Надобно въ мірѣ быть лицемѣромъ, говорилъ мнѣ нѣкто, довольно его знающій. Кто похочетъ тамъ быть нескрытнымъ, тотъ худую ролю играетъ. Надмѣрная откровенность тамъ вредитъ,

дитъ, искренность безъ нѣсколькаго притворства тамъ никуда не годится. Такое правило меня удивило; но я призналъ его справедливымъ, когда увидѣлъ, что оно не распространяется даже до вѣры.

Довольно видно въ мірѣ такого рода лицемѣровъ. Всякъ тамъ крѣпко знаетъ нужду притворствовать такія внѣшности, которыя никогда не исполняются. Иной ищетъ погибели своему непріятелю, которой осыпаетъ его своими ласками; иной притворяется намъ служить, а ожидаетъ только того часа, чтобъ насъ погубить; почитаютъ по видимому тѣхъ, которыхъ дѣйствительно презираютъ; показываютъ угожденіе совмѣстнику, котораго втайнѣ ненавидятъ.

Когда усмотрятъ, что надобно поберечь щастіе, употребляютъ уже всѣ скрытности, или лу-

кавства. Надобно угождать людямъ выше себя, не поступятъ ли натурально въ ихъ присутствіи? Дѣлаютъ весьма того лучше. Высокомысленный унижаетъ себя, мстительный задушаетъ явный гнѣвъ свой, сердитый прикрывается епанчею тихости, сребролюбецъ выхваляетъ щедрость, измѣнникъ хвалитъ вѣрность, неблагодарный превозноситъ добропамятство.

Сіе лицемѣріе сдѣлалося добродѣтелію модною. Я нѣкоторымъ образомъ ее одобряю, хотябъ весьма лучше любилъ я человѣка такого, котораго поведеніе былобъ искреннее и порядочное.

Міру не противны такого рода лицемѣры. Политикъ ихъ терпитъ, вѣра ихъ ненавидитъ, Христіянство ихъ клянетъ.

Поучаться быть такимъ, каковымъ честолюбіе ищетъ являться; не желать являться какъ такимъ, ка-

каковЪ кто есть, вЪ томЪ состоитЪ наука міра сего. *Не дѣлай себя ПринцемЪ*, говорилЪ СолонЪ, *ежели такопымЪ быть ты не научился*. Не все пристанетЪ ко всякого рода людямЪ: видЪ величественный не пристоенЪ какЪ тѣмЪ, которые кЪ тому возвышены, развѣ кто сЪ успѣхомЪ трудился его себѣ присвоить. Что говорилЪ СолонЪ придворному человѣку, мы тожЪ сказать можемЪ всѣмЪ людямЪ и каждому особенно. Одному мы скажемЪ, чтобЪ онЪ не показывался добрымЪ человѣкомЪ, ежели прежде не научился быть таковымЪ; другому мы скажемЪ, чтобЪ онЪ не показывалЪ себя ученымЪ мудрецомЪ, ежели онЪ не выучилЪ правилЪ являться такимЪ по справедливости; наконецЪ, для того что какЪ скоро не возмогутЪ поддерживать явленія ложнаго достоинства чужаго поведенія, тогда

сколько радости имѣли, что уловили похвалу всеобщую, столькожъ отчаянно опечалятся, смотря на слѣдующее за тѣмъ презрѣніе всесвѣтное.

Нѣтъ въ мірѣ другаго, какъ умѣнье дѣлать; умѣнье то дѣлать есть великій талантъ, и часто люди ничего другаго, кромѣ того, не имѣютъ.

Отъ умѣнья дѣлать до достоинства тожъ разстояніе, что отъ ума до правоты сердца.

Одинъ часъ подаетъ наилучшія надежды, другой ихъ раззоряетъ; тотъ же, которой кажется ихъ раззоряетъ, въ скорости возобновитъ ихъ. Вотъ теченіе всего въ мірѣ семъ!

Не потужу я, что сдѣлалъ тритцать прозьбъ напрасныхъ, ежели тритцать первая мнѣ удастся. Развѣ я не знаю, что порядокъ міра есть тихаго ходу?

Какъ

Какъ мало совершенныхъ радостей въ мірѣ семъ! но также какъ мало печалей безъ надежды! Въ величайшихъ веселостяхъ чувствуютъ не знаю какія маленькія препоны, умаляющія высочайшую пріятность; въ горчайшихъ нещастіяхъ примѣшивается тихость, поправляющая крайность злополучія.

Ежели человѣческое почтеніе мѣшаетъ явно показаться многимъ безпорядкамъ, не меньше оно мѣшаетъ дѣлать многія добродѣтели. Благопристойность требуетъ, чтобъ удалялися отъ великихъ пороковъ; онажъ запрещаетъ великія добродѣтели. Не имѣть вѣры, придаетъ дурное имя; исполнять во всей строгости благочестіе, не въ модѣ у міра сего.

Нѣкоторымъ умамъ не достаетъ только нѣсколько обхожденія въ свѣтѣ. Ежелибъ они то дѣлали, примѣчено былобъ столькожъ

кожЪ нѣжности вЪ ихЪ изданіяхЪ, сколько и твердости.

Самый высокій умЪ, которой не имѣетЪ такого съ свѣтомЪ обхожденія, не стоитЪ посредственнаго ума, вЪ свѣтѣ часто обращающагося. Сей придаетЪ достоинство сочиненію изряднымЪ своимЪ складомЪ и тонкими выраженіями, тотЪ затмѣваетЪ блистаніе своихЪ мыслей словами не кстати; слогЪ его не походитЪ на слогЪ людей учтивыхЪ.

Искусство съ свѣтомЪ нужно. ВЪ немЪ научаются премножеству такихЪ вещей, каковыхЪ книги показать не могутЪ; вЪ немЪ научаются прекраснымЪ правиламЪ, вЪ немЪ научаются какЪ жить и обходиться, вЪ немЪ научаются говорить и разговаривать, вЪ немЪ научаются молчать. Надобно самому себѣ отчетЪ давать, какой плодЪ мы отЪ него набрали.

Все зависитъ отъ учтивства и неучтивства въ поступкахъ, говорятъ люди хорошаго вкуса. Бываютъ такія особы, которыя въ лучшихъ и самыхъ щедрыхъ дѣлахъ своихъ не пріятны; другія же самыми малыми бездѣлушками дѣлаютъ себя крайнѣ любезными. Человѣкъ веселится потчивать друзей своихъ: приготовленіе стола богатое, кушанья превкусныя, множество блюдъ перемѣнныхъ, вина наилучшія, чистота восхитительная; чегожъ не достаетъ? Нѣкоторой пріятной поступки въ томъ, кто зоветъ и потчиваетъ.

На обѣдѣ у Клеанта не видно ничего чрезвычайнаго, а каждой выходитъ отъ него очень доволенъ; отъ чего произходитъ такая разность? Отъ поступковъ.

Аминтъ хочетъ дать вамъ десять имперіяловъ; *Дорилось* присылаетъ къ вамъ тритцать. Дача пер-

перваго васъ увеселяетъ щедростію дѣйствительною, другаго едва хотите вы быть довольны; отъ чего такая разборчивость? Отъ разныхъ притомъ поступковъ.

Шутка *Алцидоропа* живая и язвительная меня не трогаетъ, а шутка *Геронтопа*, какъ ни проста, какъ ни чистосердечна, меня раздражаетъ. Голосъ и выговоръ, скажу вамъ, то дѣлаетъ.

Луцинда въ простомъ своемъ платьѣ плѣняетъ всѣ сердца, на *Ангелику* со всѣми ея убранствами никто не глядитъ на гуляньѣ; а дѣлаетъ то разнота только въ одѣваньѣ.

Когда *Леандръ* покажется за городомъ, всѣ госпожи не преставая его хвалятъ и возносятъ, рѣчь его однако простая и природная; братъ его не говоритъ, какъ словами красивыми, съ мыслями избран-

нычи,

ными, но онъ не нравится; къ чему то приписывать? Единственно манерамъ.

Въ чемъ состоятъ тѣ манеры, спрашиваетъ желающій свой поправить? Весьма трудно то сказать; я вижу то, что пріятно въ человѣкѣ, примѣчаю въ немъ и то, что непріятно; однако не могу вамъ придать той столь нужной пріятности. Природа должна была вамъ ее доставить, или получите вы ее отъ обхожденія съ людьми.

Бываютъ люди, въ которыхъ все не нравится, какъ смѣхъ ихъ, такъ и голосъ. Во всемъ смѣшны; чему въ другихъ дивятся, а въ нихъ тожъ порочатъ; иныежъ имѣютъ щастіе отъ всѣхъ получать хвалу; что отъ нихъ приходитъ, увеселяетъ; умными находятъ малѣйшіе ихъ обороты, и красоту въ томъ, что иногда невзначай промолвятъ; и ежелибъ на-

надобно было отчетъ дать похваламъ такимъ, нечегобъ другаго сказать, только что кажется въ ихъ манерахъ, не вѣдаю, что такое, къ нимъ привлекающее.

Кто мнѣ покажетъ науку прекраснѣе, какъ наука молчать кстати?

Или молчите, или говорите такія рѣчи, которыя былибъ лучше молчанія, говаривалъ Пиѳагоръ ученикамъ своимъ. Сіе правило налагаетъ на насъ великую въ словахъ осторожность. Мало говорить хорошо, а молчать еще лучше того. Тысяча бываетъ случаевъ, доказывающихъ истинну того, что я сказалъ.

Молчаніе не всегда есть дѣйство поведенія; невѣжество дѣлаетъ его для многихъ людей нужно потребнымъ.

Ежели почтутъ глупымъ того, кто молчитъ, наблюдай онъ

тогда

тогда молчаніе еще строжае, не принужденъ онъ найдется дѣлать худаго отвѣта, или и самое молчаніе его начнутъ почитать за нѣчто умное.

Великой говорунъ, хотябъ всѣхъ былъ просвѣщеннѣе, теряетъ свой кредитъ, и не приводитъ онъ въ удивленіе, какъ глупыхъ.

Умъ посредственной, безъ наукъ, безъ просвѣщенія, можетъ молчаніемъ поправлять свое недостоинство.

Люди, имѣющіе славу знанія, вмѣсто исканія себѣ почтенія долгими рѣчьми больше молчатъ, и та ихъ скромность не будетъ принята за незнаніе.

Надобно быть при Дворѣ, чтобъ научиться говорить, но не отваживаться къ тому не научася прежде молчать; ибо дорого тамъ купятъ искусство бѣдственныя нескромности.

Мы видимъ, что придворные умные наблюдаютъ молчаніе строжае пустынниковъ. Они говорятъ мало, и не говорятъ, какъ о вещахъ, ничего незначущихъ. Знающіе свѣтъ не иначежъ поступаютъ.

Прекрасной тотъ секретъ, чтобъ заключать великой смыслъ въ краткихъ словахъ. Неизвинительны никакъ тѣ люди, которые утомляющими разговорами скучаютъ компаніямъ.

Я не почитаю того человѣка, которой хотя хорошо говоритъ, да говоритъ много; я хочу, чтобъ говоря преизрядно, давалъ онъ другимъ волю говорить также хорошо. Кто того не знаетъ, тотъ жить не умѣетъ.

Много въ свѣтѣ разговариваютъ о умѣньѣ жить; попеченіями о воспитаніи стараются до главнаго того доходить пункта; даютъ молодымъ людямъ учителей,

лей, дядекъ, для обученія ихъ учтивости; не всѣ однако равно тѣмъ пользуются.

Всегда есть въ обхожденіи нѣкоторыхъ умовъ нѣчто варварское, чего воспитаніе не могло поправить.

Усматриваются вопреки щастливо рожденные такіе, которымъ нѣтъ нужды къ совершенному наставленію въ умѣньѣ жить, какъ только нѣкоторое примѣчаніе въ людяхъ. Мы еще удивляемся, что въ короткое время они ту убѣдительную учтивость пріобрѣтаютъ; они говорятъ почтительно, имѣютъ манеры отличные, видъ веселый, нравъ всегда равный, безъ спѣси, безъ презрѣнія, съ запальчивымъ поступаютъ они съ великою кротостію, самому звѣрскому нраву не удалосябъ его разсердить, своими угожденіями обращаются они съ людьми, са-

мыми страннонравными, ищутъ себѣ совершенства съ честнымъ человѣкомъ, вызнаваютъ его поведеніе, и ему подражаютъ, его рѣчи, и также говорятъ, его чувствованія, и имъ сообразуются.

Умѣнье жить есть наука во всю жизнь добраго человѣка; наука, никто о томъ не сомнѣвается, прекрайнѣ важная для обращающихся съ людьми. Вамъ между ими попадаются гнѣвливые, которые за все сердятся; критики, которые осуждаютъ далѣе пороковъ, и которые хотятъ ихъ сыскать и въ чистѣйшихъ самыхъ добродѣтеляхъ; завидливыхъ, которыхъ чужое достоинство язвитъ; дикихъ, скотинъ, которыхъ наибольше обязательные поступки не трогаютъ. Человѣкъ благорожденный не имѣетъ труда жить съ особами нрава толь страннаго.

При

При малѣйшихъ вещахъ узнавають того, кто жить умѣетъ. Какъ рачителенъ ихъ дѣлать всегда съ благопристойностію, толико хвалимою, потому и самое малое дѣйство бываетъ въ немъ примѣтно. Ни одно изъ устъ его не выходитъ слово, ни одно тѣлодвиженіе, ни одинъ взглядъ, никогда не случаются безъ того, чтобъ онъ не прибавилъ къ тому красивой пріятности; все показываетъ его честнымъ человѣкомъ.

Ежелибъ люди опредѣлены были жить по одиначкѣ, можетъ быть простилъ бы я имъ безпечность въ стараніи о хорошемъ воспитаніи. Но живучи съ людьми, себѣ равными, какова будетъ связь ихъ общества, прочность ихъ соединенія, веселость ихъ обхожденія, ежели они не имѣютъ услужности, тихости, благоугожденія?

 Когда

Когда мнѣ о комъ нибудь скажутъ, что онъ жить не умѣетъ, то уже почти нѣтъ порока, котораго я въ немъ не находилъ бы. Пусть назову его сердитымъ, сатирикомъ, клеветникомъ, неблагодарнымъ, клятвопреступнымъ, я надеженъ, что всѣ тѣ качества въ немъ находятся.

Также нѣтъ такого добра, котораго я не сказалъ бы о томъ, про кого мнѣ скажутъ, что умѣетъ жить хорошо; я поручуся за его безкорыстіе, вѣрность, благоразуміе. Посмотрите, какъ онъ дѣйствуетъ: вы не увидите, чтобъ добродѣтели были въ немъ добродѣтели притворныя; онъ одолжаетъ своего пріятеля по истинной склонности ему услужить, побуждаетъ его непрестанно къ новымъ уваженіямъ, подаетъ ему мудрые совѣты, говоритъ съ нимъ безъ ласкательства.

Имѣй

Имѣй всѣ добрыя воображаемыя качества, да не имѣй сего мною отъ тебя просимаго; мало я прочія почитаю.

Безъ умѣнья жить храбрость есть звѣрство; ибо мнимой харабрунъ нападаетъ на всѣхъ; щедрость есть щедрость непохвальная, потому что человѣкъ недоброй не благопріятно то дѣлаетъ; желаніе его насъ одолжить не истинно, для того что оно есть скрытное проискиваніе своихъ интересныхъ добычь.

Какъ прекрасно видѣть людей, жить умѣющихъ, и какъ щастливы тѣ, кто живетъ съ ними! Что пріятнѣе какъ то обхожденіе въ добрыхъ услугахъ, тѣ взаимныя угожденія, тѣ манеры, другъ друга предупреждающіе? Тамъ предлагаютъ свои мнѣнія, не боясь прекословія; зависть не вкрадывается въ тѣ общества избранныя,

 по-

поступаютъ тамъ по законамъ благопристойности, шутки имѣютъ тамъ свои предѣлы, а учтивость не имѣетъ никакихъ; миръ тамъ водворяется, а раздоръ изгоняется.

Человѣкъ, жить умѣющій, вездѣ то показываетъ; ктожъ не столько строгъ, мнитъ себѣ за дозволенно поступать своенравно предъ своими подчиненными.

Ежели хотите быть хвалимы, что жить умѣете, не остановляйтеся въ простой одной должности, или составьте себѣ должность во всемъ. Вѣрьте, что честность васъ обязуетъ столькожъ съ неравнымъ и низкимъ, какъ и съ особами перваго степени. Однимъ вы должны почтеніемъ, другимъ тихостію.

Не повѣрю, чтобъ вы были учтивы, какъ поелику въ число должностей вашихъ поставите и

съ

съ слугами говоришь шихо и милостиво.

Благопристойность не дозволяетъ въ собраніи честныхъ людей говорить о томъ только, что самъ знаешь; тамъ должно говорить о томъ, что другіе знаютъ. Человѣкъ, по морю разъѣжжавшій, станетъ ли разговаривать о другомъ чемъ, какъ о разбитіяхъ корабельныхъ? Вѣтръ, подувшій ему въ ухо, снабдитъ его матеріею; волненіе одного часа подостритъ его къ скучной повѣсти о буряхъ, не разсуждая, что долгія такія описанія утомляютъ.

Большая часть людей имѣютъ такой духъ, и попеременно сами себѣ становятся скучны. Военной человѣкъ доводитъ разговоръ къ осадамъ, къ лагерямъ, къ боевымъ наступленіямъ; любовникъ хвастаетъ щастіемъ своихъ похожденій, достоинствомъ красавицы

 сво-

своей; откупщикъ непрестанно показываетъ потребность налоговъ, доброй порядокъ казначейскихъ дѣлъ.

Я лучше люблю человѣка, которой оставляетъ умъ свой дома въ кабинетѣ, нежели болтуна знаменитаго, которой приноситъ свои науки всюду, куда ни ходитъ. Первой даетъ себѣ время выслушивать и его почитаютъ; другой хочетъ овладѣть разговоромъ и честолюбно ищетъ явиться, что онъ ученъ, но никому не понравится. Сіе тщеславіе фальшиваго мудреца, которой не вѣдаетъ, что предписываетъ ему честность.

Умѣющіе жить люди уживаются со всякими нравами; ихъ нравъ нагибается и перегибается по желанію нравовъ, съ ними встрѣчающихся.

Самой нужной талантъ при учащеніи людей есть тотъ, каковъ

ковъ имѣлъ Алцибіадъ: будучи въ Спартѣ, не находилося ни одного Лакедемонца, которой былъ бы большей строгости, или большей любитель трудовъ; случалсяль онъ въ Іоніи, доводилъ онъ нѣгу далѣе, какъ самые роскошные Іоняне ее употребляли; пріѣжжалъ ли онъ въ Персиду, великолѣпнѣйшіе Персы не превосходили его ни въ пышности, ни въ роскоши. Не хвалю Алцибіада за крайность такую, а хвалю въ немъ человѣка, которой перемѣняетъ нравъ по нравамъ страны, и которой столько надъ собою властенъ, что переходитъ, когда понадобится, изъ одной крайности въ другую. Житъ во Францiи по манеру Парижскому, въ Лондонѣ по манеру Аглинскому, въ Амстердамѣ какъ Голландцы, въ Мадритѣ какъ Испанцы, конечно дѣло не безтрудное, хотя очень нужное.

Вотъ

Вотъ нѣсколько мірскихъ правилъ! всѣмъ они извѣстны; малое число по нихъ поступаютъ, отъ того происходятъ безпорядки, которые общество тревожатъ.

Не всѣ мірскія правила добры къ исполненію; надобно пользоваться зломъ, которое въ мірѣ дѣлается, дабы приводить то для себя въ омерзѣніе, и пользоваться добромъ, въ немъ дѣлающимся, дабы научиться его исполнять.

Честолюбіе мірскихъ людей не въ томъ состоитъ, чтобъ сдѣлаться ревнителями Христіянъ; они любятъ лучше за недешево достать моду знаменитыхъ преступниковъ и освободить себя отъ тяжкихъ усилій, когдабъ имъ несравненно меньше стоило пріобрѣсть истинную мудрость. Какой трудъ, какое бдѣніе, какое принужденіе, какъ скоро упорство-

ствовать станутъ, чтобъ отстать отъ нѣкоторыхъ пороковъ, которые только людямъ такими кажутся; чтобъ очистить манеры, которые предъ Богомъ ничего не заслуживаютъ; достать себѣ нравъ веселый и духъ щастливый: качества, за которыя онъ насъ не наградитъ; вопрекижъ за такія попеченія судить онъ насъ будетъ; слѣдовательно подъ осужденіе себя приводятъ съ трудомъ, вмѣсто чего съ малымъ принужденіемъ спасли бы себя, такъ сказать, даромъ.

Будь честолюбивъ, гласитъ міръ своимъ послѣдователямъ; употребляй тонкость съ равными тебѣ, скрытность съ вельможами, строгость къ подчиненнымъ тебѣ, научися довольствовать твои страсти деликатнымъ образомъ, наставляй себя нравоученіемъ политическимъ, послѣдствуй тѣмъ про-

проводникамъ, которые показывають путь къ временщичеству, все предавай на жертву твоему возвышенію, не дѣлай притворства въ твоемъ праводушіи, не имѣй праводушія дѣйствительнаго, ежели оно вредно намѣреніямъ твоей фортуны; отними мѣсто у сего врага, искорени сего совмѣстника, не помышляй, какъ о своемъ возвышеніи. Таковы суть мірскія правила.

Будь простъ въ твоемъ поведеніи, гласитъ вѣра, кротокъ въ твоемъ возвышеніи, смиренъ при добрыхъ твоихъ успѣхахъ, одолжай твоихъ друзей, имѣй жалость къ нещастнымъ, служи вельможамъ безъ ласкательства, жертвуй своею фортуною добродѣтели, не лицемѣрь въ дѣлахъ твоихъ, хотябъ то потребно было для твоего увеличиванія; всегда имѣй искреннюю правоту и правосудіе, хотябъ они противны были твоимъ

имъ намѣреніямъ. Таковы суть начала Христіянскія. Какое сопротивленіе между Богомъ и міромъ! Какая разнота между правилами прекраснаго нравоученія и законами человѣческія политики!

Во всемъ, что ни касается до мудрости мірскія, любятъ свое невѣжество. Что нужды весельчаку, рабствующему фортунѣ, не знать ни своего Бога, ни своея вѣры, лишь бы онъ зналъ таинства интриги, коварства политики, ненавистныя обыкновенія вѣка сего.

Мы должны бы сказать о всѣхъ мірскихъ вещахъ тожъ, что сказалъ Г. Кастелно, которой пожалованъ Французскимъ Маршаломъ за шесть часовъ до смерти: *сіе прекрасно на семъ свѣтѣ, но я отхожу въ такую страну, гдѣ сіе ни къ чему не послужитъ*. Изрядной славы, великаго щастія, знатной природы, на семъ свѣтѣ ничего нѣтъ прекра-

краснѣе; на томъ же свѣтѣ, гдѣ за гордость наказываются, гдѣ богачи почитаются пререкователями креста Іисуса Христа, гдѣ не отличаютъ ни князя, ни дворянина, все то не служитъ, какъ къ вящшему осужденію.

Наибольше привязанные къ міру не меньше знаютъ онаго суету. Краснорѣчиво они представляютъ бѣдный образъ печалей, въ немъ претерпѣваемыхъ съ господиномъ, толь неблагодарнымъ; часто они его проклинаютъ, и наконецъ утверждаются въ намѣреніи его оставить.

Сіи разсужденія завелибъ меня очень далеко и не стали бы ихъ читать, такъ лучше ихъ окончать.

4.

Уединеніе.

Надобно имѣть великое основаніе ума, или быть совсѣмъ того лишенну, для долговременнаго выдер-

держиванія житія уединеннаго. Оно пресладко тому, кто умѣетъ въ немъ себя упражнять; оно прежасно тому, кто въ немъ развеселять не можетъ скуки чтеніемъ и размышленіемъ о изрядныхъ вещахъ. Человѣкъ, безъ отмѣннаго духа разсуждать не могущій, жилъ бы внѣ міра безпечально; ибо онъ объ немъ не дѣлалъ бы себѣ умоначертанія сладкаго. Посредственной умъ, которой бы сквозь предѣлы уединенія разсматривалъ радости пространнаго міра, увидѣлъ бы себя печальна посредѣ пустынь; но человѣкъ ума высокаго, не дающій вещамъ человѣческимъ, какъ-то пространства, каково они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ, пріобыклый презирать ихъ суету, любовался бы въ такомъ пребываніи, гдѣ онъ не былъ бы свидѣтелемъ посмѣянія достойнаго въ прочихъ людяхъ.

Ежелибъ возможно жить одному, тѣмъ щастливѣе было бы. Спокойствіе сердца не тревожится, какъ сильными страстьми, а страсти наши не укрѣпляются, какъ очень частымъ обхожденіемъ съ людьми.

Мы другъ друга портимъ, и взаимно себѣ сообщаемъ худыя склонности. Честолюбецъ объявляетъ, что должно трудиться для славы; скупецъ, отводя отъ желанія доброй славы, внушаетъ желаніе накоплять богатство; мстительный вдыхаетъ нѣжность дѣла чести; ученый совѣтуетъ любопытство; офицеръ хвалитъ только службу военную. Всякъ хочетъ находить въ другихъ самаго себя, внушая имъ свои страсти. Кто могъ бы жить въ уединеніи, не боялся бы ничего съ той стороны.

Нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, довольнаго своимъ состояніемъ. Видимъ

димъ людей, толикими путями ищущихъ своего щастія, что усомниться можно, правъ ли тотъ, по которому слѣдуютъ. Проживъ долгое время въ такомъ неизвѣстіи, удостовѣряются, что другіе выбрали лучшій. Купецъ находитъ солдата щастливымъ, которому нѣтъ опасности отъ убытковъ и разбитія корабельнаго. Солдатъ почитаетъ состояніе купца, котораго жизнь неподвержена премногимъ случаямъ, на каковые онъ долженъ отваживаться. Великій господинъ жалуется на принужденности своего званія и завидуетъ своимъ подчиненнымъ, а сіи, прельщаяся внѣшностьми житія такого рода, ничего не чаютъ пріятнѣе, какъ Дворъ. Толь строптнымы желаніями уединенный не былъ бы обезпокоиванъ, состояніе его казалосябъ ему щастливымъ, потому что не видѣлъ бы никого себя щастли-

стливѣе, развѣ какой бы другой уединенный, которой, совсѣмъ отрекшися свѣта, получилъ бы верховное благополучіе.

Мы ненавидимъ житія уединеннаго: надобно намъ многолюдство, которое заставляло бы насъ забывать самихъ себя. Не многіе любятъ уединеніе, а вотъ тому и причина: никто почти не въ состояніи всегда разсматривать себя самаго.

Не слышать, какъ пѣніе птицъ, какъ вѣтры, тихо шумящіе; не видѣть, какъ древеса, листвія свои изподоволь распущающія, какъ цвѣты выходящіе и скоро увядающіе, все то не можетъ служить упражненіемъ для человѣка, любящаго пышности. Хвалю его, что живетъ онъ въ столичномъ городѣ; ежели въ красное лѣто уединеніе причинило ему скуку, зимою оно ему нестерпимо покажется. Чрезъ

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, всякъ говоритъ, уединюся я на загородной мой дворъ, тамъ продолжать стану послѣдніе мои дни спокойно безъ честолюбія, подкрѣпляемъ двумя добрыми друзьями. Не проживъ тамъ ни трехъ мѣсяцовъ, мучатся скукою, и тихости уединенія предпочитаютъ шумъ градскій.

Уединеніе есть послѣднее прибѣжище для придворнаго человѣка.

Мы удивляемся о скоропринятомъ намѣреніи *Алципа*, которой, вскорѣ занять имѣвъ одно изъ первыхъ при Дворѣ мѣстъ, поѣхалъ доживать вѣкъ свой въ уединенномъ мѣстѣ; подивимся больше тому, что оставался онъ толь долго въ мірѣ.

Никто безъ печали Двора не покидаетъ. Веселяся еще радостьми и трудностьми, которыя чувствовали; имѣя духъ, наполненный

тѣмъ, что были и чѣмъ бы еще быть могли; сердце, привязанное къ нѣжнымъ обязательствамъ, нужно всѣ свои силы собрать къ рѣшенію себя его оставить. По исполненіи того намѣренія досадуютъ сами на себя за прежнія свои медленія.

Перемѣна благополучная въ человѣкѣ, которой отъ міра отсталъ! Ему надобны были камердинеры, для помощи себѣ въ одѣваніи; онъ хотѣлъ, чтобъ сонъ къ нему приходилъ звукомъ музыки; онъ не могъ на столѣ у себя видѣть мясъ довольно вкусныхъ; домы его не могли довольно богато быть убраны, ни сады его довольно чисто содержаны; онъ не употреблялъ ногъ своихъ, какъ къ выходу изъ своей комнаты и ко входу въ карету; одного часа чтеніе его утруждало; никто по его мнѣнію не былъ ни хорошъ, ни уменъ.

Уединеніе заставило его дѣлать разсужденія, которыми осуждалося сіе нѣжное и гордое поведеніе: самъ онъ въ цвѣтникѣ своемъ копаетъ землю, распустившійся тамъ цвѣточикъ его попеченіемъ кажется ему драгоцѣннѣе, нежели всѣ произрастѣнія въ садахъ Ѳессалійскихъ; онъ засыпаетъ при сладкомъ журчаніи рѣчекъ, и разбуждается по громогласію пѣтуха. Просто одѣтъ, довольствуетъ себя пищею умѣренною, честная простота владычествуетъ въ его домѣ, пріятно онъ себя упражняетъ чтеніемъ новыхъ и старыхъ книгъ.

Уединенный по вся дни работаетъ своими руками: онъ свой архитекторъ, свой живописецъ, свой садовникъ; однимъ словомъ, онъ самъ для себя доволенъ.

Уединеніе не моглобъ уже быть пріятно, ежелибъ оно совсѣмъ лишало дружескихъ обхож-

деній; можно отрещися отъ міра и держаться друзей своихъ; покидаютъ міръ для того, что онъ бѣдственъ; разпложаютъ дружбу для того, что она есть добродѣтель.

Уединеніе, дѣлающее насъ нечувствительными ко всему, оставляетъ въ насъ чувствительность всегда равную къ друзьямъ нашимъ.

Склонность къ покою недовольна быть причиною къ удерживанію насъ въ уединеніи; надобно быть руководиму къ тому желаніемъ предать себя единственно размышленіямъ небеснымъ.

Сладкая уединенія пріятность заставляетъ ученыхъ отставать отъ намѣренія быть работниками демону, прилѣжностію своею къ трудамъ, больше Христіянскимъ, и доставленіемъ имъ сладостей безчисленныхъ, сладостей безпорочныхъ въ чтеніи святыхъ писаній.

Къ чему служили бы имъ успѣхи, вѣрѣ ненавистные, какъ къ славѣ, преступнически пріобрѣтенной? Весьма безсильны устоять противъ очарованій ослѣпляющія славы, продолжали бы они отдавать на жертву пользу ихъ совѣсти удачамъ суетнаго любопытства; и такъ ускоряла бы ихъ погибель, вмѣсто того, когдабъ жили они въ незнатности и безъизвѣстны на свѣтѣ, имѣли бы пользу трудиться о удостоеніи себя для надежно твердѣйшей хвалы.

Уединеніе великія имѣетъ пріятности; нѣтъ такихъ дней, нѣтъ такихъ часовъ, которые бы не перераждали тамъ добродѣтельнаго уединенника въ новыхъ веселостяхъ: иногда упражняется онъ мыслями о небѣ, для побужденія себя удостоиться онаго жительства; иногда смотритъ на земныя вещи для побужденія себя къ пре-

зиранію оныхъ; упражненный непрестанно любовію истинны, онъ ее ищетъ, онъ въ ней поучается, онъ ее исполняетъ.

Въ уединеніи имѣютъ волю мыслить о себѣ, суеты мірскія того насъ лишаютъ. Мысли о будущемъ упражняютъ уединившагося весьма разнымъ образомъ, нежели то дѣлали прежде. Онъ тогда разсматривалъ великіе заводы и населенія, честолюбіе его питалося будущимъ, нынѣ же истинна заставляетъ его проницать въ будущемъ.

Совершенно тотъ щастливъ, кто жить можетъ безъ помощи другаго. Въ уединеніи совершенное сіе имѣютъ благополучіе; тамъ не думаютъ о вельможахъ, презираютъ ихъ чести, непринуждены порядочно ходить на поклоны, не надобно ждать цѣлые годы, чтобъ видѣть исполненіе своихъ желаній;

тамъ

шамЪ не затЂваютЪ, какЪ желанія безпорочныя, которыя не превожатЪ благоденствія настоящаго.

Видаютъ ли во уединеніи измЂны и плутовства, подлости и вЂроломства? Не заботятся тамЪ попеченіемЪ доставать себЂ друзей, ниже безпокоятся страхомЪ ихЪ потерять; не боятся фортуны, насмЂхаются ея силЂ: гдЂ щастливЂйшее найдется состояніе?

КакихЪ уединеніе не подаетЪ утЂшеній безчастнымЪ? ЛюбовникЪ находитЪ тамЪ убЂжище отЪ опасностей любви; честолюбецЪ презрЂнный утЂшаетЪ себя тамЪ вЪ худомЪ своемЪ щастіи. Что не возможнобЪ было краснорЂчивой ревности лучшихЪ друзей, становится возможно молчанію уединенія.

НЂкто, прямо отрекшійся отЪ міра уединенникЪ, дЂлалЪ мнЂ чрезЪ письмо похвалу своего благо-

по-

получія сими словами: — Извините мнѣ, государь мой, что описаніе, которое сдѣлать покушаюся; веселяся сладостьми моего уединенія, примите пріятно, чтобъ на часокъ съ вами я о томъ побесѣдовалъ. Все лице земли, театръ великолѣпный Всемогущаго, представляетъ мнѣ здѣсь ежедневно позорище, которое не того рода, какъ ваши, и которое могу я созерцать съ радостію законною. Я вижу дѣла природы, предивныя дѣла Провидѣнія. Лилеи растутъ здѣсь очевидно, поля наши богато убраны. Соломонъ на престолѣ своемъ не блистательнѣе малѣйшаго цвѣточка, произрастающаго въ плодоносныхъ сихъ долинахъ. Таковы суть предметы, возхищающіе мои очи: смотря на подобныя вещи, не токмо не обязанъ я приказать имъ свертываться, а приглашаю ихъ распущаться, дабы власти

ихъ Творца удивляться. Уши мои также могутъ безвинно себя довольствовать: концерты соловьиные, гласы тысячи птицъ одушевляютъ меня къ хваленію Создателя; а мірскіе люди вмѣсто того вступаютъ въ восхищенія виновныя.

Уединеніе больше потребно для тѣхъ, которыхъ міръ можетъ портить, нежели для мудрыхъ, которые имѣютъ чѣмъ себя защитить отъ его растлѣнія; однако растлѣнные только люди удаляются отъ уединенія, а пріятно оно только тѣмъ, кому наименьше потребно.

Для кого сдѣланы пустыни? для кого установлены уединенія? для тѣхъ ли лицъ, у которыхъ плоть уже мертва, страсти угасли, и которые не имѣютъ пороковъ владычествующихъ? Сіи последніе, отдѣленные отъ вреднаго людскаго общества, пристойны

луч-

лучше къ тѣмъ, которыхъ красота міра сего легко обманываетъ. Убѣгнемъ въ уединенія, ежели города для насъ суть мѣста искушенія; поищемъ въ горахъ, ежели можно, убѣжище, непроницаемое силамъ растлѣнія человѣческаго, понеже мы имѣемъ душу, прекрайнѣ склонную къ безпорядкамъ, которые потопляютъ міръ великій. *Всяческая суета, псяческая суета*, повторяетъ премудрый; въ преужасныхъ убѣжищахъ, равно какъ при многолюднѣйшихъ Дворахъ, она утверждаетъ свое царство. Одна та только разнота, что не имѣютъ силы устоять противъ ея очарованій, среди опасностей, за нею слѣдующихъ толпою.

Человѣки, разсуждаемы поелику человѣки, суть повсюду равны. Сіе равенство смѣшано въ великихъ городахъ по великолѣпію однихъ и по простотѣ другихъ; знаютъ

и

и признаваютъ то въ мѣстахъ только уединенныхъ отъ міра.

Встрѣчаюся я въ столицѣ съ знатнымъ человѣкомъ, онъ почти не глядитъ на меня. Оба мы встрѣтимся въ полѣ за городомъ, онъ первой передо мною шляпу скинетъ. Отъ чего странная такая учтивость? Большель я человѣкъ за городомъ, нежель въ городѣ? Не въ томъ дѣло, а вотъ оно: что самъ онъ, не имѣя за городомъ около себя той пышности, которая мнимо дѣлала его превышающимъ надъ прочими, становится онъ больше человѣкомъ, нежель былъ прежде; сравниваяся тогда со мною, щитаетъ онъ меня себѣ равнымъ.

Завидую я щастію уединеннаго, которой не имѣетъ уже обхожденія съ міромъ, и которой больше одинъ въ уединеніи, нежель уедине-

неніе самое одно въ необитаемыхъ тѣхъ мѣстахъ.

Горы, каменья, лѣса, составляютъ мѣсто уединенія, но не дѣлаютъ они уединенія. Называю я быть въ уединеніи то, когда кто можетъ жить одинъ самъ съ собою. Такое уединеніе можетъ также хорошо находиться среди шуму городовъ многолюдныхъ, какъ и въ мѣстахъ самыхъ пустыхъ.

Имѣть жилищемъ темную пещеру, въ товарищахъ себѣ звѣрей дикихъ, въ позоръ камни и ключи біющіе, въ пищу коренья безъ приправы, къ упражненію труды безъ отдохновенія, быть наконецъ въ ужасѣ печальнаго молчанія, прерываемаго только вытьемъ волковъ и зіяніемъ львовъ, вотъ только часть уединенія. Надобно умѣть жить самому съ собою, такъ какъ бы уже ни человѣка на свѣтѣ не было, какъ бы всегда

на

на свѣтѣ одинъ былъ; а вотъ что есть подлинное уединеніе.

Не всѣмъ ли людямъ самимъ себя сослать въ ссылку по самую смерть? Они имѣютъ свои обязательства въ городахъ; многія причины мѣшаютъ имъ уединиться, я то вѣдаю; а то дѣлаетъ нещастіе многимъ, которые себя вредятъ въ мірскомъ обхожденіи.

Ежелибъ предпринялъ я обезлюдить города, не находилосябъ уже и уединенія: пустыни были бы учащаемы больше, нежели провинціи, а провинціи сдѣлалисябъ настоящими пустынями. Станемъ жить въ мірѣ въ доброй часъ, но заведемъ внутрь себя толь полезное уединеніе.

5.

Дворъ и вельможи.

Статуя, поставленная на площади, остановляетъ взоры мимо-

 хо-

ходящихъ, удивляются и похваляютъ ея внѣшности; а кто разсмотрѣлъ бы ея внутренность, узналъ бы въ ней пустоту прежасную. Таковъ есть Дворъ.

Всегда я себѣ говаривалъ, что при вельможахъ щастія своего не сдѣлаешь, да и съ тѣмъ Дворъ любить переставалъ ли я? Добрыя услуги тамъ подозрительны, прилѣжности мало признаваются, устаютъ тебѣ добра желать, покровительствуютъ тебя холодно, зависть возстаетъ на того, на котораго смотрятъ тамъ пріятно. Надобно претерпѣвать немилосердое презрѣніе, быть склонну къ ласкательству, задобривать даже до холопа, покоряться ему, благодарить ему за его отказы. Я въ томъ признаюся, но я солгалъ бы, ежелибъ себя почелъ я излеченнымъ отъ страсти, которую я имѣлъ жить при Дворѣ. Я изъ чи-

числа тѣхъ, которые себя ласкаютъ, что кротость, или умѣренность, защититъ ихъ отъ нападковъ щастія до того, пока самъ я искусился въ томъ, и чаю, что не возможно мнѣ ошибиться.

Дворъ есть особливой міръ, гдѣ не поступаютъ, какъ индѣ. Придворные столькожъ намъ противны, какъ антиподы.

Ктобъ повѣрилъ, что въ двенатцати верстахъ отъ столицы имѣлибъ нравы, поступки, мнѣнія совсѣмъ разныя, нежели въ городѣ.

Версалія и *Парижъ* конечно не въ одномъ стоятъ климатѣ, такъ духи тамъ неравны. Воздухъ въ одномъ прилипчивъ, воздухъ въ другомъ не совсѣмъ столь заразителенъ; тамъ ласкаютъ, скрываются, употребляютъ коварства, здѣсь больше откровенны, больше схожи съ природою, больше искренни.

Вкусъ придворной не таковъ, какъ вкусъ городской; не знаю, которой лучше. При Дворѣ судятъ тонко, въ городѣ рѣшатъ твердо; а вотъ что я знаю: весьма пріятно имѣть одобреніе отъ того и отъ другаго.

Придворной человѣкъ, находяся въ городѣ, хвалитъ то, чему городъ удивляется; возвратяся ко Двору, пристаетъ ко мнѣнію другихъ. Каждое мѣсто, какъ и каждой вѣкъ, имѣетъ свой вкусъ особливой; надобно ему послѣдовать, хоть хорошъ, хоть худъ, чего бояться? Изрядно того принимаютъ, кто общаго держится мнѣнія.

Объявили комедію, названіе которой удачно нашлося; толпами бѣгутъ на первое представленіе, многіе Принцы удостоили ее своимъ присутствіемъ, признали ее преизрядною, обольщенные почтеніемъ придворныхъ людей; играли

еежъ

еежъ при Дворѣ больше исправнѣе, такъ ей не удивлялися, комедія та не удалася. Придворные то были критики, однако тѣжъ, коошорые почти до небесъ ее возносили; къ чему приписать такую разноту мнѣній? Не столь я проницателенъ, чтобъ показать тому причину, развѣ только похотятъ удовольствоваться тѣмъ, что прежде мною сказано: каждой вѣкъ имѣетъ свой любимой вкусъ.

Покажите мнѣ человѣка, котораго бъ и Дворъ и городъ одобряли; что здѣсь почитаютъ, тамъ тожъ не хвалятъ. Трагедія I... служитъ тому примѣромъ. Могъ бы я множество другихъ сочиненій показать, которыя увеселяютъ придворныхъ, а въ городѣ не нравятся. Странно различные бываютъ вкусы!

Мало добрыхъ людей при Дворѣ; не позовите меня за то въ судъ. Ежелибъ всѣ жили тамъ по

Христіянски, не надобноб изби-рать другаго состоянія.

Пути при Дворѣ стремительны: всходятъ тамъ съ трудомъ; онижѣ и скользки: легко тамъ падаютъ.

При Дворѣ потребенъ нѣкоторой родъ неотступности. Милости Принцевы не вырываются, какъ силою; сердце ихъ къ тѣмъ прилегаетъ, которые его съ упрямствомъ достаютъ.

Временщичество сокращаетъ путь для придворнаго; оно упреждаетъ въ немъ заслугу прилѣжности всегдашней.

Одинъ архитекторъ, называемый Динократъ, тщетно покушался знаемъ быть Александру; не возмогши къ нему ниже только приближиться, выдумалъ нѣчто весьма особливое къ тому, чтобъ онъ его увидѣлъ: голова, увѣнчанная листвіемъ, тѣло обмазанное

масломъ, лѣвое плечо покрытое львиною кожею, съ булавою въ рукѣ, предсталъ онъ въ такомъ убранствѣ предъ Александра. Новость такого позора возбудила любопытство придворныхъ; Александръ приказалъ подвесть его къ себѣ: выслушалъ его, смѣялся и оставилъ его при Дворѣ своемъ. Не осмѣливаюся я сказать много, что на мысль мнѣ приходитъ; всякъ желаетъ знаемъ быть Принцу; пристающіе ко Двору тожъ въ виду имѣютъ; число ихъ такъ велико, что всегда изъ нихъ нѣкоторые назади остаются и хотятъ быть примѣчены, во чтобъ то ни стало; чтожъ они дѣлаютъ? Они подражаютъ Динократу: всѣ переодѣваются по его примѣру и стараются дать знать тому вельможѣ, у котораго ищутъ покровительства, что какъ храбрые борцы будутъ они его пользы

 за-

защищать, и къ какому опыту ихъ ни употребили бы, покажутъ храбрость льва, силу Геркулесову. Ежели сіе уподобленіе не покажется, соглашуся, чтобъ не удивлялися, какъ только исторіи.

Скупость людей частныхъ осаждаетъ Дворецъ Принцовъ съ такою яростію, что не имѣютъ они времени разсмотрѣть ни что они даютъ, ни кому они даютъ. Разсыпаютъ они милости на удачу; недостойные ихъ получаютъ тогда, какъ самые смиренные никакого участія въ томъ не имѣютъ.

Немногаго стоитъ Двору быть щедрымъ; награждаютъ тамъ одныхъ тѣмъ, что у другихъ отнимаютъ.

Свободность, какову имѣютъ вельможи все жаловать, не токмо не прославляетъ ихъ благость, но служитъ больше къ ихъ поношенію и къ умноженію зависти противъ

тивъ тѣхъ, которые пользуются ихъ милостями.

Удивляютъ насъ, сказывая, что есть страны, гдѣ дѣлаютъ ночью то, что здѣсь мы въ день дѣлаемъ. Удивляемся ли мы, видя придворнаго человѣка неспяща, когда прочіе опочиваютъ, обѣдующа, когда тѣ ужинаютъ, проигрывать наконецъ сквозь всѣ ночи, и превращать ихъ во столькожъ дней?

Кажется, что дни сотворены только для подлаго народа. Великіе господа любятъ забавы, вкушаемыя при свѣтѣ свѣчь яраго воска. Высокородная женщина пробуждается въ полдень; едва успѣетъ она одѣться въ пять часовъ, комедія, балъ, карты, одно за другимъ слѣдуетъ; ложатся спать въ четыре часа по полуночи. Не то ли есть превращать міръ, искать покою, когда другіе уже трудятся? Не вижу я, какъ великихъ господъ,

сподѣ, доходящихѣ до такой строптивости.

Всѣ ищутѣ великости, хотя по намѣреніямѣ разнымѣ. Одни ее ищутѣ вѣ разсужденіи ее самой: они ее любятѣ за то, что приводитѣ она ихѣ вѣ пространство и даетѣ имѣ всякаго роду выгодности; другіе ее ищутѣ вѣ разсужденіи власти: сіи люди любятѣ находиться вѣ толпѣ придворныхѣ, которые, какѣ честолюбцы, хотятѣ собою дорожить, желаютѣ, чтобѣ кѣ нимѣ прибѣгали, чтобѣ вѣрили, что они раздаватели милостей фортуниныхѣ, чтобѣ домогалися у нихѣ оныхѣ.

Вельможи хотятѣ, чтобѣ прилѣжно ходили кѣ нимѣ на поклоны, потому что сами они непрестанно ходятѣ на поклоны. Вы будете отѣ нихѣ ждать того, чего они ждутѣ отѣ Государя: не

не справедливо ль, чтобъ вы покупали то за равную цѣну?

Всякой человѣкъ, вступающій ко Двору, разстаться долженъ съ своею волею больше, какъ тотъ, которой дѣлаетъ обѣтъ послушанія. Мѣсто то такое, гдѣ себя управляютъ по изволенію другаго, и гдѣ не дозволяется слѣдовать по собственнымъ своимъ затѣямъ. Тамъ обѣдаютъ въ такой часъ, когдабъ ужинать надобно; тамъ ужинаютъ, когда время ложиться спать; надобно вставать рано, ложиться очень поздо, и всегда противъ воли своей. Во всѣ времена былъ таковъ образъ житія придворнаго. Состояніе простаго частнаго человѣка несравненно сладостнѣе: онъ самъ себѣ господинъ и король, никто ему не прекословитъ; онъ не ожидаетъ, а его ожидаютъ; онъ объявляетъ свой вкусъ, потому и слѣдуютъ; онъ ку-

кушаетъ по своему аппетиту, онъ во всемъ имѣетъ волю.

Странная при Принцахъ служба! Мы ихъ видимъ владычествующихъ надъ людьми; мы мнимъ, что они вольны, но за ничто ли почтется та власть, которую надъ ними имѣютъ множество страстей пресильныхъ? Они народомъ повелѣваютъ со властію, а своей гордости покоряются съ большею еще униженностію; они суть *Маріи*, предводительствующіе войсками; а тогдажъ они *Маріи*, допускающіе честолюбію также собою предводительствовать.

Какъ скоро мы привяжемся къ какой либо особѣ изъ вельможъ, тогда уже мы сами себѣ не принадлежимъ; дѣло то сдѣлано, похотѣлосябъ намъ смѣяться, да вельможа тотъ не смѣется: въ преступленіе почтется разсмѣяться. Мы имѣемъ печаль смертельную,

ную, а у вельможи печали нѣтъ; благопристойность требуетъ, чтобъ мы оказывали великія радости. Какое безчеловѣчное рабство!

Оплакиваю я состояніе тѣхъ, которыхъ польза, политика, ласкательство, принуждаютъ къ веселіямъ внѣшнимъ, когда тайная печаль ихъ снѣдаетъ. У комедіянта того лишь умерла жена, имъ любимая, надобно ему однако черное платье скинуть и притворную на театрѣ показывать веселость, которой имѣть онъ не можетъ; не новаяль та причина къ печали? Придворной тотъ не имѣлъ успѣха въ дѣлѣ, отъ котораго зависѣлъ жребій въ его фамиліи; не взирая на свою прискорбность, принужденъ показывать лице веселое. Вотъ такіе люди называются сугубо безсчастными!

При Дворѣ во всякомъ человѣкѣ есть нужда, и больше иног-

да

да въ доброхотствѣ какого либо придверника, нежели въ милости его господина. Всѣ искали знакомства съ домашними у Сеяна; они раздѣляли съ нимъ поклоны ласкателей.

Самыя малѣйшія особы могутъ сдѣлаться при Дворѣ сильными друзьями и опасными врагами. Такой тамо кажется безъ всякой силы, которой въ умѣ у Принца больше имѣетъ силы, нежели иной изъ первыхъ вельможъ.

Вельможи не размѣриваютъ своей довѣренности по чинамъ: они отдаютъ ее чаще простому человѣку, употребляющему ее благоразумно, нежели другимъ, которые похотѣли бы ею воспользоваться.

Надобно при Дворѣ дѣлать униженности такимъ людямъ, которые тѣмъ намъ должны. Ктобъ не расположенъ былъ чрезъ того дѣ-

дѣлать, тотъ всеконечно тамъ быть неспособенъ. Синяя лента, какъ искусной придворной человѣкъ, поискиваетъ при случаѣ дружбы себѣ у камердинера, дабы имѣть доступъ до министра.

Чувствительность рѣдко находится въ сердцѣ у вельможъ. Непрестающее веселіе, въ каковомъ они живутъ, въ природу обращаетъ у нихъ жестокосердіе варварское къ нещастливымъ.

Вельможи теряютъ къ другимъ всѣ чувствованія человѣчества для того, что они въ свою пользу изчерпываютъ изъ него всю человѣческую нѣжность; они смотрятъ на терпѣніе остальныхъ людей съ такимъ равнодушіемъ, какъ бы были они низкой предъ ними природы.

Вы, возвышенные человѣки, Богами на земли почитаемые, отцы народовъ! тотъ же законъ, повелѣ-

лѣвающій намъ васъ почитать, васъ обязуетъ насъ дражайше любить.

Ничто насъ къ себѣ сильнѣе не привлекаетъ, какъ благосклонность великаго господина. Веселяся его примѣромъ, мы желалибъ имѣть цѣлое сокровище славы для поднесенія ему въ награду за ту, которую онъ отъ себя удѣляетъ въ нашу пользу.

Простое съ вельможами обхожденіе рано, или поздо, бываетъ опасно; надобно искать ихъ милостей съ почтеніемъ, а не инаково.

Часто видѣться съ великимъ господиномъ, наши пріѣзды ему наскучатъ и утрудятъ его; рѣдко его видѣть, онъ насъ забудетъ; онъ насъ больше не примѣчаетъ. Такъ щастливѣе тотъ, кому въ немъ нѣтъ нужды.

Неуспѣхъ какого нибудь важнаго намѣренія наибольше увеселяетъ

ляетъ Принцовъ; а пакость обезьяны, или скотская шутка дурака, больше ихъ забавляетъ; острое слово, тонкая издѣвка, не столь сильно ихъ проницаетъ. Развѣ они хорошаго смысла вкушать не умѣютъ? Не всегда такъ бываетъ; воспитанные въ великихъ забавахъ они къ нимъ становятся безчувственны, и принуждены новыхъ искать забавъ въ тѣхъ бездѣлицахъ, которыя разбуждали бы ихъ нравъ. Причина сія кажется мнѣ правдива.

Придворные люди сами себя употреблять не умѣютъ. Ноги ихъ, руки ихъ, суть члены благопристойности, а не члены потребные; они ихъ имѣютъ только для пригожства.

Правда вездѣ принимается худо, а при Дворѣ она въ ненависти ужасной.

Великіе господа что ни дѣлаютъ дурнаго, однако нѣтъ у нихъ недостатка въ готовыхъ къ ихъ услугамъ стихотворцахъ и ораторахъ, которые ихъ ласкаютъ кстати и за все ихъ похваляютъ.

Столько уже ласкали вельможъ, что ласкательство уже все истощено, и ласкатели должны себя признавать побѣжденными. Я не сомнѣваюся, что наука выхвалять истощилася со времени первыхъ Королей; а только денежная польза, которая никогда не истощевается, подаетъ ему новыя надежды въ пользу ихъ наслѣдниковъ.

Одно только заставилобъ меня желать состоянія вельможи, то есть удобность отъ того себя прославить. Великая наука, великая мудрость, съ подлинно великимъ достоинствомъ остаются почти безъ славы въ простомъ состояніи.

Высокоименитый глупецъ многую имѣетъ пользу. Ежели онъ молчитъ, хвалятъ его политику; ежели онъ говоритъ, превозносятъ его умъ.

Остережемся на показъ выставливать наши таланты въ присутствіи нашего господина. Вотъ тогда надобно поступать по совѣту мудраго: *не очень надѣйся на свое благоразуміе.*

Сынъ мой! дѣлай себя маленькимъ, говорилъ Парменіонъ Филотасу. Я сіе только даю поученіе придворнымъ.

Непремѣнность не принадлежитъ ко нраву Принцовъ; воля ихъ перемѣняется непрестанно.

Малыя вещи ужасаютъ Королей беззаконныхъ преступниковъ. Они по малымъ знакамъ дрожатъ; совѣсть ихъ, злодѣяніями обремененная, дѣлаетъ ихъ внимательными при простыхъ самыхъ произше-

шествіяхъ. Не надобно для приведенія ихъ въ ужасной страхъ, чтобъ небо явилося огненно, чтобъ громъ, долго медля, ударилъ въ кровлю палатъ ихъ, разбилъ тамъ и сокрушилъ все, что служитъ орудіемъ ихъ тщеславію. Не требую я столькаго, довольно, чтобъ солнце скрыло на часокъ свѣтъ свой. Архелай тогда, смотря съ трепетомъ на такое затмѣніе, которое и самые несмѣлые люди видятъ безъ удивленія, прикажетъ заперетъ всѣ двери въ своихъ палатахъ, остричь волосы сына своего, и пойдетъ искать себѣ безопасности въ подземныхъ мѣстахъ, яко бы они были непроницаемы противъ гнѣва небеснаго.

Принцъ безпорочный смотритъ на все безъ страха; онъ всего ожидаетъ съ предивною бодростію; а злой Принцъ забродитъ въ злоключимыя гаданія. Явленіе кометы,

ты, перемѣнный въ лунѣ цвѣтъ, откровеніе новой звѣзды, трескъ громовый, будутъ для него бѣдственныя предзнаменованія; мучимый немилосердо припамятованіемъ своихъ безпорядковъ, боится онъ на всякъ часъ быть разсыпанъ въ прахъ громовымъ ударомъ.

Вельможи должныбъ во время жизни своей дѣлать то, что говорить объ нихъ будутъ въ надгробныхъ имъ словахъ; а тогда уже не время.

Мы совѣтуемъ Принцамъ то, что имъ пріятно, а не то, что имъ полезно. Знаю, что политика имѣетъ свои предѣлы; боятся, чтобъ ихъ не раздражать. Не осуждаю такую предосторожность; но для чего хотимъ мы больше услужничать законамъ подлаго ласкательства, нежели покорять ихъ искусно правиламъ добродѣтели потребныя?

Принцъ злой рѣдко въ совѣтъ свой приглашаетъ особъ праводушныхъ; онъ опасается ихъ противъ себя пререканій; а ежели онъ ихъ къ тому допущаетъ, дѣлаетъ то для оправданія своего въ глазахъ народа по дерзости своихъ предпріятій.

Короли, которые по политикѣ только управляютъ, требуютъ совѣта не столько для выбора лучшихъ мѣръ къ принятію, какъ для вывѣдыванія мнѣній своихъ Министровъ.

Ксерксъ намѣрялся покорить Грецію себѣ въ повиновеніе; ласкатели, всегда краснорѣчивые, не пропустили сего случая обнадежить о благоуспѣшествѣ его оружія. Демаратъ, какъ больше искренній, представлялъ ему, что многочисленныя его войска ему будутъ вредны. А какъ совѣтъ льстецовъ беретъ верьхъ надъ совѣтомъ

томъ мудрыхъ, Ксерксъ пренебрегъ Демаратовъ. Усмотрѣвъ же наконецъ худой успѣхъ войны той, благодарилъ онъ Демарату за то, что говорилъ онъ ему правду. Сколь жалки вельможи, что имѣютъ столько склонности къ ласкательству и столь мало къ истиннѣ! Ежелижъ любовь ко благу народному заставляетъ нѣкоторыхъ мужей ее выговаривать, совѣты ихъ принимаются слабо и никогда по нихъ не слѣдуютъ.

Принцы не хотятъ такихъ людей, которые показываютъ въ себѣ больше ихъ мудрости; имъ надобны умы, угождающіе и честолюбію ихъ потакающіе. Пока не увидятъ они раззоренія гордымъ своимъ намѣреніямъ, причинившимся отъ ихъ неблагоразумія, отвергаютъ совѣты добраго Министра. Безъ такого опыта, которой заставляетъ ихъ каяться, что по-

слѣдовали собственнымъ своимъ просвѣщеніямъ, не признавалисябъ еще они въ своихъ ошибкахъ.

Лишеніе мудраго совѣтника лучше заставляетъ чувствовать какую въ немъ имѣли потребность. Пока имѣютъ такую подпору, мнятъ, что можно легко безъ нее обойтися; а когда ее уже нѣтъ, признаютъ, сколь она нужна была. Августъ отчаянный, видя дочь свою въ мотовствахъ, недостойныхъ особы ея чина, не могъ скрыть тяжкой своей печали. Никто не противился стыдному и явному такому поведенію; онъ обнародовалъ безпорядки Іуліи, не разсудивъ, что тѣмъ самъ себя безчестилъ; не замедлилъ онъ усмотрѣть свой проступокъ: *бѣда сія*, проговорилъ онъ, *не случилася бы мнѣ, ежелибъ Меценатъ, или Агриппа, были живы.*

Составимъ изъ поведенія Августова второе правило: отцы вмѣсто объявленія пороковъ дѣтей своихъ должны укрывать о томъ знаніе. Я не даю имъ, какъ одинъ часъ на раскаяніе, что они увеличили недовольства, каковы отъ нихъ получали. Какъ скоро гнѣвъ уступитъ мѣсто прежней умѣренности, жалѣть станутъ, что удовольствовали свои прогнѣвленія съ утратою собственной своей чести. Пороки дѣтей не приписываются ль небреженію, злому примѣру родителей, недостатку воспитанія. Сдѣлаемъ такъ, чтобъ они угасали въ тайнѣ домовъ нашихъ, чтобъ и родня наша про нихъ не вѣдала, опасаясь, чтобъ вскорѣ весь городъ тѣмъ не былъ наполненъ. Какая польза отцу поносить дѣтей своихъ, или лучше скажемъ, не вредитъ ли онъ чрезъ то самъ себѣ? Ежели они представятъ себя

бя къ какому чину, ежели искать будутъ себѣ мѣста къ дѣлу, вспамятуютъ тогда житіе ихъ прежнее, показываютъ имъ свидѣтельство отцовское, его жалобы, его наказанія. Оставляю разсуждать, не будетъ ли онъ всегда разкаяваться въ своей нескромности.

Я нахожу въ рѣчахъ Августовыхъ причину другаго разсужденія. Принцы притворяются хорошо говорить о тѣхъ, кого въ живыхъ уже нѣтъ, для побужденія служащихъ имъ къ сильному подражанію. Политика того требуетъ. Опасно было бы давать знать подданному, какую въ немъ имѣютъ нужду; могъ ли бы онъ не употребить того во зло? Не вѣдая, каково смотрятъ на его службы, онъ больше прежняго прилѣжитъ учинить ихъ пріятными. Вторая причина совѣтуетъ такое поведеніе: ничтобъ не возбуждало столь-

ко

ко зависти въ придворныхъ, какъ похвала достоинству нѣкоторыхъ. Король мудро дѣйствуетъ, что о томъ не изъясняется.

Чтобъ Король ни говорилъ, мы находимъ въ его отвѣтахъ силу, насъ въ началѣ удивляющую. Видъ величественный въ рѣчахъ его, да и самая краткость словъ, проговариваемыхъ имъ, много показываютъ важности.

Есть краснорѣчіе, принадлежащее единственно великости, которое простирается даже до дѣйствъ и даже до самаго молчанія Государей. Одно ихъ слово больше заключаетъ въ себѣ, нежели обыкновенные разговоры. Въ нихъ все говоритъ: голосъ, знакъ, тѣлодвиженіе. Во всемъ находятъ нѣчто благородное, которое легко и свободно толкуютъ. Не къ наукѣ принадлежитъ подавать правила для увѣренія такимъ образомъ;

имѣютъ ихъ отъ природы, которая пріобщаетъ кажется словамъ Королевскимъ столькожъ важности и власти, сколько щастіе придало того къ его особѣ.

Исторія сохраняетъ точно всѣ апоѳтегматы Императоровъ. Она на себя принимаетъ возвѣщать потомству какъ ихъ славу, такъ и дѣйствія ихъ. Мы также охотно сказываемъ, что говорили Цезари, Александры, какъ про то, что они дѣлали. Августѣйшія имена ихъ непрестанно повторяются въ нашихъ правилахъ; потому что въ самомъ дѣлѣ ихъ правила имѣютъ нѣчто геройское; а то единое и занимаетъ духъ героевъ.

Въ человѣкѣ возвышенномъ хотятъ находить добродѣтели больше, какъ обыкновенныя; все должно соотвѣтствовать высотѣ чина, имъ занимаемаго. Посредственная храбрость въ немъ называется тру-

трусость; обыкновенная щедрость ему не доставитъ славы сердца благотворительнаго.

Властелины надъ народами довольно имѣютъ къ исполненію другихъ должностей, нежели прочіе люди; что оканчиваетъ совершенство сихъ, тѣмъ едва только начинается оныхъ. Качества ограниченныя отличаютъ человѣка простаго; а Принцъ не будетъ великъ, ежели ихъ не имѣетъ до безконечности. Прощаются въ подданномъ нѣкоторые недостатки, для того что онъ только подданной; въ Королѣ ничего не прощаютъ, для того что онъ Король; посредственная въ немъ добродѣтель щитается преступленіемъ.

Какихъ высокія достоинства требуютъ бережливостей! Дѣла должны быть у нихъ безпорочны, а рѣчи, какъ сентенціи. Одно слово, хотя нѣсколько пристрастное,

не

не выходитъ безъ нареканія изъ такихъ устъ, отъ которыхъ не ждутъ, какъ только важнаго. Непорядочной поступокъ чудовищенъ предъ глазами тѣхъ, которымъ должны служить примѣромъ. Вельможи мало внимаютъ такимъ наставленіямъ; большая часть воображаютъ себѣ, что своевольство, несовершенство, суть преимущества высокородныхъ. Быть умнымъ, быть совершеннымъ, оставляется простымъ людямъ имѣть о томъ попеченіе.

Хотя кто невысокой имѣетъ чинъ, можетъ однако пользоваться тѣмъ, что сказано для великихъ людей, также какъ и сами великіе люди, для которыхъ все сіе предоставлено. Честолюбіе находитъ мѣсто во гробѣ злоключимостей, равно какъ и на престолѣ Александра. И такъ наставленія, которыя кажется не касаются,

ся, какъ до Принцовъ, не меньше приличны подданнымъ.

6.

Достоинство.

Истинная добродѣтель не бываетъ въ людяхъ. Самая та средина, которая ее составляетъ, имъ неизвѣстна. Во всѣхъ дѣйствахъ есть или лишекъ, или недостатокъ. Не видятъ въ людяхъ щедрости правильной, дружбы искренней, добродѣтели безъ крайности, или безъ недостатка. Льстятъ чрезмѣрно, оговариваютъ прегорько; одни расточительны, другіе скупы. Тотъ говоритъ о себѣ съ притворствомъ, которой возмнитъ, что себя поправилъ уже, когда станетъ о себѣ говорить съ презираніемъ. Другъ, которому попрекаютъ неблагодарностію, впадетъ въ порокъ тѣхъ, которые за долгъ вмѣняютъ служить нечестно.

стно. Кого порицали слабостію, сдѣлается крайнѣ строгимъ; а другой, кого обвиняли жестокостію, становится безпечальнымъ; однимъ словомъ, добродѣтель здѣсь неизвѣстна такова, какова она есть.

И того много, что есть между нами полумудрые и полудобродѣтельные. Изобильнѣйшіе добродѣтелію вѣки никогда ихъ не производили совершенныхъ; и всѣ тѣ, которыхъ древность поставила въ число мудрыхъ, были токмо лицемѣры гордые.

Какой предѣлъ имѣла мудрость извѣстнаго Катона? До чего дошла кротость Діогенова? Сей жилъ въ бочкѣ, притворствуя, что желаетъ скрыть себя отъ смотренія людей; а сердце его наполнялося тщеславіемъ больше сердца Александрова, котораго презиралъ онъ славу. Катонъ, мудрый Катонъ, явился ли онъ мудръ,

былЪ ли онЪ мудрЪ, когда для избѣжанія отЪ свиданія сЪ КесаремЪ онЪ самЪ себя умертвилЪ?

Сколь ни было несовершенно достоинство тѣхЪ лживыхЪ мудрыхЪ, мы не можемЪ однако до того достигнуть; не скажемЪ ли мы, что вЪ настоящемЪ вѣкѣ добродѣтель дошла до вышшей своей степени?

Самое твердое по видимому достоинство не имѣетЪ, какЪ только нѣсколько минутЪ, свѣтлости: оно по ослѣпленіи насЪ темнѣетЪ.

Наши добродѣтели толь слабы, что самое малое ихЪ портитЪ и разтлѣваетЪ. Сего дня умны, завтра славятЪ себя не быть таковыми. Пока человѣкЪ живЪ, можетЪ перемѣняться: отЪ порока переходить кЪ добродѣтели, отЪ добродѣтели кЪ пороку.

Надовно видѣть, какЪ они умирать станутЪ, говорилЪ нѣкто

изъ древнихъ, которому хотѣли на судъ отдать достоинство двухъ великихъ человѣковъ. Послѣднее дѣйство жизни нашей въ самомъ дѣлѣ или насъ осуждаетъ, или оправдаетъ. Небо не рѣшитъ, какъ по тому дѣйству.

Начало царствованія Нерона было славное, но зло онъ окончалъ; Августъ началъ тирански, а въ послѣднихъ царствованія своего годахъ оказалъ онъ такое милосердіе, какого не ожидали отъ перваго его безчеловѣчія. Ктобъ не обнадежилъ, что Неронъ, отрекшися подписать смертную казнь двумъ злодѣямъ, не сталъ щадить крови гражданъ? Онъ пролилъ кровь матери своей, кровь учителя своего, кровь тысячи мужей знатныхъ. Ктобъ повѣрилъ, видѣвъ въ Августѣ толикое безчеловѣчіе, чтобъ Римъ и главнѣйшіе въ немъ избавилися отъ его ярости? Премѣна

мѣна предивная! Онъ положилъ себѣ законъ тихости и кротости, простилъ Кинну, жалѣлъ о Меценатѣ, присталъ къ Агриппу, любилъ гражданъ, употреблялъ всѣ свои попеченія о республикѣ, умеръ добрымъ Императоромъ.

Добродѣтель походитъ нѣсколько на пригожія лица; посредственное достоинство ихъ украшаетъ несравненно больше, нежели превосходное достоинство украшаетъ другихъ. Моглибъ вы сказать, что пригожія лица и добродѣтели самой придаютъ сіяніе; вмѣсто того у женщинъ, не столь красивыхъ, добродѣтель всегда теряетъ нѣсколько изъ своего блистанія; смѣшанная и какъ погребенная въ безчисленномъ множествѣ недостатковъ, не безъ труда разсматриваютъ ея красоты.

Добродѣтель не дѣлаетъ чести, ежели не исполняется она

благопристойно. Есть благопристойность въ томъ, какъ быть добродѣтельнымъ, равно и въ томъ, какъ быть чисто опрятнымъ.

Для узнанія красотъ добродѣтели надобно быть добродѣтельнымъ. Сіе рѣшитъ, что своевольники къ нимъ натурально нечувствительны, однако всегда смотрятъ на добродѣтель со удивленіемъ; какъ погруженные въ безпорядкахъ они сами на себя досадуютъ, что не дѣлаютъ добраго.

Злѣйшіе моты почитаютъ человѣка добраго; они не хотя отдаютъ ему справедливость и внутренно засвидѣтельствуютъ ему тожъ, что *Саулъ Давыду*: *ты праведнѣе меня.*

Желаніе дойти до совершенства есть дѣйство, больше обыкновенное самолюбія, нежели искренняя ненависть злодѣйства.

Со

Со времени, какъ достоинство перестало намъ давать властелиновъ, мало уже начальства, которое не становилосябъ ненавистнымъ. Тѣ, которыхъ природа и временщичество облачаютъ властію народною, обыкновенно бываютъ жестокосерды. Никогда не находили кротости въ тѣхъ, которыхъ щастіе, или деньги, поставили надъ нашими головами.

Не добродѣтель уже дѣлаетъ достоинство, по меньшей мѣрѣ не признавается уже достоинство. Человѣкъ доброй обиженъ; его самыя похвальныя дѣла наказываются, какъ самыя подлыя вѣроломства заслуживалибъ быть наказаны; его праводушіе, которое должнобъ его приближать къ великимъ мѣстамъ, его отъ нихъ отдаляетъ; его безкорыстіе заставляетъ недовѣрять; его попеченія

показываютъ его духомъ предпріимчивымъ.

Миновало уже то время, какъ одна только мудрость отворяла путь къ честямъ. Дороги щастія загорожены людямъ достойнымъ; они ненавидятъ такія возвышенія, которыя не даются, какъ коварствамъ и подлостямъ.

Человѣкъ доброй любитъ лучше ничего не прибавлять къ своему состоянію, нежели убавить нѣчто изъ своея добродѣтели. Честолюбивая гордость попираетъ ногами мудрость, честь, праводушіе, и на тѣхъ развалинахъ воздвизаетъ свое величіе. Утѣшь себя доброй человѣкъ; зданіе злодѣйства не стоитъ какъ нѣкоторое только время, а время то короткое.

Мы видимъ человѣка, достигающаго до высокихъ мѣстъ, не надобно намъ спрашивать, какое онъ имѣ-

имѣетъ достоинство; статься можетъ, что никакого у него нѣтъ, кромѣ того, что онъ щастливъ.

Достоинстволь помогаетъ къ возвышенію? Примѣръ безчисленныхъ, которые не одолжены за свое, какъ только случаю, доказываетъ противное. Многіе становятся велики съ талантами посредственными, и не имѣвъ труда оказать дѣла чрезвычайныя, имѣютъ они щастіе слыть людьми достоинства совершеннаго.

Достоинство, щастіемъ оставленное, не служитъ тому, въ комъ оно находится, какъ сдѣлать его больше смѣшнымъ. Имена стихотворца, сочинителя, высокоученаго, суть названія ругательныя, когда не пользуются величіемъ, или и съ ними находятся въ подлости. Названія тѣ были честны въ Графѣ С. Аньянѣ, въ Г. де Бюсси, въ Принцѣ; другимъ

гимъ же премногимъ щедро придаютъ ихъ въ посмѣяніе и съ презрѣніемъ.

Все, чтобъ вельможи ни дѣлали, поставляется на щетъ, ежели не достаетъ имъ достоинства; лесть имѣетъ попеченіе наполнить пустоту, въ нихъ обрѣтающуюся.

Въ вельможахъ все говоритъ, возглашаетъ льстецъ: какое красноречіе въ словѣ томъ! какой умъ въ знакѣ томъ! сколько силы при случаѣ семъ! коликая учтивость въ манерахъ тѣхъ!

Мы въ подлыхъ состояніяхъ имѣемъ нещастіе дѣлать множество такихъ дѣлъ, которыя не примѣчаются и которыя совсѣмъ бы пропадали, ежелибъ добродѣтель сама себѣ не служила награжденіемъ. Человѣкъ простой имѣетъ всѣ воображаемые таланты; благородной же хотя далеко отстоитъ отъ него достоинствомъ, однако пред-

предпочитается ему; не смотрятъ на того, какъ издали, а у сего и малѣйшее дѣло не теряется.

Въ вельможахъ порокамъ нѣтъ наказанія; критика молчитъ о ихъ несовершенствахъ. Они имѣютъ честь быть добродѣтельны; лесть придаетъ малѣйшимъ ихъ качествамъ виды полезные. Усмотрѣвъ, что придворной подалъ милостыню, человѣколюбіе его получаетъ похвалы явныя; а тогдажъ предаютъ молчанію дѣла простаго мѣщанина, которой своимъ иждивеніемъ основалъ съ доходами богадѣльню. Офицера, по своей природѣ извѣстнаго, равняютъ съ героями за дерзскую его отвагу, а тогдажъ самой храбрый солдатъ смѣшанъ съ подлыми трусами.

Сомнѣваюсь, чтобъ нашлося достоинство такое, которое простиралосябъ съ равнымъ сіяніемъ во всѣхъ состояніяхъ. Тотъ въ чи-

нахъ многомятежныхъ себя отличаетъ, которой въ тишинѣ не оказалъ бы себя ни мало; тотъ въ уединенiи прославится, котораго знатныя дѣла затмили бы. Вступать въ состоянiе, въ которомъ можнобъ наружу вывести свое достоинство, вотъ что есть важно!

Половина геройскаго достоинства должна сiять въ физiогномiи героя; глаза его должны то возвѣщать; вся его внѣшность должна показывать нѣкоторое объясненiе о его добродѣтеляхъ. Прочее, дабы здраво судить о достоинствѣ, одни блестящiяся доказательства недовольны.

Молодость много достоинства убавляетъ у самыхъ искусныхъ. Молодой адвокатъ, молодой докторъ, молодой учитель, молодой совѣтникъ, всѣ такiе люди, къ которымъ не имѣютъ, какъ токмо легкую довѣренность.

Чи-

Чистѣйшее и знаменитѣйшее достоинство не всегда имѣетъ щастіе быть любезнымъ. Часто человѣкъ духа обыкновеннаго возбуждаетъ удивленіе; надобенъ случай, надобенъ часъ, надобно еще притомъ одно, не вѣдаю, что такое, о которомъ сокрушаюся, что я его не знаю.

Премногія особы украшены качествами посредственными, которымъ не пристало бы чваниться рѣдкими. Ежели простой человѣкъ зачванился бы подражать щедростямъ великаго господина, назвалибъ его расточителемъ; ежели онъ сократитъ свои благотворенія, назовутъ его щедрымъ и услужливымъ. Непригоже мѣщанину спорить въ храбрости дворянину, въ учтивости придворному человѣку; сталибъ его называть хвастуномъ. Лишь бы онъ не былъ трусъ, какъ плутишка, ни грубіянъ, какъ подлецъ

лецъ изъ черни, почитать его будутъ.

Посредственность, осуждающая добродѣтель вельможъ, дѣлаетъ наилучшее состоянiе добродѣтели людей малыхъ. Являйтеся посредственно щедры, посредственно учтивы, посредственно умны, все для васъ будетъ хорошо. Ежели вы отдаете мнѣ первое мѣсто, говоритъ изрядно Г. Паскалъ, я его не приму; ежели вы даете мнѣ послѣднее мѣсто, я его также откажу, для того что знаю, что всякая крайность не въ почтенiи и что надобно быть на срединѣ.

Достоинство посредственное вездѣ годится, а достоинство преизящное непригодно ни въ какомъ почти мѣстѣ.

Преступленiемъ почитается въ нѣкоторыхъ вѣкахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ имѣть достоинство; смотрятъ на него съ ненавистiю.

Престанемъ столько притворствовать къ достоинству; политика хочетъ, чтобъ хвалили такія вещи, которыя во время, больше порядочное, были бы опорочиваны; иначежъ почитали бы завистію.

Мы удивляемся, видя, что дѣти великихъ мужей не всѣ наслѣдники бываютъ прекраснаго того достоинства, которое отличало ихъ предковъ. Дивимся ли мы, что сынъ какого либо богача доходитъ до стыдныя нищеты?

Хвастать своими предками преславными, доказывать сіе пергаминами согнившими, достоинство ли то? Что не показываетъ мнѣ добродѣтелей, не можетъ уловить моего почтенія. Будь мудръ, будь щедръ, другъ всему доброму, правдивъ въ словахъ твоихъ, тогда признавать буду твое достоинство, и не посмотрю я, благородной ли ты.

Орантъ, человѣкъ въ милости, фамилія его славна, онъ по премногу богатъ, владѣетъ знатными отчинами, его всѣ любятъ, обожаютъ; мудръ ли, добродѣтеленъ ли онъ? Вы ничего не отвѣтствуете; безъ того однако не могу я почитать того Оранта, котораго превозносите вы мнѣ достоинство.

Достоинство почтенно, хотя не имѣетъ пользы щастія, однако, по нарѣчію корысти, благодѣяніе фортуны потребно, и можетъ существовать безъ достоинства.

Смѣшно достоинство то во многихъ людяхъ! Чтобъ его находить въ искусствѣ хорошо танцовать, въ хитрой живописи, въ нарядахъ и платьѣ, всеконечно значитъ то очень малое знаніе достоинства.

Разсуждаютъ люди очень не нѣжно о достоинствѣ. Понадобится придворной человѣкъ, свѣдаютъ, что онъ въ силѣ, а наипаче, что онъ денеженъ, заключаютъ безъ всякаго разбора, что онъ великое имѣетъ достоинство. Ежели то такъ, хотя тому я и не вѣрю, надобно притомъ согласиться, что оно не принадлежитъ человѣку.

Градоначальникъ неукоснительно къ себѣ допускаетъ и выслушиваетъ, офицеръ не дѣлаетъ никакого насилія ругательнаго, купецъ въ платежахъ своихъ не откладываетъ сроковъ, слывутъ людьми съ достоинствомъ. Я былъ бы вашего мнѣнія, ежелибъ вы сказали, что они имѣютъ половину одну достоинства. Покажите мнѣ, что градоначальникъ тотъ правосуденъ въ своихъ рѣшеніяхъ, что офицеръ тотъ имѣетъ совѣсть, ку-

купецъ тотъ добрую вѣрность, послѣ того я вамъ буду вѣрить.

Увидя грубіяна неблагодарнаго, скажутъ, что онъ недоброй человѣкъ, осужденіе то праведно; усмотрѣвъ другаго, которой всю жизнь свою провождаетъ въ картежной игрѣ, имѣетъ съ женщинами раззорительное обхожденіе, вступаетъ въ недозволенныя интриги, усомнятся ли назвать его учтивой молодецъ?

Что нынѣ называется учтивой молодецъ, малую имѣетъ разницу съ тѣмъ, что подлинно люди честные называютъ плутъ. Лукасъ сказываетъ друзьямъ своимъ: Кленоръ услужилъ мнѣ въ нѣкоторой ссорѣ, я получилъ сто имперіяловъ, которые онъ мнѣ обѣщалъ; выигралъ я недавно пятьдесятъ помощію его хитрости. Чтожъ друзья его отвѣтствуютъ? Лукасъ человѣкъ учтивой. А я у

нихъ

нихъ спрашиваю, что могъ больше сдѣлать Лукасъ для подражанія дѣлъ плутовскихъ? Вы скажете, что онъ храбръ, когда представилъ себя на помощь Кленору; не славнѣе либъ для него было помирить обоихъ тѣхъ друзей поссорившихся? Вы назовете великодушіемъ его скорость въ исполненіи своего слова; а слово то по правиламъ ли чести дано было, и за ничтожь вы поставляете лихву ссудъ его? Онъ научилъ выиграть пятьдесятъ имперіяловъ Кленора, которой не выигралъ бы столько, ежелибъ играли такіе же мошенники, какъ Лукасъ; того однако Лукаса называютъ учтивымъ молодцомъ.

Не имѣю я добраго мнѣнія о людяхъ, которыхъ жалуютъ симъ титломъ; рѣдко придаютъ его подлинно человѣку доброму.

Не скажутъ о Сидорѣ, что онъ усомнится за совѣсть сдѣлать неправосудіе, потому что онъ учтивой молодецъ, лучше объ немъ разсудятъ, назовутъ его человѣкомъ добрымъ.

Придворные люди предпочитаютъ качеству добраго человѣка качество учтиваго молодца по той причинѣ, что они привязываютъ къ послѣднему сему, не вѣдаю какое умопонятіе достоинства, почитаемое ими больше истиннаго, котораго знаніе они отмещутъ.

Онъ имѣетъ всѣ качества учтиваго молодца, говорили мнѣ объ одномъ въ пѣхотѣ Капитанѣ. Недолгое время мнѣ надобно было къ открытію его состоянія. Достоинство то учтиваго молодца состояло только въ дѣланіи злодѣйствъ для услугъ иногда тому, иногда другому, клясться при всякомъ словѣ, обѣщавать свои

услуги

услуги страшными заклинаніями, быть наконецъ всего меньше, какъ добрымъ человѣкомъ. Тѣмъ доходятъ таковымъ себя прославить.

7.

Репутація,

или похвала отъ всѣхъ.

Не меньше опасно иногда бываетъ имѣть великую похвалу, какъ совсѣмъ ее не имѣть. Великая похвала становится подозрительна, и зависть ее затмѣваетъ.

Надобно часъ отчасу возвышаться; вотъ опасность великому имени! Искусной живописецъ написалъ прекрасную картину; ежели онъ другую напишетъ равной доброты только, сомнѣваться не можно, чтобъ не находили вторую меньше хорошею. Хотятъ нѣчто получше, и по первому начатку сами себѣ то обѣщали.

Великая похвала не легко удерживается, отъ того и опасность ей умножается. Всѣ, завидуя вашимъ успѣхамъ, требуютъ отъ васъ больше, нежели вы имъ дать можете; когдажъ вы не соотвѣтствуете ихъ ожиданію, лишатъ они васъ ихъ одобренія.

Положимъ себѣ предѣломъ похвалу посредственную, число одобрителей будетъ правда не велико, да и число осудчиковъ будетъ меньше. Не многоль того для насъ? Ожидать отъ насъ не станутъ ничего чрезвычайнаго, когда покажемъ малое что нибудь сверьхъ обыкновеннаго ожиданія. Надежное средство быть для всѣхъ угодными.

Я лучшебъ любилъ, говорилъ Цицеронъ, *ошибаться съ Платономъ, нежели находить истинну съ другими философами.* Скажу ли я, что славнѣе погрѣшить съ великимъ

человѣкомъ, нежели хорошо дѣлать, слѣдуя примѣру людей, посредственно хвалимыхъ? Вездѣ въ другомъ, кромѣ нравоученія, потребно на то поступать. Архитекторъ славной ошибиться можетъ; пусть другой подражаетъ его примѣру, удивятся ему больше, нежелибъ слѣдовалъ онъ собственному разумѣнію. Ошибка его примется за самую ученую тонкость, а вмѣсто того надмѣрное наблюденіе правилъ художества причтется въ немъ за недостатокъ смѣлости.

Похвала сочинителю (Бель-эспри) бывала ли когда столь обезчещивана? Придворной человѣкъ сочинилъ во всю жизнь свою два мадригала, женщина начертила исторію любовную подруги своей, не сомнѣваются помѣстить ихъ между сочинителями (Бо-эспри).

Одолженіе имѣть за сію честь своей природѣ, или легкомыслію невѣждъ въ народѣ, слабая есть причина много о себѣ думать. Никакъ не пріобыкнувъ видѣть знатнаго человѣка, унижающаго себя даже до оказанія почтенія къ Музамъ, удивляясь, что онъ такой трудъ на себя пріемлетъ, чтобъ за то его не похвалилъ? Онъ сочинитель (Бель-Эспри), говоритъ народъ предубѣжденный; примѣчается въ стихахъ его тонкость, неизвѣстная творцамъ обыкновеннымъ. Самая то правда; прибавляютъ, что Дворъ есть центръ учтивости. По сущей правдѣ, станутъ ли столько удивляться въ пользу самаго лучшаго сочиненія?

Невѣжество и предубѣжденіе великое имѣютъ участіе въ похвалахъ, отдаваемыхъ знатнымъ людямъ. Гадкія ихъ малости названы будутъ разумными вымыслами,

ми, когда не придадутъ такого именованія высочайшему красноречію, которое творцемъ имѣло бы человѣка малочиновнаго.

Средство къ исправленію порочныхъ было бы то, чтобъ придать каждому пороку родъ посмѣянія. Всѣ любятъ свою честь, такъ что не отважутся предавать себя на шутки и посмѣшище. Множество своевольниковъ сами славятся своевольствомъ, отъ котораго они отсталибъ, ежелибъ надѣялися, что поступая лучше, число одобрителей ихъ умножалосябъ.

То самое, что заставляетъ насъ дѣлать добро, заставляетъ и терять того заслугу. Мы слѣдуемъ добродѣтели за пріятность похвалы, и любовь та похвалы уничтожаетъ въ насъ заслугу добродѣтели.

Похвала и заслуга меньше, нежели чаютъ, симпатіи имѣютъ.

Со вниманіемъ смотрятъ на того, которой внутренно не имѣетъ добродѣтели; другой наполненъ весь талантами, живетъ какъ во тьмѣ, и имени его не знаютъ.

Славолюбіе есть страсть людей достойныхъ, тщеславіе есть участь безумныхъ.

Кто небрежетъ о почтеніи отъ людей, щитается подлымъ; кто его проискиваетъ, подозрѣвается честолюбіемъ; свободилъ бы себя отъ многихъ трудовъ, кто поставилъ бы себя выше похвалъ. Всякъ нестарающійся ихъ получить не имѣетъ чести. Трудное слово! правило непогрѣшительное! не станемъ присвоять себѣ славы.

Отъ одной только вещи зависитъ часто похвала. Одно дѣло отважное заслужило для многихъ титулъ храбраго, неудачной случай заставитъ называть другихъ всегда продерзскими. Вотъ какъ труд-

трудно заглаждать первыя впечатлѣнія!

Похвала со сладостію не отмещется, хотя бы впрочемъ имѣлъ кто кротость и смиреніе чрезвычайныя.

Ничего нѣтъ прелестнѣе для человѣка достойнаго, какъ слышать себя хвалима такими людьми, которые умѣютъ его отличать. Подлецъ принимаетъ всѣхъ родовъ выхвалителей; съ которой бы стороны ни покадили его, вездѣ обоняетъ онъ благовоніе. Неннѣженъ онъ въ разборчивости похвалъ: онъ ихъ принимаетъ отъ льстеца, онъ ихъ принимаетъ отъ невѣжды, всякое одобреніе для него пригодно.

Одобренія худаго знатока невкусны людямъ достойнымъ: имъ надобны хвалы просвѣщенныя; всякаяжъ другая слава ихъ без-

 честитъ,

чествуетъ, всякое другое почтеніе ихъ оскорбляетъ.

Я больше не спрашиваю, для чего *Эпаминондъ* не хотѣлъ заставлять пѣть свои дѣйствія, какъ славнѣйшаго музыканта. *Александръ* имѣлъ причину дозволить одному только *Апеллесу* дѣлать свой портретъ. Героямъ единственно принадлежитъ такая нѣжность.

Наибольшій вѣка нашего порокъ не тотъ, чтобъ показывать себя затруднительнымъ въ выборѣ одобрителей. Тщеславіе столько сократило недовѣрки, что оно себя питаетъ славою льстивою столькожъ, сколько и правосудною.

Вы найдете столько людей, похваляющихъ по предразсужденію, сколько не видать хулителей по зависти. Никто труда на себя не принимаетъ прикидывать на вѣсы достоинство, ни разсматривать

по-

пороки, довольно того, что полагаются на первые разсудки. Такіе хвалители, такіе осудчики, походятъ на эхо: я почитаю, говоритъ тотъ, кто мнитъ имѣть изрядныя качества; мы почитаемъ, повторяютъ другіе; я осуждаю, говоритъ Ценсоръ, сдѣлавшій себя Третейскимъ судіею, мы осуждаемъ, повторяютъ всѣ. По довольномъ разсужденіи всего находится, что всѣ тѣ, которые рѣшатъ такимъ образомъ, едва двое только знаютъ дѣло, ими рѣшенное, прочіе того не вѣдаютъ; и такъ въ свѣтѣ есть заговоръ осудчиковъ и одобрителей. Такого роду судіи ходятъ только по малому числу.

Кто похваляется двумя, или тремя благоразсудными особами, долженъ быть больше доволенъ, нежели тотъ, кого народное множество хвалитъ, не вѣдая за что.

От-

Отнимите у сильнѣйшаго человѣка случай къ пріобрѣтенію чести, или паче, доставьте ему наилучшіе случаи и къ полученію себѣ великаго имени, и откажите ему тѣ чести, которыхъ онъ ожидалъ отъ васъ, какъ отъ свидѣтеля великости: увидите тотчасъ, что онъ отрицается отъ своего честолюбія, или и много что придавать оному станетъ слабое дѣйство.

Пусть какого нибудь Короля тысяча человѣкъ хвалятъ, а одинъ только его презираетъ; презрѣніе сего послѣдняго тягостнѣе сердцу его будетъ, нежели похвала другихъ была ему пріятна. Аманъ чаялъ несравненно больше себя обезчещенна отказомъ Мардохея преклонить предъ нимъ колѣно, нежели мнилъ себя почтенна покорностями цѣлаго народа.

Не вѣрю я тому, кто по досадѣ не уважаетъ похвалу того, или другаго. Всѣ желалибъ быть любимы всемъ свѣтомъ.

Ученые, говоритъ Полидоръ, любуются моимъ сочиненіемъ, невѣжды имъ недовольны; я тому смѣюся. Узнаваю по сему хвастовству, что Полидору не былобъ противно, чтобъ и невѣжды почитали его также для того, что хотя немного чести быть отъ нихъ хвалиму, однако очень весело быть хвалиму отъ всѣхъ.

Почтеніе глупца недрагоцѣнно, я въ томъ согласенъ; но оно противно быть не можетъ, когда помогается и предупреждается голосами искусныхъ.

Явно отметать похвалы какого либо невѣжды значитъ презрѣніе; веселиться удивленіемъ мудрыхъ значитъ гордость; изъ того выбирайте угодную сторону.

Есть

Есть люди, которые дивятся всему, другіе же не дивятся ничему. Малѣйшія сочиненія находятъ у первыхъ честь и почтеніе совершенныхъ изданій; вопрекижъ совершенныя изданія не находятъ во умѣ у вторыхъ, какъ только слабое почтеніе.

Хорошо обыкновеніе притворно не хвалить, а еще лучше того молчать о томъ, что не заслуживаетъ никакой похвалы. Больше ошибкамъ подвержены хваля, нежели не хваля. Похвала всегда почти бываетъ съ ласкательствомъ, а молчаніе можетъ полезно быть истолковано.

Невѣжды обыкли распространяться въ похвалахъ, мудрые избираютъ время хвалить; не хвалятъ, какъ достойное одобренія, оберегаютъ свою похвалу и раздаютъ ее съ умѣренностію.

Хва-

Хвалитель безмѣрный, осуждатель всесвѣтный, не по мнѣ люди. Я хочу, чтобъ хвалили и осуждали кстати; въ случаѣ хваленія и осужденія непристойнаго времени избѣгать нужно больше, нежели чаютъ.

Кто съ трудомъ выбираетъ похвалы, останется обманутъ завистію; никто уже не похочетъ его хвалить. Чтобъ вамъ больше понравилося, хвалимуль немного быть отъ всѣхъ людей, или много быть хвалиму отъ немногихъ особъ? Не знаю, не прогнѣвлюль я моимъ тщеславіемъ, мнѣ кажется, что слава всемірная дѣлаетъ больше чести. При семъ противъ моего перваго мнѣнія я соглашаюся съ *Плиніемъ*, которой говоритъ, что великіе мужи предпочитаютъ такое всеобщее почитаніе, хотя малое, почитанію, хотя великому, за-

заключенному въ небольшемъ числѣ одобрителей.

8.

Мода.

Для себяль одѣваются? ничего не бывало. Мода тиранствуетъ надъ нашею склонностію, принуждаетъ нашъ вкусъ, покоряетъ его вкусу другихъ.

Какъ бы противно что ни было тому, что мы любимъ; какъ же скоро то въ модѣ, къ тому привыкаемъ. Все, что противно модѣ, кажется непригоже и все то бросаютъ.

Прекраснѣйшія вещи престаютъ быть прекраснѣйшими, какъ скоро онѣ не по модѣ.

Простота новая пріемлется лучше, нежели великолѣпіе застарѣлое.

Мода не всегда состоитъ въ нововыдуманныхъ платьяхъ; на-

добноб

добнобъ Французскому духу быть неизчерпаему; а какъ онъ весьма перемѣнчивъ, то возобновляетъ онъ нѣкоторыя употребленія. Вотъ и то называютъ также модою!

Глупые выпускаютъ моды, мудрые не притворяются отъ нихъ удаляться.

Какъ бы ни были смѣшны нѣкоторыя моды, смѣшнѣе еще былобъ отъ нихъ удаляться.

Повѣрятъ ли, что мода въ состояніи придавать достоинство? Гасконцу въ древнемъ одѣяніи откажутъ входъ въ садъ Королевской; а петиметръ, сообразующійся новому вкусу, вездѣ хорошо будетъ принятъ.

Перемѣна модъ великую дѣлаетъ пользу для торговли.

Кто не старается быть постояннѣе модъ, тотъ долженъ рѣшиться на частыя перемѣны.

Пока мода твердо не установится, не надобно ее перенимать, инакожъ покажешся то странностію.

Мода перераждается, какъ скоро простой народъ имѣетъ средство ей слѣдовать.

Каждая страна имѣетъ свои моды, каждой вѣкъ имѣетъ свои моды, каждой человѣкъ имѣетъ свои моды любимыя, да и моды сами, можноль такъ сказать, имѣютъ свои моды.

Балонскія собачки были въ модѣ, меделянскимъ мода проходитъ, борзыя начинаютъ быть любимы дамами, скоро онѣ сажать станутъ въ свои кареты большихъ кудрявыхъ собакъ, да и прекословить тому не льзя, когда придетъ на то мода.

Есть слова модныя, да еще есть и образецъ какъ писать по модѣ. *Ѳеофилъ* былъ *Белъ-эспри*

во свое время; сочиненія его и нынѣ еще таковыжъ, каковы были; мода пришла удивляться другому. *Балзасъ* во свое время былъ весьма любимъ; по модѣ тогда проговаривали: говорить *по Балзасову*, когда хотѣли сказать: говорить дурно; нынѣ мода наступила совѣтовать *писать по Балзасову*, и значитъ то слогъ ясной, чистой, краснорѣчивой.

Что я теперь пишу, покажется можетъ быть угодно модѣ; съ другой же стороны статься можетъ, что то противно ей будетъ еще прежде выхода изъ печати.

Говаривали въ началѣ сего вѣка страннымъ образомъ, изъясняли себя пышно; забродчивость, умничанье, любовь къ новости, вводили слова неправильныя; двоякое разумѣніе словъ бросалося и въ мысли; обыкновеніе при-

придворныхъ говорить казалося очень напряженно городскимъ жителямъ; израженія же сихъ являлися тѣмъ очень простоваты; явно раздѣлены были между привычки и правила, выговора и вкуса добраго. Такая рѣчь употреблялась на каѳедрѣ, которая не прилична какъ только въ Парламентѣ. Иная проходила въ разговорахъ, которая помѣщена быть не могла, какъ въ словѣ, нарядно приготовленномъ. Проповѣдникъ захватывалъ права адвоката, адвокатъ хвастался рѣчьми оратора священнаго. Адвокатская по спорному дѣлу рѣчь становилася проповѣдью по своей напыщенности, а проповѣдь непріятнымъ смѣшеніемъ, связью подлыхъ уподобленій, непомѣрныхъ образованій, ненадобныхъ періодовъ. Мнимые учтивые люди, оставя природу, какъ нѣчто очень простолюдимое, говори-

ли съ надутостію словъ, которую едва можнобъ сносить въ рѣчахъ народныхъ. Все то уже не въ модѣ. Нынѣ любятъ простоту, и что отъ нее хотя немного отдалится, не пріемлется; да статься можетъ, что и я не по новому буду вкусу за то, что не сказалъ сходственнѣе съ природою, что нынѣшняя мода есть та, чтобъ согласиться какимъ образомъ говорить, вмѣсто того по старинѣ хорошіе умы доискивалися ни на кого непохожей странности.

Сколько такого, чему не достаетъ, дабы быть совершенно хорошимъ, какъ одобренія отъ моды!

Безъ такой слѣпой покорности къ модѣ нашъ языкъ былъ бы обогащенъ множествомъ преизрядныхъ рѣчей, которыхъ не смѣютъ употреблять, хотя согласны онѣ съ художествомъ. Обыкнове-

ніе ихъ выгнало. Желательно, чтобъ мода изволила ихъ возвратить.

Вы хотите, *Гермадоръ*, издать въ народъ книгу; сколько цензоровъ нападутъ на васъ! потребуютъ отъ васъ причины вашихъ мыслей, вашихъ фразесовъ, вашихъ словъ; то слово, скажутъ вамъ, хорошо только въ разговорѣ, сіе неприлично, какъ въ слогѣ, цвѣтами наполненномъ; вотъ еще слово уже застарѣлое, а сіе еще не принято. Пишите по модѣ, или совсѣмъ писать не мѣшайтеся.

Добрый смыслъ не можетъ какъ давать мнѣнія о сочиненіяхъ умныхъ, а мода объ нихъ рѣшитъ.

Нѣтъ ли мнѣній модныхъ? Разсматривали, что есть грѣхъ философическій, писали противъ комедій, воевали противъ *квіэтистовъ*.

стопъ (*). Не пройдетъ вѣкъ сей безъ выпуска на свѣтъ новыхъ чувствованій.

Даже до пороковъ и добродѣтелей, и тѣ становятся модными.

Я прихожу попросту въ собраніе честныхъ людей, слушаю, что они говорятъ, говорю и самъ съ ними, пока то меня веселитъ; усматриваяжъ минуту, которая будетъ для меня скучна, вдругъ поднимаюся и выхожу, не простяся ни съ кѣмъ. Неучтивость ли то? Когда мнѣ было только двадцать лѣтъ, бывало то самая грубая неучтивость; нынѣ же, какъ я вступаю въ совершеннолѣтство, почитается то умѣньемъ жить.

Супружняя любовь бывала напредь сего добродѣтель, нынѣ

(*) Квіэтисмъ, бывшая въ Римской церкви ересь, въ началѣ нынѣшняго вѣка и тогдажъ осужденная.

вѣрность у нѣкоторыхъ женщинъ называется скотство. Ненавидѣли волокитства, а отъ давнихъ уже лѣтъ оно есть извинительная благопристойность.

Честь есть дѣло важное, добродѣтель потребная; освобождены ли мы имѣть о томъ попеченіе? Не дозволяютъ женамъ привязываться къ другимъ, кромѣ мужей ихъ. Установлено дозволеніе у мущинъ бѣгать за красавицами; отставятъ ли когда нибудь сію моду?

За десять, или за двенатцать лѣтъ, любовныя обхожденія въ обыкновенномъ бывали употребленіи; нынѣ отъ того отрицаются, по меньшей мѣрѣ игру свою таятъ; можетъ статься, что въ слѣдующемъ вѣкѣ не будутъ столь скрытны. И такъ мода была, моды уже нѣтъ; мода возвратится доставлять себѣ любовію пріятное упражненіе.

Есть-

Естьлибъ въ модѣ было дѣлать то, что говорятъ, я, вопившій столько противъ сочинителей, весьма себя остерегъ бы издавать въ печать то, что я объ нихъ говаривалъ.

Другіе, кромѣ меня, писали о модѣ. Статься можетъ, что я нѣчто упомянулъ изъ того, что они объ ней говорили; но прежде моихъ разсужденій ихъ разсужденія не были мнѣ извѣстны; когдажъ бы я имъ и подражалъ, не раскаюся въ томъ. Всегда въ модѣ было пользоваться просвѣщеніями добрыхъ творцевъ.

Иная мода начинается между учеными. Они другъ друга обкрадываютъ, они себя взаимно грабятъ. Мнѣ кажется мода сія продолжится.

Отъ чего мы столь любимъ новость? Не по той ли причинѣ, что все новое по нашему разсуд-

ку есть больше нѣжно и превосходно? Или паче не та ли тому причина, что мы смотримъ на новое, какъ на добро, намъ принадлежащее.

Во всѣхъ вещахъ новость любима: въ наукахъ, въ языкахъ, въ обхожденіяхъ, въ модахъ. Мы не любимъ того, что къ намъ отъ другихъ доходитъ: мы ищемъ славы быть всему творцами.

9.

Женщины.

Осталось ли еще что нибудь говорить о женщинахъ? Сначала, какъ сатира стала господствовать, она ими наполнялася; во время еще Моисеево невѣрность было преступленіе не новое. Ко всему, что объ нихъ говорено, можно еще прибавлять и въ тысячу лѣтъ, равно какъ нынѣ. Возможно

но будетъ объ нихъ говорить совсѣмъ новымъ образомъ.

Госпожи чтобъ на меня не гнѣвалися, я готовъ отдавать справедливость такому полу, въ пользу котораго малѣйшія мои чувствованія состоятъ въ истинномъ почтеніи; я говорить буду съ должнымъ уваженіемъ. Ежели могутъ мнѣ показать противное тому, что я объ нихъ говорить буду, въ доброй часъ; я отъ того отстану; но не принудятъ меня до того доходить, какъ весьма увѣреннаго, что есть премножество женщинъ предостойныхъ; а не дѣлать изъ того никакого изъятія, назвалибъ меня льстецомъ.

Злорѣчіе трудится сыскивать въ госпожахъ такіе пороки, каковыхъ они не имѣютъ. А какъ трудно, чтобъ всѣ имѣли совершенства неоспоримыя, то мѣшаютъ самыхъ совершенныхъ съ меньше

со-

совершенными, и тѣмъ доводятъ опорочиванiе излишне далеко.

Одинъ нашего времени сатирикъ не нашелъ, какъ только трехъ женщинъ цѣломудренныхъ. Я не смѣю повѣрить, чтобъ Парижъ столько растлѣненъ былъ. Въ Содомѣ нашлося семь праведныхъ.

Нѣсколько женщинъ, которыя поползновенiе имѣлибъ къ полюбовнику, заставятъ ли вѣрить, что и прочiя невѣрны? Несправедливо вмѣшивать въ число виноватыхъ тѣхъ, которымъ не можно попрекать ни малѣйшею слабостiю. Недоумѣваю, что вамъ отвѣтствовать; ежели вопросъ такой рѣшится по большинству такихъ дѣлъ, должно остаться Пирронистомъ по сему пункту.

Красота была бы польза отяготительная, ежелибъ красавицы не имѣли воли дѣлать себѣ обожателей.

При-

Пригожія лица неохотно другъ друга терпятъ, но всѣ почитаютъ себя соперницами.

Женщина полюбленная больше имѣетъ соперницъ, нежели тотъ, кого она любитъ, соперниковъ; всякъ завидуетъ ея щастію.

Ничто сильнѣе не бываетъ и ничего труднѣе утолить не можно, какъ гнѣвъ женщины, которой предпочитаютъ другую.

Красота много прибавляетъ къ достоинству женщины; а чтобъ дурноту сдѣлать сносною, не меньше женщинѣ надобно имѣть, какъ достоинство превысокое.

Красотою недолговременно владѣютъ. Какъ великія богатства доводятъ иногда до крайней бѣдности, такъ минувшая красота производитъ дурноту ужасную.

Лиза въ двадцать пять лѣтъ румянилася, она отъ того казалася осьмнадцатилѣтнею; нынѣ ей

трит-

тритцать два года, а всякъ почтетъ ее сороколѣтнею. Не вижу я, чтобъ полезно было румяниться.

Хотитель вы сдѣлать госпожѣ привѣтствіе, которое хорошо бы принято было: скажи ей, что она пригожа и что она молода; старухи и дурнолицыя не желаютъ другихъ привѣтствій. Хвалить женщинѣ красоту, которой она не имѣетъ, увеселитъ ее больше, нежели удивляться добродѣтелямъ, каковы у нее могли бы случиться.

Добродѣтель и красота почти всегда были два врага непримиримые. Женщина, умѣющая ихъ соглашать, немалыхъ похвалъ достойна.

Красота больше переходчива, нежели оружіе; а добродѣтель еще больше, нежели красота. Выходятъ побѣдителемъ изъ сраженія, а скоро въ слѣдующемъ за нимъ бываютъ побѣждены. Женщина множество имѣетъ

имѣетъ прелестей, которыя первою болѣзнію у нее отнимаются; добродѣтель и того меньше имѣетъ постоянства: сего дня мы умны, завтра таковы не будемъ; больше скажу: теряютъ ввечеру нѣкоторую добродѣтель, которую поутру почитаютъ непоколебимою. Красавицы должны себя стеречь.

Бываютъ дни, въ которые госпожи чувствуютъ себя совершенно студеными; а бываютъ другіе, когда цѣломудріе ихъ походитъ на безсильное. Все однако возможно, любя свою должность.

Не красота въ женщинѣ дѣлаетъ то, что всего превкуснѣе, равно какъ и не дурнота дѣлаетъ то, что всего отвращеннѣе и гаже. Изрядство ума лучше всѣхъ прелестей; а нравъ странный есть величайшая непріятность.

Для чего *Нерина* убѣгаетъ отъ замужства? Она боится, чтобъ безобра-

образіе ея не лишило ее ласки и милости мужней. Я ее обнадеживаю о противномъ тому, ежели имѣетъ она умъ хорошій. Доброй человѣкъ больше чувствуетъ прелести нѣжнаго и угодливаго нрава, нежели все, что вообразитъ можно пригожства въ лицѣ и совершенства въ станѣ нѣжномъ.

Красавица, склонившаяся на увѣреніе полюбовника, начинаетъ разкаяваться въ своихъ угожденіяхъ, когда увидитъ, что принимаютъ ее насилнически. Она не на такомъ договорѣ сдавалася.

Что однихъ обязуетъ, то обыкновенно освобождаетъ другихъ. Нѣтъ никого, кажется, ктобъ не страстился къ красотѣ. Ежелибъ знакомый мнѣ мужъ имѣлъ жену, не столь пригожую, онъ большебъ ее любилъ: она не причиняла бы ему толь сильныхъ ревнивостей.

Веселіе у госпожъ состоитъ въ разговорахъ о ихъ красотахъ. Я того не осуждаю, какъ только въ тѣхъ, которыя безстыдно придаютъ себѣ то въ присутствіи дурныхъ и безобразныхъ.

Надобнобъ меня видѣть за двадцать лѣтъ, говоритъ *Климена*: меня всѣ называли тогда прекрасною. Разумѣю я, что она сказать хочетъ; не противнобъ ей было имѣть тѣжъ веселости, каковыя она вкушала въ молодыхъ своихъ лѣтахъ. Лишеніе красоты опечаливаетъ самыхъ непорочныхъ, какъ же не сокрушаться тѣмъ, которыя дѣлаютъ ее данницею своего волокитства.

Бракъ всегда бывалъ подобенъ честной торговлѣ. Дайте мнѣ приданаго пятьдесятъ тысячь рублевъ, а хотя сто рублевъ убавите, не женюсь на дочери вашей, говоритъ женихъ. Даю вамъ сорокъ и возь-

мите мою дочь, отвѣтствуетъ тесть. И такъ дѣвицы походятъ на товаръ, которой одни желаютъ съ рукъ сбыть во чтобъ то ни стало, и которой другіе себѣ берутъ съ трудными договорами. Дѣла тѣ инаковы никогда не бывали, сколько ни выхваляютъ безкорыстіе древнихъ; оно не доходило до того, чтобъ обременить себя женою безъ приданаго.

Не знаю женщинъ, наибольше себя обманывающихъ, какъ тѣ, которыя представляли себѣ бракосочетаніе прекраснѣйшимъ изъ состояній. Тутъ изъятіе имѣетъ свое мѣсто.

Юлія соглашается вытти замужъ; представляемый ей женихъ по ея ли нраву? Хотябъ онъ стократно еще больше ей былъ противенъ, она за него выдетъ. Бдѣнное надзираніе ея матери много ее безпокоитъ.

Жен-

Женщины берутъ мужа на удачу, а любовника онѣ себѣ выбираютъ.

Къ чему послужитъ столько нѣжности въ женщинѣ, которая обязуется. Мужъ, тотъ ли мужъ, другой ли, для нее все равно кажется.

Ревнивой мужъ не любитъ, чтобъ ему о женѣ его хорошо говорили: боится онъ, чтобъ въ правду не быть ревнивымъ; ежелижъ объ ней худо ему скажутъ, онъ чаетъ, что ревнивость его праведна. И такъ не говорите никогда мужу о женѣ его.

Женидьба совсѣмъ перемѣняетъ видъ любовнаго дѣла. Довольно было одной полюбовницы, а одной жены не довольно. Полюбовника одного только нѣжатъ, а мужъ только половинщикъ въ милостяхъ. О развратность временъ! о разтлѣніе нравовъ!

Мы уже не въ тѣхъ непорочныхъ вѣкахъ, когда цѣломудрая супруга полагала предѣлы желаній своихъ быть любимою своимъ супругомъ; можетъ быть въ будущихъ вѣкахъ выхвалять станутъ чистоту нынѣшняго вѣка. Причина тому вамъ извѣстна: зло со дня на день умножается.

Видимъ нынѣ столько банкрутовъ, сколько никогда не бывало. Я разумѣю банкрутовъ въ стыдѣ.

Лукреція умертвила себя, дабы не пережить лишеніе своей чести; *Порція* глотала ражженные угли, дабы слѣдовать во гробъ за своимъ мужемъ. Примѣры, по разсужденію многихъ, суть неподражаемые. Едва дивятсяль имъ, а больше и чаще имъ насмѣхаются.

Иная хвастаетъ въ замужствѣ цѣломудріемъ, котораго прежде она не имѣла; другая по самомъ строжайшемъ наблюденіи дѣвическа-

скаго стыда мнитъ, что таинство брака даетъ ей право отстать отъ всѣхъ сомнительствъ. Которая изъ нихъ правѣе? Я не думавъ оправдаю первую. Бывшія погрѣшенія простительны, настоящія суть злѣйшія.

Я знаю нѣкоторыхъ женщинъ, коихъ число правда не велико, которыя придаютъ мнѣ охоту къ женидьбѣ: ихъ разумныя обхожденія, искренность ихъ угожденій, порядочное вниманіе къ домашнимъ попеченіямъ, все то пріятно безмѣрно. Знаюжъ тысячу другихъ, которыя заставляютъ любить состояніе холостаго человѣка: наскучитъ ихъ самонравіе, онѣ безумную имѣютъ склонность къ разточенію, ненавистное презираніе къ мужьямъ своимъ. Правду сказать, не хотѣлъ бы я быть ихъ мужемъ.

Молодая женщина предается вЪ волокитство, старуха отЪ того не отстаетЪ. Которую изЪ двухЪ вы возьмете? Та не захочетЪ твоихЪ ласковостей, а ласковости сей будутЪ для тебя гадки; первая сдѣлаетЪ тебя ревнивымЪ, другая станетЪ подозрѣвать твои поступки; одна пріищетЪ себѣ друзей, которые будутЪ тебя безпокоить, другая не терпитЪ, чтобЪ ты обходился сЪ своими. ВотЪ выборЪ трудный, надобно вЪ томЪ признаться!

Жена богатая поправляетЪ дѣла цѣлаго дома, жена умная всегда имѣетЪ гостей, жена высокородная дѣлаетЪ честь фамиліи. Великія пользы, которыя не стоятЪ пользы быть отЪ ней избавлену.

Женщины всѣ, сказываютЪ, любятЪ деньги; я спорю, что то самая клевета. Находятся вЪ нихЪ, которыя безЪ платежа отдаются пригожему человѣку. Развѣ скажутЪ,

жутъ, что все есть золото въ глазахъ любовницы, которой нравятся.

Всякая женщина, о должности своей усердствующая, отстанетъ отъ общества волокитокъ: съ ними пріобыкаютъ искусству любить законопреступно, научаются разводиться ко времени съ мужемъ безпокойнымъ; ибо хвалятся онѣ такими любовными забавами.

Не станъ мужа долженъ утвердить любовь женнину, да еще и не нравъ тотъ веселый, угожденіе, красоты ума, по которымъ должна она умѣривать страсть свою, а единственно по своей должности. Я не довѣряю цѣломудрію тому, которое поддерживается только совершенствами обожаемаго человѣка. Любовь изчезаетъ въ тотъ часъ, какъ тѣ пользы, или совершенства, невидимы будутъ.

Спѣси и холодности я меньше всего боюся въ женщинѣ, а опасаюся я больше насильности ея любви, нежели всего прочаго.

Не во многихъ женщинахъ спѣсь бываетъ искренняя, почти во всѣхъ добродѣтель та только для благопристойности. До пріобрѣтенія оной надобно было боротъся пресильно со нравомъ очень слабымъ.

Спѣсь, которая только для благообразія, угрожаетъ паденіемъ на всякой часъ.

Красавицы имѣютъ кротость осторожную, стыдливость упрямствующую; но не надобно отчаяваться, онѣ помаленьку ободрятся; ихъ боязливая добродѣтель не ожидаетъ для своей сдачи, какъ только славу многихъ приступовъ.

Спѣсь хорошоль пристаетъ къ госпожамъ? Безъ сомнѣнія, толькобъ она себя не измѣняла.

Спѣсь не дѣлаетъ женщину презрительною, какъ скоро она ее употребитъ оберегательницею своей стыдливости.

Для узнанія золота надобно его отдать на пробу. Не совѣтую я много пробовать женщину, развѣ хотите вы имѣть пробы ея слабости. Въ томъ мы ихъ не презираемъ; мы сами не больше ихъ силы имѣемъ.

Нѣжное дѣлается соединеніе между двумя особами, любовь ихъ пылаетъ, мало помалу холодность наступаетъ за первою тою горячестію. Обвинятъ ли въ томъ любовника? осудятъ ли любовницу? Ежелибъ красавица та не дѣлала или очень много, или очень мало, для того любовника, котораго ея милости удалили, или ея холодности смутили, страсть его была бы всегда равна. Рѣшитежъ причину, которую вамъ я предлагаю.

 Же-

Жеманная умница тожъ есть, что между нами ханжа, лицемѣръ.

Амаранта не жалуетъ, чтобъ въ полномъ собраніи вольность себѣ давали; она заспѣсивится и ободрится строго, для того, говоритъ она, что всему есть время.

Жеманная умница мѣтитъ въ тонкость; она только нѣсколько позже сдается и дѣлаетъ то съ большею безопасностію, нежели та, которая сама на шею бросается.

Не вѣрю я *Олимпѣ* съ лицемъ ея Вестальскимъ. Такія стыдливости неприступныя самымъ добрымъ людямъ, и кои мнѣ подозрительны съ того времени, какъ я свѣдалъ исторію *Антіопы*, которая отказала Юпитеру въ его величествѣ, что онъ получилъ превращенный въ сатира. Мы много видали, какъ жеманныя умницы сперва спорили, потомъ сдавалися любовнику безъ достоинства.

Духъ прекословія, которымъ обвиняютъ женщинъ, паче всего оказывается въ ихъ обычаѣ любить: онѣ обожаютъ того, кто объ нихъ мало думаетъ; онѣ презираютъ того, кто ихъ обожаетъ. Рѣдко склонности другимъ путемъ ходятъ.

Четыре уже года, какъ вы пылаете любовію къ *Емиліи*. Вы жалуетеся на холодности, остается одно для васъ средство одолѣть ихъ: покажите ей, повѣрьте мнѣ, что вы перестали объ ней мыслить.

Человѣкъ пригожій не отъ всѣхъ госпожъ равно хорошо принимается, онъ только тѣмъ нравится, которыя его пригожѣе; прочимъ же, которыхъ пригожство онъ помрачаетъ, присутствіе его несносно.

Достоинство ли производитъ у женщинъ мущину? Конечно такъ; но

но есть достоинство да и достоинство.

У Трапила нѣтъ ни денегъ, ни умѣнья жить; онъ какъ скотина грубъ; красотки, не смотря на то, за нимъ гоняются. О вкусѣ не льзя спорить.

Кризантъ любезенъ, поетъ пріятно, всегда уменъ, впрочемъ во всемъ нѣженъ; опредѣляютъ его къ разговорамъ.

Присталоль мѣщанкѣ показывать себя ученою, толковать тонко о языкѣ, или не разговаривать, какъ о романахъ? Благородной женщинѣ то прощается, а посадской совсѣмъ вопреки тому.

Смиреніе и простота суть такія добродѣтели, которыя честь дѣлаютъ простымъ женщинамъ. Онѣ равномѣрную честь дѣлалибъ женамъ высокаго чина; но по нещастію волокитство имъ предписываетъ иные манеры для отличности своей.

Во-

Воображеніе у женщинъ, говорятъ, очень нѣжно; все въ нихъ согласно съ тою нѣжностію; онѣ ее имѣютъ въ своихъ манерахъ. Наши неуподобительны съ ними въ рѣчахъ ихъ, надобенъ только примѣръ особъ придворныхъ къ узнанію пользы отъ частаго съ ними обхожденія; въ чувствованіяхъ онѣ прислащиваютъ (почти лучше не возможно) какое нибудь мщеніе, или тонко соглашаютъ какую нибудь связь. Доказать все то для меня трудно.

Скажемъ ко стыду нашему, что женщины имѣютъ постоянства больше нашего, когда онѣ любятъ; а когда не любятъ, умѣютъ онѣ притворствовать лучше, нежели всего свѣта Тиверіи.

Притворство въ мущинѣ притворство и есть; а въ женщинѣ оно называется плутовство.

Кто не умѣетъ притворствовать, не умѣетъ тотъ и государствовать. Правило сіе служитъ столькожъ женщинамъ, сколько и Королямъ. *Эрастъ* давно уже мило глядитъ на *Іунію*, которая смотрѣла въ немъ только на то, что онъ Маркизъ. Онъ вѣрилъ всегда, что она его любитъ; нынѣ только изъ того мнѣнія она его вывела, тѣмъ для него хуже. Какая была нужда ей въ довѣренности сказать, что все его имѣніе описано?

Скромность не бываетъ, какъ увѣряютъ, добродѣтель, любимая у госпожъ, а я противные тому имѣю примѣры: *Карита* ищетъ себѣ жениха въ замужство, не ходитъ она разсказывать, что два года она волочилася скрытно.

Встрѣчаетеся вы съ *Лукіею*, которая спѣшитъ перервать ваше ей привѣтствіе. Удивяся видѣть ее такъ рано по улицамъ, вы спраши-

шиваете тому причины голосомъ сомнительнымъ. Она вамъ отвѣчаетъ, что идетъ въ церковъ. Обязаналь она вамъ сказать, что бѣжитъ на срокъ къ тому, кому дала слово.

Гликерія, о которой уже пятнатцать лѣтъ громко говорятъ въ собраніяхъ женскихъ по нынѣ, вздумала ли она открыть тайну лѣтъ своихъ? Я не могу инако назвать то, что она скрываетъ темно.

Любовь странныя дѣлаетъ превращенія: спѣсивая становится человѣколюбивѣе, набожная отдаляетъ свои сомнительства, жеманная умница укрываетъ только являемое, дикая не дика наединѣ, равнодушная такова только на время, блядивая одна только не можетъ перемѣниться.

Іустина имѣетъ свои причины не заботиться, чтобъ ее любили,

лишь

лишь бы только съ нею дѣлали все то, чего должность требуетъ отъ человѣка, подлинно влюбленнаго. Я жалѣлъ бы, ежели разумѣлибъ иное что кромѣ учтивостей, почитательныхъ поступковъ, обыкновенныхъ упрежденій.

Шесть лѣтъ *Дорантъ* услуживаетъ *Белизѣ*; любовь его наконецъ награждена. Вы чаете, что она ему дала послѣднія милости. Вотъ въ чемъ вы ошибаетеся; она дорого ему ихъ продала.

Сабина отреклася быть Королевою на балѣ; она лучше любитъ вольность простыхъ масокъ, нежели принужденіе такой чести. Она, правда, получила бы множество ласковостей и любовныхъ объявленій; да точно то ей и не нравится: она смертельно ненавидитъ великихъ говоруновъ. Женщины не любятъ тѣхъ, которые тотъ порокъ имѣютъ.

Набо-

Набожность есть дѣло доброе, набожная таковою не почитается; не достаетъ къ тому всего.

Страстная любовница больше великодушна, нежели самый щедрый любовникъ: она милостьми своими жалуетъ даромъ. Любовникъ раззорилъ бы себя, когдабъ все заслуживать хотѣлъ. Сколько съ одной стороны сбережено денегъ! съ другой коликое безкорыстіе!

Честной человѣкъ никогда не употребитъ во зло полученныя отъ госпожи милости, любовь въ немъ дастъ мѣсто почтенію, а презрѣніе никакого не будетъ имѣть участія въ его холодности.

Вольность есть такое добро, котораго мы пожалѣли бы лишиться. Люди ненавидятъ боязни, а особливо отъ женщинъ. Онѣ удивительно подкрѣпляютъ мнѣніе свободныя въ человѣкѣ воли.

Аргира ни единаго дня не пропускаетъ, чтобъ не быть въ веселой бесѣдѣ. Она домой пріѣжжаетъ въ разные часы ночи; мужъ ея ни слова о томъ не говоритъ. Я хвалю его; давно уже онъ жаловался, но всегда напрасно; наконецъ сдѣлалось изъ того затвержденіе, какъ на ранѣ струпъ, а онъ отъ того живетъ больше доволенъ.

Когда вижу женщину умную, прельщаетъ она меня; желалъ бы я имѣть ее любовницею, а женою своею, по чести божуся, я ее не хотѣлъ бы. Домъ мой сдѣлался бы прибѣжищемъ педантства.

Мелинда изъ такихъ особъ, которыя составляютъ лучшихъ людей: умъ ея никогда не истощевается, она имѣетъ нравъ безъ чиновныхъ затѣй, разговоры весьма забавные, говоритъ обо всемъ и говоритъ съ природы хорошо.

дозволяется объявлять свой вкусъ: *Мелинда* была бы мнѣ на статъ.

Фронтина имѣетъ талантъ только первыхъ визитъ, да и тутъ иногда такъ забывается, что перерождается то въ сумозбродство. Подверженная загрустится скоропостижною меланхоліею, удивляется, что она переходитъ изъ великой веселости въ печаль мрачную, почувствовавъ наипаче какъ ударъ въ головѣ, какъ скоро головной ея уборъ попортится. *Фронтина* не одна нравъ такой имѣетъ.

Чистота у госпожи меня восхищаетъ; но не люблю я церемоніяльной той чистоты, которая причиняетъ безпокойство.

Одѣться сего дня нарядно, быть потомъ недѣлю безъ всякаго убранства, худа та привычка. Чистота должна быть добродѣтель повсядневная.

Одѣваться чисто и благопристойно дѣлаетъ честь всякаго рода особамъ. Пригожія пользу отъ того получаютъ, дурныя поправляютъ надмѣру великое безобразіе.

Многіе мужья дѣлаютъ иждивеніе на платье супругъ своихъ, не пользуяся ихъ чистотою. Волокитка одѣваяся угождаетъ вкусу своихъ любовниковъ, и не убирается, какъ для нихъ; а супругъ видитъ жену свою страшною неряхою.

Малое нѣчто насъ привязываетъ, малое нѣчто насъ разлучаетъ. Собачка, птичка, попугай, вотъ что опредѣляетъ любовь большей части женщинъ!

Женщины не имѣютъ, какъ страсти прекрайнія. Любовь у нихъ, какъ ярость, нелюбленіе перемѣняется въ ненависть, ревность перерождается въ бѣшенство.

Любо-

Любопытство есть слабость женщин. Не вижу я, чтоб оно и нам меньше принадлежало. Женщины хотят все знать для пересказыванія, мы хотим все вѣдать, дабы то повторять. Одно за одно, нечего нам себѣ выговаривать.

Мущины гнушаются женщиною, которую они очень много знают; женщины оказывают холодность к мущинѣ, котораго онѣ не довольно знают.

Не дивитеся тому, что дурная бывает ревнивѣе пригожей. Сколько небреженіе твое смущает одну, столько любовь твоя сію безпокоит. Пригожая не боится тебя упустить, дурная опасается, чтоб ею не пренебрегли. Ежели вы отстанете от той, скоро возвратитеся к нѣжно вами любимой; ежели другая станет вам не мила, возврату уже нѣт. Из

трехъ сихъ причинъ выбирайте лучшую.

Цѣломудренное многихъ женщинъ поведеніе составляетъ ихъ похвалу. Онѣ никакого не имѣютъ участія въ томъ, что я говорилъ противъ тѣхъ, которыя на нихъ не походятъ.

10.

Умъ и наука.

Увѣряютъ, что Кратесъ отдалъ свои деньги въ руки одного банкира, прося его отдать ихъ его дѣтямъ, ежели они будутъ неумны, или раздать ихъ неимущимъ, ежели они будутъ Философы. Умъ служитъ вмѣсто всего. Кто его имѣетъ, не брежитъ о фортунѣ и мало заботится ходить къ вельможамъ на поклоны.

Я за худо не поставляю, чтобъ было нѣсколько людей очень богатыхъ.

тыхъ. Безъ такого въ имѣніяхъ изобилія большая часть съ голоду умиралибъ за недостаткомъ ума и талантовъ.

Умные люди всегда надежны на себя. Ихъ хитрые вымыслы замѣняютъ недостатокъ имѣнія.

Глупецъ когда сдѣлается нещастенъ, онъ сугубо нещастливъ: онъ имѣетъ свое нещастіе и не имѣетъ надежды никакой.

Имѣніе сильно приводитъ въ непотребство. Сколько такихъ мотовъ, которые не былибъ мотами, ежелибъ имѣли только двѣсти рублевъ доходу! сколько лѣнтяевъ моглибъ разпложать свой умъ, которой отъ веселостей слабѣетъ!

Ты былъ бы человѣкъ доброй, говорилъ мнѣ однажды въ сердцахъ отецъ мой, ежелибъ я тебѣ ничего не оставилъ.

Хотябъ умъ можно было покупать, продажа та не великабъ

была. Кто не вѣритъ, что ума у него предовольно?

Самые умные люди подвержены дѣлать тяжкіе проступки. *Кимонъ* для спокойствія своего вознамѣрился жить холостымъ, и долго такъ жилъ весьма пріятно и спокойно. Достигши до семидесяти лѣтъ, женился онъ на дѣвушкѣ осьмнатцатилѣтней. Его наука, его достоинство, его искусство въ свѣтѣ кажется до того его не доводили.

Дѣло очень обыкновенное имѣть много ума безъ великой науки. Никогда не бываетъ, чтобъ имѣть много науки безъ великаго ума.

Въ нашемъ вѣку не чаютъ быть обязанными почитать человѣка по пространству его ума. Никто не хочетъ принять труда къ измѣриванію своего знанія; ежели не имѣетъ онъ таланта въ томъ проводить, остается неизвѣстенъ.

Умъ

Умъ только того стоитъ, каковъ онъ является. Сдѣлайте привѣтствіе кстати, имѣйте въ повелѣніи нѣсколько хорошихъ словъ, уступите въ разговорѣ мѣсто красивымъ повѣстямъ, наполните концы съ риѳмами, отважте мадригалъ, пѣсенки двѣ три, вамъ будутъ больше удивляться, нежели Геометру, Философу, Богослову. Таковъ вкусъ людской!

Не говорилибъ съ толикою холодностію о достоинствѣ *Доримона*, ежелибъ не было надобно отгадать, что онъ уменъ.

Умъ твердый нелегко переходитъ изъ одной крайности въ другую. Ежели онъ перемѣняется, тогда разумъ только къ тому его склоненъ.

Человѣкъ умной находится въ неволѣ съ такимъ, у кого ума недостаточно. Ежели станетъ онъ говорить замысловато, не будутъ

его разумѣть; ежели похочетъ поравняться съ такимъ невѣждою, сомнѣваюся, чтобъ могъ онъ себя до него унизить.

Люди прилѣжатъ обучаться такимъ вещамъ, которыхъ бы вѣчно знать не надлежало; а самые ученые люди многихъ такихъ вещей не вѣдаютъ, которыя наименьше ученымъ извѣстны.

Хвалятъ чудную память одного Француза, которой умѣетъ до двадцати языковъ. Увѣрятъ ли меня, что онъ хотя только свой собственной разумѣетъ?

Какъ скоро узналъ бы я совершенно свой языкъ, и ежели имѣлъ бы свободное время, употребилъ бы оное на обученіе какого нибудь другаго. Ничего я не отваживаю, такъ говоря: жизнь человѣка смертнаго довольна ли къ изученію чего нибудь такъ, какъ надлежитъ?

Теокринъ, принятый Баккалавромъ дни четыре тому назадъ, намѣренъ учиться Греческому и Еврейскому языкамъ, дабы лучше уразумѣть подлинной текстъ Писанія Святаго. Уповаетъ ли онъ быть искуснѣе учителей, его предварившихъ? Пользуйся онъ ихъ просвѣщеніями, онъ объяснитъ въ нѣсколько годовъ то, что шестнатцати вѣковъ изысканія едва разобрали.

Ежелибъ въ употребленіи было во Франціи говорить по Гречески, по Германски, по Испански, имѣлъ бы я честолюбіе съ поспѣшностію научиться тѣмъ языкамъ. Повсюду разумѣютъ языкъ Французскій; имъ говорятъ, имъ пишутъ; къ чему же нужны другіе?

Понадобится вамъ сочинить панегирикъ, назначатъ васъ говорить слово надгробное въ собраніи людей краснорѣчивыхъ, гдѣ

не изъясняются какъ по Латынѣ, какъ вамъ вытти изъ такой трудности, ежели вы не знаете того языка совершенно? Прекрасное возраженіе, которое вы сами себѣ дѣлаете, могъ бы вамъ отвѣчать *Арсеній*! Развѣ учители, ректоры, не приходятъ тогда на помощь намъ?

Невѣжество многихъ, которые съ однимъ только талантомъ щастливой памяти хотятъ предъ собраніями говорить, присокупляетъ ихъ очень кстати къ нѣкоторымъ ученымъ бѣднякамъ.

Наука имѣетъ свои предѣлы, не всеобщее невѣжество. Ученые также могутъ имѣть правыя мысли.

Имѣть столько разныхъ знаній тожъ есть, какъ бы не умѣть ничего. Умопонятія такъ смѣшиваются, что ежели кто не имѣетъ искусства ихъ разбирать, тому ве-

великое и многое знанiе больше вредитъ, нежели дѣлаетъ чести.

Мондоръ имѣлъ десять тысячь рублевъ доходу, онъ самъ раззорился и прiятелей своихъ раззорилъ. Не обвиняютъ его ни волокитствомъ, ни мотовствомъ. Въ какую же игру потерялъ такое великое наслѣдство? Ему захотѣлося быть Химикомъ, и довелъ себя тѣмъ до нищеты.

Ученые больше ищутъ удовлетворять своему самолюбiю, нежели научаться своимъ должностямъ. Философъ старается открывать тайны природы, вмѣсто обученiя движенiя своего сердца. Юристъ посвящаетъ множество бдѣнiй изучить правила правосудiя, а рѣдко оныхъ употребленiя. Богословъ не столько мыслитъ пользоваться благодатiю, какъ разпознавать разныя ея дѣйства. Къ тому ли должныбъ мы употреблять науку?

Древ-

Древніе Философы говорили больше о естествѣ боговъ, нежели о естествѣ вещей; нынѣшніе оставляютъ Богословамъ попеченіе говорить о Богѣ, а прилѣжатъ единственно о откровеніи началъ естественныхъ. Лучше ли они отъ того?

Человѣкъ, недовѣряющій своимъ просвѣщеніямъ, ближе находится къ истиннѣ, нежели ученый горделивецъ, которой мнитъ, что разумъ его непогрѣшителенъ. Тотъ боится себя обмануть, и сбудется, что онъ себя не обманываетъ; сей уже себя обманулъ несоглашеніемъ своимъ о неподлинности его знаній.

Ученымъ только принадлежитъ не утомлятся ученіемъ. Чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ большее имѣютъ честолюбіе, чтобъ ничто отъ знанія ихъ не избѣгло. Кто не признаваетъ, какой цѣны

естъ

естъ наука, тотъ бѣжитъ отъ труда. Искусный Маѳематикъ всегда бываетъ въ фигурахъ, невѣжда заблуждается съ предмета на предметъ и довольствуется только прикасаться до трудныхъ вещей.

Добрый музыкантъ сочиняетъ безъ отдохновенія, худой доволенъ нѣсколькими только кадансами, которые по привычкѣ ему нетрудны.

Тонкой Философъ выкапываетъ самыя трудности, полуученый слегка только до нихъ прикасается.

Наукамъ не обучаются вдругъ. Долгимъ ученіямъ, многотруднымъ бдѣніямъ, успѣхъ предоставляется.

Всѣ изрядныя художества имѣютъ нѣчто такое трудное, которое не дается чувствовать, какъ знатокамъ и какъ тѣмъ, кои, такъ сказать, видятъ ихъ въ близости. Посредственно искусные смотрятъ на нихъ издали, ласкаютъ

себя

себя до нихъ дойти безъ труда. Уподобимъ первыхъ путешественникамъ, которые чѣмъ больше приближаются къ горѣ, тѣмъ больше находятъ ея крутизну; другихъ тѣмъ же путешественникамъ, которые чѣмъ отдаленнѣе отъ нее были, тѣмъ меньше крутою ее чаяли.

Тому уже, сказываете вы, тритцать лѣтъ, какъ *Филантъ* прилѣжитъ ко чтенію древнихъ Философовъ; а нынѣ только сталъ сражаться съ *Пирронисмомъ*. Отъ чего такъ, спрошу я васъ, многіе ему не спорили? Отъ того, что не имѣли они просвѣщеній Филантовыхъ. Чѣмъ больше роютъ, тѣмъ больше открываютъ трудности въ противляющемся мнѣнію защищаемому. Ежелибъ *Филантъ* прилѣжалъ къ чтенію только двадцать лѣтъ, былъ бы онъ еще Пирронистомъ.

Просили *Сократа* сказать, мнитъ ли онъ, что нѣкоторой Государь былъ щастливъ, видя себя окруженна величіемъ и славою? Прежде отвѣта онъ спросилъ: *какую науку и какую добродѣтель имѣлъ тотъ Государь?*

Тысячекратно намъ говорено, что благополучіе не привязано къ великимъ санамъ. Какъ могу я почитать такого Принца, которой не имѣетъ ни науки, ни добродѣтели? Самъ онъ повѣритъ ли себѣ, что щастливъ, ежели находится въ невѣдѣніи хорошаго и внѣ добраго?

Наука, доставляющая щастіе Философское, чрезъ то нужна вельможамъ больше, нежели чаютъ: она славна въ Принцахъ щастливыхъ; она въ состояніи утѣшать печаль самыхъ нещастныхъ. Наука даетъ законы кротости въ высокомъ благополучіи и предѣлы

поставляетъ отчаянію при напастяхъ продолжительныхъ.

Вельможа знающій находитъ больше веселія читать книги *Сенекины*, нежели насыщать глаза и уши очарованіемъ симфоніи, восхищающія въ прекрасномъ позорищѣ.

Аристархъ, противникъ желаніямъ отца своего, которой хотѣлъ сдѣлать его добрымъ банкиромъ, слѣдовалъ своей склонности къ наукамъ. Худой выборъ, вскричала вся родня его! Блѣднѣютъ, сидя надъ книгами, впадаютъ въ болѣзнь отъ непрестаннаго писанія, умираютъ въ цвѣтѣ младости. Тѣмъ лучше для меня, отвѣтствовалъ бы я, ежелибъ былъ я *Аристархъ*; по меньшей мѣрѣ я пожилъ бы. . .

11.

Творцы [авторы].

Уже не внемлютъ ложной сутпильности автора, которой отдаетъ себя въ печать, сказывая, что дѣлаетъ то повинуяся. Прiятель не станетъ безъ согласiя нашего тратить деньги за печатанiе, ни отдавать насъ противъ воли нашей на ценсуру.

Белусъ обязуетъ насъ себя благодарить за неизбѣжимыя причины, которыя онъ имѣетъ къ изданiю сатиръ своихъ. Походитъ на тиранство, чтобъ заставлять зависѣть правосудiе читателей отъ одобренiя, котораго онъ не заслужилъ.

Менаякъ, любуяся собою, намѣряется обогатить библiотеки однимъ томомъ своего труда. Онъ пишетъ, не посовѣтовавъ ни съ кѣмъ изъ друзей своихъ; одинъ и благосклонный судiя своихъ со-

чиненій, относитЪ онЪ ихЪ кЪ извѢстному книгопродавцу. Титло книги блистательно, нѢсколько мѢстЪ вЪ ней хороши, торгуютЪ наконецЪ у него рукописное его сочиненіе, онЪ соглашается взять то, что даютЪ, и будучи неизреченно тѢмЪ доволенЪ, помышляетЪ уже онЪ о второмЪ и третьемЪ томѢ. Первой вЪ рукахЪ у опредѢленнаго ценсора, который, какЪ пріобыклый одобривать дурныя книги, толькобЪ не касалися онѢ чѢмЪ нибудь до общества народнаго, отдаетЪ свое свидѢтельство. КнигопродавецЪ начинаетЪ, но уже поздно, разсуждать о своихЪ вЪ договорѢ условіяхЪ. Предвидя, что изЪ двухЪ тысячь экземпляровЪ, которые обязался онЪ отпечатать, не будетЪ можетЪ быть вЪ продажѢ пятидесяти, отрицается больше печатать, за лучше почитая потерять и привиле-

легію и деньги свои, нежели отваживаться на большіе убытки. *Меналкъ* не долженъ ли все уплатить? Не надобно очень тонкимъ быть казуистомъ для такого рѣшенія.

Всякой авторъ имѣетъ своихъ заступниковъ и своихъ непріятелей. Отъ силы однихъ и зависти другихъ зависитъ жребій книги. Новыя изданія, хорошія, или худыя, ни всемирно осуждаются, ни общественно похваляются. Теперь я сказалъ тому причину.

Участь автора, которой худо началъ, есть такова, что худо онъ и окончитъ. Нѣкто сочинилъ предисловіе очень дурное, онъ и заключеніе своему сочиненію сдѣлалъ прегадкое.

Каписъ сочинилъ книгу толстую, я хотѣлъ сказать довольно хорошую; предисловію въ ней удивляюся. Я жалѣю, что не его оно сочиненія.

Недавно спрашивали меня, что я нахожу хорошаго въ сочиненіяхъ *Сострисa*? Я отвѣтствовалъ, что онъ имѣлъ желаніе хорошо сдѣлать.

Иногда предисловіе очень коротко, и тѣмъ совсѣмъ ненужно; иногда очень длинно, и оно скучаетъ. Эпистолія подносимая только возбуждаетъ зависть у сочинителей панегириковъ. Оглавленіе больше мѣшаетъ, нежели объясняетъ. Оставя тѣ три вещи, убавляютъ себѣ труда, а книга не меньше отъ того почитается.

Предисловіе для тебя есть камень претыканія, говорилъ я свободно одному изъ моихъ пріятелей, человѣку ученому. Сдѣлай книгу, въ которой не былобъ ни оглавленія, ни предисловія, ни эпистоліи подносительной, вы надежны будете угодить множеству такихъ людей, которые жалуются, что тѣ три пункта составля-

ляютъ половину книги. Онъ воспользовался моимъ совѣтомъ и припомнилъ, что примѣръ Л... къ тому его уполномочиваетъ.

Титло книги должно много обѣщать, а книга сама должна еще больше того давать.

Сколько кратъ раскаявался я въ жизни своей, что покупалъ книги, вѣря только титлу великолѣпному! дай Богъ, чтобъ моя не заставляла также раскаяваться!

Хорошоль дѣлаютъ, что имя свое ставятъ въ книгѣ? Хорошо, ежели имѣютъ уже признаніе между людьми умными, а безъ того нѣтъ; *Ксантипа* однако поставила свое крупными буквами въ заглавіи своихъ сочиненій. Сдѣлалаль она то въ первомъ своемъ сочиненіи? Кротость, равно какъ другія вещи, имѣетъ свои предѣлы. Ежели разсудите, что за то

хвалить ее не можно, пользуйтеся ея проступкомъ.

Пятое изданіе мнѣ ручается въ успѣхѣ книги, осьмое мнѣ уже порука вѣрная, что не сочинялося лучшей.

Есть такіе авторы, у которыхъ доброе и худое такъ перемѣшаны, что и чтецы замѣшиваются и ежечасно съ ними мирятся; такъ велитъ нужда.

Сочиненія нѣкоторыхъ изъ писателей нашихъ носятъ на себѣ знакъ легкомыслія, привязаннаго къ своему народу: иногда они подкрѣпляютъ такое мнѣніе, которому скоро потомъ противоборствуютъ. Ихъ сужденіе не утверждается.

Хорошо писать и хорошо говорить суть два таланта, столь много разнствующіе, что трудно ихъ находить въ одной особѣ. Въ разговорѣ предъявляютъ все, что представляется уму, не дѣлая вы-

бо-

бору въ своихъ мысляхъ. Человѣкъ въ кабинетѣ дѣлается исправнѣе: онъ недовѣряетъ плодовитости своего воображенія и чаетъ, что мысли для полученія нѣкоторой цѣны должны также и ему чего нибудь стоить.

Сочиненіе Христіянское должно содержать въ себѣ чистоту Христіянства, которая не должна изгоняема быть и изъ свѣтскаго сочиненія. Пусть въ первомъ видятъ, что авторъ не хотѣлъ говорить, какъ о Богѣ и его таинствахъ; пусть во второмъ признаютъ, что умѣетъ онъ дѣлать святое употребленіе изъ всего, и что не трудился онъ по добрымъ побужденіямъ.

Мы имѣемъ нравоучительныя книги, толь прекрасныя, толь благородно писанныя, что не оставляютъ онѣ желать, какъ обращенія читающихъ.

Малитъ, писавъ о вѣрѣ, оставилъ все дописывать тѣмъ, которые о той же матеріи пишутъ. На что выходитъ онъ изъ своего таланта? онъ могъ бы намъ дать преизрядную Физическую книгу. Богословія не нелучшее его искусство.

Я почитаю романы, хорошо писанные. Читалъ я нѣкоторые съ веселіемъ, не значитъ то, чтобъ мнѣ хотѣлося быть ихъ сочинителемъ.

Сочинитель романовъ, стихотворецъ критической, творецъ книги опасныя, тотчасъ о себѣ объявляютъ листами, прибитыми по мѣстамъ, наибольше въ городѣ примѣтнымъ. Почитаютъ ихъ умъ, пріемлютъ ихъ сочиненія. Случилося Н. . . . однажды въ вѣкъ писать, не было то ни любовная исторія, ни кусающая сатира; никто книги его не покупаетъ, никто

кто труда принять не хочетъ ее прочитать; потому что изданіе его Христіянское.

Погрѣшилибъ нарекать нѣкоторыхъ нынѣшняго времени, что ничего нѣтъ новаго въ ихъ изданіяхъ. Многіе, число ихъ не велико, сами себѣ одолжены за то, что они написали.

Общество не удивляется такому автору, которой не показываетъ ему ничего новаго; вы тому виноваты. Отставь намѣреніе сочинять книгу, ежели вы не умѣете придавать вашимъ мыслямъ красоту новости.

Немногіе умѣютъ пользоваться просвѣщеніями древности, надобно разпознавать вкусъ своего вѣка. Какъ скоро авторъ въ голову себѣ взялъ только копировать, отваживается онъ заблудиться, и неминуемо выступитъ изъ пути, къ одобренію ведущаго.

То, что называютъ подражаніемъ въ разсужденіи умныхъ сочиненій, обыкновенно бываетъ только кража, хорошо переодѣтая. Честное мошенничество!

Славный то подвигъ, чтобъ предлагать себѣ великихъ мужей въ образецъ. Хотябъ до нихъ и не достигали, или слѣдовалибъ за ними только издали, довольно того, чтобъ поступать по слѣдамъ ихъ, дабы труды были несуетны.

Кто впредь дѣлать станетъ трагедіи, тотъ не почтетъ себѣ за безчестіе, чтобъ называли его *маленькіе Корнельи*, *Демаресы*, *Коласы*, *маленькіе Люли* Б. Р. *маленькіе Боала де Прео*.

Ла Брюеръ не мнилъ себя обезчещеннымъ, что называли его *маленькимъ Ѳеофрастомъ*. Я очень былъ бы обрадованъ, чтобъ меня называли *маленькимъ ла Брюеромъ*.

Выговаривать новѣйшимъ творцамъ, что они ни столь тонки, ни столь возвышенны, какъ древніе, показывалобъ любовь неправильную къ древности. Говоря безпристрастно, найдется, что новѣйшіе слѣдуютъ за ними весьма близко.

Мы должны имѣть почтеніе къ тѣмъ, которые толь изрядныя учинили откровенія въ наукахъ; но оно не должно насъ ослѣплять въ достоинствѣ тѣхъ, которые пользовалися ихъ наставленіями, да еще и превзошли ихъ знанія. Может сіе сказано быть въ похвалу того вѣка, въ которомъ явилося столько ученыхъ людей, что можно сомнѣваться, было ли ихъ больше въ вѣкѣ *Августовомъ*. Идолопоклонствующіе древности осудятъ меня, что я такъ говорю. По *Цицеронѣ*, *Виргиліѣ*, *Горацiѣ*, они никого не почитаютъ.

Пере-

Перестали бы и ихъ почитать, ежелибъ имѣли они нещастіе переродиться въ сихъ послѣднихъ временахъ; для того что рѣшили противиться вкусу новѣйшихъ.

Въ разсужденіи краснорѣчія находятся вещи, которыя требуютъ сочиняемы быть величественно; другія, въ которыхъ простота слога дѣлаетъ величественную благопристойность. Не имѣйте честолюбія возноситься выше того, что пишете.

Цѣлая куча фигуръ риторическихъ, смѣшеніе украшеній, разсыпаемыхъ въ новыхъ сочиненіяхъ, показываетъ, что краснорѣчіе языческое придается къ пышности; что любитъ оно великолѣпіе. Краснорѣчіе Христіянское больше смиренно, больше просто, больше естественно.

Много показывать ума въ какомъ либо сочиненіи есть нѣкакой

кой родъ порока. Я тотъ только нахожу въ *С. Епремонтѣ.* Не притворяйся больше *Муціи* блистать повсюду; вниманіе читателево утомляется многочисленными мыслями. Не неприлично дать ему и отдохнуть.

Къ чему служитъ столько напрягаться въ израженіяхъ, столько унаравливаться въ своихъ фразесахъ? Авторъ долженъ быть понятенъ для всѣхъ.

Я бѣшуся, простите сіе слово моей досадѣ, когда, читая новую книгу, надобно мнѣ на всякъ часъ справливаться съ словарями *Фюритіера*, или *Ришелета.* Авторы нынѣшніе стараются нарочно употреблять слова рѣдкія, чрезвычайныя, невѣдомыя. Да надежноль еще пріискать имъ и толкованіе? а они по большой части выходятъ изъ ихъ духа. Для чегожъ не ставятъ на полѣ растолкованія для облег-

облегченія суетно затруждаемаго ума читателей.

Писавшіе въ началѣ сего вѣка сами себя почти уже не разумѣютъ: ихъ слова застарѣли. Нынѣшніе писатели немного лучше того себя разумѣютъ: ихъ слова не довольно еще утвердилися.

Арпины, *Флорисы* кричатъ: грабятъ, рѣжутъ! Они жалуются, что ихъ окрадываютъ, раззоряютъ, будто они такіе люди, у которыхъ возможно что украсть. Я себя не ласкаю, чтобъ и я избавленъ былъ отъ ихъ жалобъ. Хотябъ нѣсколько они противъ меня заупрямилися, попрошу ихъ сказать мнѣ, кто они таковы, дабы поставить ихъ на то мѣсто, которое я самъ себѣ опредѣлялъ. Моrулъ лучшее условіе имъ предложить?

Неучтиво былобъ отвергать, какъ недостойна къ сочиненіямъ,

человѣка военнаго, или человѣка свѣтскаго. Наилучшія наши и нравоучительныя книги получили мы отъ первыхъ Министровъ, самыхъ пресвѣтлѣйшихъ Государей. Не стыдно ли премногимъ особамъ, которыхъ ученіе довольствуется быть непроницаемымъ? Не таинство вѣры трудятся они намъ открывать, ихъ хитрость состоитъ затмѣвать оное затрудненіями всегда новыми, что схоластика за честь себѣ поставляетъ, и которое вмѣсто созиданія ученика дѣлаетъ его любопытнымъ, жаднымъ, ничему невѣрующимъ.

Свѣтскіе люди не всѣ невѣжды; бываетъ нѣкогда подъ алою епанчею больше науки, нежели подъ длинною ужасною одеждою учителя, много хвалимаго.

Небо при самомъ рожденіи нашемъ даруетъ намъ нѣкоторое пространство разсудка, которое

по совершенствѣ чрезъ воспитаніе и обхожденіе съ людьми приводитъ насъ въ состояніе судитъ о наилучшихъ вещахъ. Люди, не имѣющіе другой помощи, какъ отъ сихъ просвѣщеній, не знаютъ заподлинно, для чего они похваляютъ больше одно, нежели другое. Душа ихъ удивляется, уши ихъ находятся въ веселіяхъ и нечувствительно доходятъ они до Бога. Какъ то прекрасно! какъ любезно!

Женщины не имѣютъ, какъ сей доброй вкусъ природный. Большая часть знатныхъ людей, которые смолоду слѣдовали за войною, или за Дворомъ, не имѣютъ, какъ нѣжность ума, пріобрѣтаемую въ учтивыхъ собраніяхъ; однако они такъ мало ошибаются въ образѣ своемъ разсуждать, что охотно полагаются на ихъ мнѣнія.

Запрещеніе, однимъ нынѣшнимъ критикомъ учиненное, Кавалерамъ судить θеатральныя изданія, меня очень возмутило. Добрый смыслъ, по моему мнѣнію, не отнимается у того, кто вступаетъ въ службу военную. Пусть запретится имъ, я на то согласенъ, рѣшить о какомъ ни есть законѣ Іустиніановомъ, о членѣ вѣры, хотя нѣкоторымъ дозволить бы и надобно. Сіи науки умственныя, превыспреннія, высокія, обходятъ умы, неутвержденные ученіемъ глубокимъ. Когдажъ дѣло идетъ только говорить о комедіи, о трагедіи, о жестахъ актера, о искусствѣ музыканта, запрещеніе то поистиннѣ очень строго.

И такъ не дозволялося бы, какъ стихотворцамъ да музыкантамъ быть въ позорищахъ. Тѣ разсуждали бы о паденіи стиховъ и дивилися бы нѣжнымъ мѣстамъ;

 дру-

другіе били бы мѣру и рѣшили бы о симфоніи, прочіе находилисябъ изключены. По щастію критикъ не имѣлъ права рѣшить дѣло безъ переносу; ибо я страстной любитель музыки, и слава Богу я ни стихотворецъ, ни музыкантъ, но имѣлъ бы печаль увидѣть себя изгнанна изъ такого мѣста, гдѣ я нахожу себѣ не малое веселіе; толькобъ давали мнѣ волю говорить что хочу.

Ежелибъ только *Корнельямъ* принадлежало судить важныя сочиненія и *Ламбертамъ* находить хорошую, или не хорошую штуку музыкальную, искусные въ томъ былибъ жалки: они трудилисябъ только для себя. Тщетно въ великолѣпныхъ увѣдомленіяхъ предъявляли бы намъ, что жертвуютъ они обществу бдѣніями и трудами своими; что стараются они иныхъ научать, дру-

другимъ нравиться, и что ценсурѣ всѣхъ подвергаютъ они свои сочинения.

Какъ бы тонка ни была интрига комедіи и трагедіи сочиненной, какъ бы таинственна ни была въ нихъ розвязь, добрый смыслъ есть великою помощію: съ нимъ все судить можно. *Малербъ* спрашивалъ у служанки своей, что она думала о стихахъ его. *Люли* радовался, слыша, что по аріямъ его дѣлаютъ площадныя пѣсенки. Нѣжнѣе ли мы нашихъ учителей?

Ежели въ сочиненіи ничто не нравится простому уму, всего то хуже для автора. Мысль, которая тѣмъ, или другимъ образомъ не трогаетъ никого, всеконечно нехороша.

Чернь и ученые равно согласуются о достоинствѣ нѣкоторыхъ нашихъ ораторовъ; невѣжды, такъ какъ и тонкіе самые читатели,

отвергают изданія автора невкуснаго. Хорошее, повторяю еще, тотчас трогает; нехорошееж досаждает немедленно. Разность состоит в причинѣ, которую ученый умѣл так судить, и не знаю в чем таком, которое не нравится мнѣ в невѣждѣ.

Обыкновенно не имѣют любопытства к изданіям автора, которой еще жив. Не для того ль, что тогда чают, что изданія тѣ еще несовершенны? ибо автор может всегда к ним прибавлять.

Многіе неохотно читают *Паскала*, сколько должноб его читать. Я отгадываю тому причину: для чтенія его с веселіем надобно столькож имѣть ума, сколько он имѣл в своих мыслях, или по меньшей мѣрѣ быть в состояніи разсуждать твердо.

Книга, сочиненная ученымъ (Бель-эспри), можетъ сдѣлаться камнемъ претыканія его славы.

Хитро поступаютъ тѣ, которые соблюдаютъ себѣ имя ученыхъ, не дѣлая ничего, что дѣлаютъ другіе для пріобрѣтенія такого имени. Пока человѣкъ, котораго впрочемъ мнятъ въ состояніи отличить себя изданіемъ книги, откладываетъ писать, всѣ почитаютъ его высоко; какъ скоро онъ то сдѣлалъ, слава его упадаетъ. Ожидали отъ него больше того, что онъ показалъ.

Удивительна для меня политика *Базилієпа*, которой оставляетъ публику въ ожиданіи чего нибудь великаго, и которой, давно уже обѣщавъ, отрицается выдавать. Вотъ въ чемъ только дозволяю я человѣку не исполнять своего слова; я еще извиню его, что онъ и клятву преступилъ. Продолжай,

Базиль дѣлать рѣшенія: ты говоришь хорошо; избѣгай отдавать себя въ печать: за то тебя больше еще станутъ почитать.

Ничего, не прощаютъ автору прославившемуся. Чѣмъ больше онъ имѣлъ успѣха, тѣмъ больше оказываютъ затрудненія во вкусѣ къ его сочиненіямъ, отнимаютъ у него даже до вольности писать, какъ прежде, и требуютъ отъ него вѣчнаго приращенія въ тонкости.

Ежели мы чаемъ, что первымъ и однимъ сочиненіемъ достанемъ себѣ имя *Бель-эспри*, оставимъ такой обманъ. Мы щасливыбъ были, когдабъ второе и третіе не напрасно отваживали. Сколько было просвистанныхъ при первомъ своемъ отвѣдываніи, которые потомъ почтены стали всеобщимъ одобреніемъ! Имѣющіе талантъ могутъ надѣяться на такой же жребій.

Я люблю разговоръ естественный; а тотъ мнѣ не нравится, которой притворно желаетъ мнѣ понравиться.

Часто случается, что не нравятся по тому, что сильно хотятъ сдѣлаться пріятными. Проговаривающіе рѣчи острыя подвержены такому нещастію.

Что писано не легко, что понято съ трудомъ, какъ бы оно хорошо ни мыслено, лишается пріятности. Не довольно, что примѣтятъ умъ въ сочиненіи, надобенъ тутъ и порядокъ.

Умъ и огонь родятся тамъ, гдѣ искусства нѣтъ; ктобъ писалъ безъ порядка, конечно не понравится. Недостатокъ чистоты въ слогѣ безчеститъ живость воображенія.

Все нелѣпо, ежели не имѣетъ благообразія естественнаго; но все несовершенно, ежели наука не скрываетъ

ваетЪ искусно природу. Знать только должно, отЪ котораго изЪ двухЪ можетЪ вящшее совершенство занимать всякое дѣло. ВЪ нѣкоторыхЪ сочиненіяхЪ природа должна господствовать, другія требуютЪ украшеній постороннихЪ.

Хотя и надобна природа вЪ такихЪ умственныхЪ сочиненіяхЪ, природа однако не должна столь сильно одолѣвать искусство, но чтобЪ она являлася вЪ нихЪ безЪ убранства.

Не хотятЪ на картинахЪ видѣть наготы грубыя. Извѣстное дѣло, что *Клеопатра* жаловала *Антонія* послѣдними милостьми. ЖивописецЪ, которому задано былобЪ сіе намалевать, скрылЪ бы слегка часть такихЪ предметовЪ, которые соблажняли бы нѣжную добродѣтель зрителей. Я требую такогожЪ воздержанія отЪ писателя, или сочинителя.

Я нахожу, что труднѣе подражать *Воатюру*, нежели превзойти *Балзаса*. Немногіе знаютъ искусство писать естественно и съ красотою; многіежъ имѣютъ тотъ напыщенный слогъ и скрываютъ великіе пороки, пользуяся своими великими фразесами.

Стихотворцы не безъ труда пишутъ прозою: они такую имѣютъ привычку сводить свои стихи, что не находя своего довольства въ размѣрности своихъ періодовъ, не возможно ужъ имъ написать ихъ два, или три сряду. *Вуатъ*, по всеобщему мнѣнію преискусный, не можетъ снаровить своихъ предисловій: сдѣлаетъ ихъ на стихахъ, а кто нибудь изъ друзей обращаетъ ихъ потомъ въ прозу. Да для чегобъ не оставлять ихъ по прежнему: они бы лучше показалися.

Стихотворцамъ служитъ данная имъ воля увеличивать все до безмѣрности.

Стихотворство терпитъ надмѣнность, проза ненавидитъ увеличиванія.

Можно о стихотворцахъ сказать, что они повреждаютъ ихъ воображеніе, дабы преступнически проводить потомство.

Не запрещено автору перещитывать втайнѣ ученыхъ своего вѣка, примѣщать къ нимъ, кого онъ изволитъ; а какъ онъ можетъ ошибаться, то было бы вредно не показывать публикѣ, какъ тѣхъ только, въ пользу которыхъ онъ себя предубѣдилъ. Мы такихъ видимъ, которые смѣло говорятъ: тотъ одинъ, тотъ только изрядно говоритъ, а другой, тотъ только имѣетъ искусство нѣжно писать. Сіи рѣшенія добры въ книжкѣ рукописной, а въ печатной они ненавистны.

Ав-

Авторъ отъ непрестаннаго писанія себя истощеваетъ: умъ его высыхаетъ, ежели не даютъ ему времени возвратиться къ прежней его плодовитости хорошими чтеніями. Надобно оставлять промежутокъ между первою и второю книгою.

Чѣмъ больше имѣютъ способности сочинять, тѣмъ больше должно не довѣрять плодовитости ума своего; щастливое то изобиліе должно быть подозрительно. Что не многаго стоитъ, рѣдко дорого бываетъ.

Не могу я себя до того довести, чтобъ писать одного роду сочиненія. Когда нравоученіе меня веселитъ, я къ нему прилѣжу; когда любовныя мысли разгоняютъ мою скуку, я ими упражняюся; иногда я важенъ, иногда критикъ. Я дрожу истинно, не видя почти наде-

надежды къ исполненію толь противныхъ между собою вкусовъ.

Отъ денегъ зависитъ уже все, даже до науки и до книгъ. Для чего, думаете вы, книгопродавецъ тотъ такъ много проситъ за продаваемую вамъ книгу? Для того, что самъ онъ очень дорого уже заплатилъ автору.

Добрые авторы не больше наблюдаютъ безкорыстіе, какъ и прочіе. Честь у нихъ одно изъ ихъ намѣреній, а деньги главное. Сомнѣваюся, чтобъ К. . . . всегда равно смотрѣлъ на славу, когда сочиненія его начали ему доставлять по тысячѣ талеровъ.

Авторъ сребролюбивый презрителенъ; ежелижъ сочиненіе его хорошо, не мѣшаетъ мнѣ то его одобривать.

Ежелибъ нужда довела меня до нужды работать за деньги, я довольно полюбилъ бы промышлять

родословными. Нѣтъ прибыльнѣе того промысла въ такомъ вѣку, когда паче всѣхъ временъ ищутъ подложнаго благородства! Простой человѣкъ, котораго имѣютъ секретъ сдѣлать дворяниномъ, дѣлается щедрымъ и расточительнымъ.

Страсть писать есть родъ ярости: есть такіе, которымъ не писать былобъ сокрушеніе несносное. Ктобъ имъ подъ смертною казнію запретилъ сочинять, и тотъ не могъ бы себя обнадежить ихъ повиновеніемъ. Толь бѣшено сумозбродство ихъ къ умноженію книжныхъ волюменовъ!

Авторы имѣютъ своего демона, такъ какъ скупые; потому должнобъ именовать бѣшенствомъ, ихъ одолѣвающимъ, являться въ заглавіи дурныхъ ихъ сочиненій.

Умный человѣкъ, опасающійся своимъ сочиненіямъ худыя участи, со-

сомнѣвается выдавать ихъ въ печать. Глупецъ и невѣжда къ тому поспѣшаютъ, торопятся; они ищутъ только славы, что много трудилися, а другаго ничего. По всѣ мѣсяцы давать они вамъ будутъ по цѣлому тому; да хотябъ они сто лѣтъ прожили, ни одного не дадутъ вамъ тома хорошаго.

Для чего столько достойныхъ людей въ сочиненіяхъ того не дѣлали? Ихъ разумъ лучше всѣхъ книгъ, которыя они издалибъ. Неблагоразумнаго человѣка дѣло раззорить однимъ сочиненіемъ, котораго немногіе разумѣютъ тонкость, славу, чрезъ тритцать лѣтъ трудами своими пріобрѣтенную.

Я многихъ удивлю, когда скажу, что авторъ сочиненія нынѣшняго вѣка, наиболѣе прославляемый, по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ его сочинялъ, да почти столькожъ

сомнѣвался, отдавать ли его въ печать. Сей родъ сочиненія чрезвычаенъ, говорили ему: всѣ критики противъ тебя возстанутъ. Едва только объявили о той книгѣ, какъ всѣ напечатанныя разхватили. Второе, третіе, четвертое изданіе явилося, мы ожидаемъ девятаго; скажите послѣ того, что нѣтъ книгамъ удачнаго жребія.

12.

Добрая и злая фортуна.

Власть, придаваемая фортунѣ, есть ничто; а сама она одно только воображеніе.

Допускать судьбу, фортуну, случай, значитъ говорить по язычески. Что приходитъ противно ожиданію человѣческому, не приходитъ то, какъ по тайному отъ неба допущенію. Столько имперій раззоренныхъ, столько бѣдствій,

столько нещастій, признаваемыхъ какъ дѣйства фортуны разгнѣванныя. Ошибаются: фортуна, божество то химерическое, не имѣетъ въ томъ никакого участія. Мы должны признавать, что Богъ всѣ такія перемѣны дозволяетъ для держанія людей въ страхѣ.

Фортунѣ напередъ сего строили храмы, нынѣ она имѣетъ настоящихъ обожателей.

Не въ тѣхъ мы уже, правда, временахъ, когда идолопоклонство посвящало молебныя фортунѣ мѣста: довольствуются молиться ей втайнѣ. Честолюбіе сооружаетъ ей жертвенники, на которыхъ охотно подносятъ ей ѳиміамъ.

Фортуна больше лицемѣровъ имѣетъ, нежели религія. Ежелибъ благочестіе не доводило до милостей, такъ какъ умъ, наука, мужество, достоинство, не много былобъ видно набожныхъ.

Фор-

Фортуна перемѣняетъ, сказываютъ, нравы; а я чаю, что она ихъ открываетъ. Пока живутъ въ уповании нѣкоторыя пользы, притворствуютъ, скрываются, дабы лучше обмануть тѣхъ, которые берутся насъ возвысить; когдажъ дойдутъ до меты, показываютъ себя таковыми, каковъ кто есть.

Крезъ безпорочный въ простомъ состоянии, едва только изъ того вышелъ, всѣми пороками попрекать ему было можно по справедливости. Вы спрашиваете у меня тому причины; не видитель, что ему уже нужды нѣтъ больше притворствовать. Фортуна его уже съ нимъ: на что ему болѣе скрываться?

Не надобно думать, что *Крезъ*, въ своемъ возвышении гордый, немилосердый, скупый, не имѣлъ и прежде тѣхъ пороковъ; всеконечно онъ ихъ имѣлъ, но удер-

живалъ онъ ихъ явленіе: его покорности были покровомъ его гордости; его являемая тихость утаивала природную его жестокость; потребныя щедрости смѣшивалися съ его скупостію. Пришла фортуна, открыла коварства того лицемѣра, показала его таковымъ, каковъ онъ есть.

Скажемъ все: многіе люди чаялибъ, что не перемѣнилася ихъ фортуна, ежелибъ не перемѣнили они своихъ нравовъ. Затвержено у всѣхъ въ головѣ, что непристойно исполнять въ чину высокомъ такія добродѣтели, которыя приличны только въ незнатности. Сіе заблужденіе защищаютъ всѣ тѣ, которые происходятъ. . . .

Какъ же фортуна странна и своенравна является въ своихъ выборахъ! Иные по оказанныхъ великихъ службахъ томятся въ чинахъ незнатныхъ, когда другіе полу-

лучаютъ награду за посредственно храброе дѣло, которое произведено дерзостію. Таково есть теченіе дѣлъ человѣческихъ! Какъ мы уже привыкли къ подобнымъ произшествіямъ, дивлюся, что они насъ удивляютъ.

Фортуну люди очень часто проклинаютъ съ того времени, какъ они узнали сумозбродство ея выборовъ. Она иногда прячетъ въ народѣ властелина изъ тѣхъ, которыхъ мы видимъ восходящихъ на верьхъ величій. Многіе были наши ровестники и ниже: они нашли кредитъ, не искавъ его; противъ ихъ воли, сдѣлали ихъ сильными. Вотъ за что мы жалуемся.

Древніе ставили справедливо зеркало подъ ноги фортуны. Находяся въ славѣ, сами отъ себя бѣгаютъ, не смѣютъ сами на себя посмотрѣть, ни внимать о себѣ. Отъ множества вещей ослабло бы

умопонятіе то, каково себѢ дѢлаютЪ о благополучіи, да еще и убѢгаютЪ смотрѢть на тѢхЪ, кои были щастливы и таковыми быть перестали. БѢды другаго, кои долженствовалибЪ лечить честолюбіе, его только по нещастію раздражаютЪ. ЧестолюбецЪ воображаетЪ себѢ фортуну, какЪ такую богиню, которая не похотѢлабЪ быть ему невѢрною. Злыя произшествія, онЪ чаетЪ, весьма отдаленны, добрые успѢхи онЪ себѢ обѢщаетЪ; возможно ли столько себя обольщать? Надобно только открыть глаза и видѢть придворныхЪ людей вЪ немилости, МинистровЪ вЪ ненависти, вельможЪ пониженныхЪ или по собственной ихЪ дерзости, или по странному нраву владѢтелей. ЩастливецЪ сей ничего того не видитЪ: онЪ зеркало положилЪ подЪ свои ноги; простѢжЪ сказать, онЪ себя ослѢпилЪ.

Саллюстій говоритЪ, *что фортуна по всемЪ владычествуетЪ; что она все дѣлаетЪ слѣпо, или совсѣмЪ неизвѣстно, паче по своенравію, нежели по разуму.* Сіе весьма справедливо, слѣдующеежЪ несправедливо, *что она ни дать, ни отнять ни у кого не можетЪ искусство, праводу́шіе и другія добрыя качества душевныя.* Я говорю о фортунѣ по умоначертанію, каковое обЪ ней люди имѣютЪ, всегда предлагая начала, отЪ меня заданныя. Кто дѣлаетЪ, что человѣкЪ иной, достигши до перваго достоинства, показываетЪ себя толь хитрымЪ для восхожденія на вышшую степень чести? Для чего другой, низпадшій сЪ высокаго мѣста, кажется не вЪ состояніи уже возстать отЪ своего паденія? Добродѣтельный тотЪ частный человѣкЪ испортился вЪ щастіи? ДѣловецЪ тотЪ, напредь сего толь ко-

варный, нынѣ доведенный только мыслить о себѣ, сталъ неуменъ и невыдумчивъ? И такъ надобно признавать въ фортунѣ власть надъ величіями и надъ великими.

Я не вижу ничего, чтобъ больше подвластно было фортунѣ, какъ добродѣтель. Премѣны, ею причиняемыя, не остаются на томъ только, чтобъ сдѣлать недостойнаго сильнымъ; она изъ мудраго и добродѣтельнаго сдѣлаетъ безчеловѣчнаго и нечестиваго. Такая игрушка ей обыкновенна.

Фортуна дѣлаетъ насъ неблагодарными, безчеловѣчными, немилосердыми. Рѣдко дѣлаетъ она какое либо дѣло величественное безъ произвожденія чудовища безчеловѣчнаго, и спорить еще конечно будутъ, что добродѣтель у ней не подъ властію.

Люди хотѣлибъ, чтобъ фортуна предупреждала ихъ желанія:

мед-

медленіе ея ихъ опечаливаетъ. Въ одинъ день хотѣлибъ они получить тѣ чести, до которыхъ не доходятъ какъ въ нѣсколько лѣтъ трудами своими; они хотѣлибъ пріобрѣсть и богатства тѣ, какъ скоро ихъ пожелалибъ. Не таковъ есть въ свѣтѣ порядокъ дѣлъ. Надобно время, чтобъ ими пользоваться; владѣютъ тѣмъ только одинъ часъ, и скоро того лишаются. Вотъ, ежели вамъ неизвѣстны, правила къ произведенію себя и прочность возвышеній!

Нѣкоторая только горячесть дѣлаетъ насъ достойными милостей фортуниныхъ. Она презираетъ утомляющихся; она требуетъ людей проворныхъ, которымъ почтеніе къ ея дарованіямъ придаетъ усердіе; ежелижъ того нѣтъ, она гнѣвается и дѣлается врагомъ нерадивому, наказанному за

его холодность отрицаніемъ успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Хотя видимъ, что она раздѣляетъ свои милости людямъ, не имѣющимъ той горячести къ заслуженію оныхъ, не надобно однако удивляться такому ея терпѣнію. Она тогда означиваетъ свою щедрость, награждая напередъ будущія ихъ попеченія.

Никто не изъемлется отъ наложенія на себя труда въ пріобрѣтеніи своей фортуны. Ежели достигаютъ безъ работы, не удерживаются тогда, какъ силою. Одно стоитъ другаго.

Двухъ вещей не достаетъ въ фортунѣ большой части людей: однимъ не достаетъ пріобрѣтать ее праведно; другимъ не достаетъ пользоваться ею благоразумно.

Не дивлюся я фортунѣ богатыхъ, удивляюся токмо тому, какимъ образомъ они ее употребля-

ляютъ. Придаваемыя имъ похвалы мнѣ не нравятся, ежели мнѣ не скажутъ, что они притомъ являютъ кротость презнаменитую.

Сколько людей возвышенныхъ, которымъ не достаетъ только одной вещи, точно той, отъ которой ихъ благополучїе зависитъ, то есть умѣренности съ кротостїю!

Ничто почти, такъ сказать, не помогаетъ нашему увеличиванїю, равно ничтожъ совершаетъ нашу погибель. Какъ дѣлать угожденїя знатному вельможѣ, оказывать нѣкоторую прилѣжность, нѣкоторую готовность къ его услугамъ? Многїе больше ничего не дѣлали, и произошли; столькожъ впадали въ немилость за нераченїе въ поведенїи, за малую неразумность, за небольшую холодность въ уваженїи.

Спать въ благополучїи, надѣяться, что ни въ чемъ недостатка не будетъ, жить въ ненаруши-

тимой тишинѣ, въ сердечномъ восторгѣ къ богатству фортуны, не то ли есть истинная безпечность во всемъ?

Фортуна не даетъ ничего, она только взаемъ даруетъ время;назавтрѣежъ требуетъ отъ любимцовъ своихъ назадъ то, что казалося дала имъ навсегда.

Темнѣйшія ночи слѣдуютъ за прекрасными днями, громовая буря ударяетъ въ тотъ часъ, какъ небо было самое тихое. Слабое еще то образованіе величествъ міра сего! Благополучіе по видимому непоколебимое опровергается въ скорѣйшемъ времени, нежели я сіи слова проговариваю.

Ежели теченіе жизни долговременныя и сладкія, ежели лѣта веселыя, вѣки благополучные не уподобляются въ книгѣ премудрости, какъ тѣни пробѣгающей, кораблю, разсѣкающему воды быстрыя, пти-

цѣ,

цѣ, слѣдовъ своихъ не оставляющей, стрѣлѣ, воздухъ вмигъ раздѣляющей: чему уподобимъ мы тѣ фортуны, которыя не занимаютъ, какъ весьма малую часть жизни? Да когдабъ я сказалъ, которыя не продолжаются, какъ только во мгновенie ока, самое искусство за меня вступится.

Когда мы упадаемъ, обыкновенно бываетъ тутъ нашъ проступокъ; когдажъ возвышаемся, рѣдко за то благополучie одолжены мы бываемъ нашему достоинству.

Неправедно обвиняю я въ своей разстройкѣ другихъ, а не себя. Мы жалуемся на злость завидующихъ, на великое легковѣрie Принца; мы представляемъ службы забытыя, дѣла хорошiя пренебреженныя, немилость неправедную, продолжительное нещастie: можемъ ли мы сказать, чтобъ того не заслуживали? Службы наши

столь-

столько ли важны, чтобъ награждать ихъ вѣчно? Попеченія тѣ, нами увеличиваемыя, хорошія тѣ дѣла, служащія предлогомъ нашихъ жалобъ, такъ ли добропорядочны, чтобъ ничего себѣ не нарекать? Мы давно претерпѣваемъ, да что мы сдѣлали, чтобъ не претерпѣвать далѣе? Непрестанныя роптанія наши на поведенія правительства, старательства наши о погубленіи ближайшихъ нашихъ друзей, знаки ли то суть нашего раскаянія?

Сыщется ли хотя одинъ придворной человѣкъ, котораго бы нѣкакія движенія гордости въ благополучіи, нѣкакія роптанія въ немилости, нѣкоторая невѣрность въ разсужденіи своего Государя, или своихъ друзей, не дѣлали виноватымъ опровerженію своей фортуны?

Какъ вымысловатцы представлять образы своихъ бѣдностей,

дабы другихъ привлечь къ чувствительному о томъ сожалѣнію! Я всего лишился, говоритъ нещастный, и фортуна не оставила мнѣ, какъ только безчеловѣчное отчаяніе. Когда такимъ образомъ отчаяваются, не значитъ то, чтобъ не оставалося уже никакого упованія, а паче значитъ, что боятся они безостаточнаго лишенія всѣхъ своихъ имѣній.

Самые бѣднѣйшіе не находятся въ такомъ положеніи, чтобъ нещастія не могли прибавиться; а когда такъ, для чего говорить, что всего лишилися?

Не въ чести уже, но имѣютъ богатство; не имѣютъ уже богатства, но имѣютъ здоровье; не имѣютъ уже здоровья, но имѣютъ знаніе истинны; чтожъ былобъ, ежелибъ съ такою потерею славы, съ такимъ лишеніемъ богатствъ, съ толикимъ числомъ болѣзней,

не

не знали Бога? Я не вѣдаю безъ того подлиннаго нещастія.

Нѣтъ паденія посредственнаго для особъ возвышенныхъ: ежели онѣ упадаютъ, упадаютъ больно, ихъ потрясенія жестоки, ихъ опровержение дѣлаетъ звукъ ужасный, и печали ихъ въ нещастіи превосходятъ веселія прежняго ихъ изобилованія. *Сильніи будутъ сильно мучимы.* Сія истинна сбывается какъ въ семъ вѣкѣ, такъ и въ будущемъ.

Осердятся на меня, ежели предприниму показать, сколь нещастливы тѣ, которые никогда не бывали нещастливыми. Нѣтъ ничего истиннѣе, *Сенека* до меня то сказалъ. Никто мнѣнію его не спорилъ. Знаютъ ли сладости благополучія, которое было безпрерывно? Пока не отвѣдали жестокостей отъ злыя фортуны, умѣютъ ли, какъ

себя

себя управлять въ щастливомъ состоянiи? Ей нѣтъ.

Не въ веселiи уже находятся, когда изъ него никогда не выступаютъ. Безъ опыта временъ досадныхъ чувствуютъ только въ половину сладости временъ добрыхъ.

Искусство препятствiй, бываемыхъ въ свѣтѣ, прiучаетъ къ ихъ приступу. Щастливцамъ, прiобыкшимъ къ сладкому избыточеству, малое зло несравненно чувствительнѣе, нежели другимъ самыя тяжкiя печали. Извѣстноль вамъ для чего? я васъ о томъ увѣдомлю: надобно тогда прiобрѣсть терпѣнiе, потерять самолюбiе, оградить себя въ умѣренности, до того неизвѣстной, веселиться своими утратами, дѣлать себѣ благополучiе изъ того, что казалося несноснымъ. Все то не малаго стоитъ.

Сожалѣю я о тѣхъ, которыхъ фортуна всегда ласкаетъ. Въ такомъ спокойномъ состоянiи страсти пробуждаются, похоть беретъ верьхъ, сердце становится жилищемъ гордости; умираютъ въ такомъ слезъ достойномъ усыпленiи, ежели не ударитъ ихъ напасть.

Добрые успѣхи портятъ; не многiе восходятъ въ честь, не сойдя столькожъ степеней отъ добродѣтели. Не многiе соблюдаютъ въ высокихъ чинахъ ту благодѣятельную склонность, которая была имъ сродна. Щастливецъ мнитъ, что онъ для себя только родился, и не дѣлаетъ себя потребнымъ, какъ только себѣ одному.

До полученiя того мѣста, которое онъ имѣетъ, былъ другъ своимъ должностямъ: добродѣтель перемѣнилася съ фортуною. Больше

ше нечестивѣ, нежели прежде былѣ добродѣтеленѣ; спѣсивѣ нынѣ до безмѣрности, скупѣ, или совсѣмѣ расточителенѣ; не таковѣ уже сталѣ, каковѣ былѣ. Для возврата первыхѣ своихѣ добродѣтелей нещастная напасть потребна.

Кого фортуна понижаетѣ, приходятѣ иногда сами вѣ себя; кого она жалуетѣ, отходятѣ отѣ нее сѣ торопостiю, и не возвращаются, какѣ чрезѣ немилость.

Есть подобiе изобилiя вѣ лишенiи всѣхѣ вещей. Чего не достаетѣ человѣку, которой ничего не имѣетѣ? всего; а то самое дѣлаетѣ его владычественно богатымѣ, потому что онѣ не имѣетѣ сокровищѣ, его обезпокоивающихѣ, честей, его смущающихѣ, веселiй, которыми беззаконное насыщенiе тиранствуетѣ вѣ его внутренности. Сiе мнѣнiе не попадаетѣ вѣ соображенiе тѣхѣ лицѣ, которыя

 за

за невелико щитают пользу сердца, от страстей свободнаго.

Въ скопленіи богатствъ есть основаніе бѣдности неотдѣлимыя и страшная пустота удовольствій. Всего не достаетъ человѣку, которой имѣетъ все. Чѣмъ больше онъ получилъ, тѣмъ больше желаетъ. Собственныя свои желанія его безпокоятъ: чѣмъ уже пользуется, то его не насыщаетъ; чего еще не имѣетъ, тому завидуетъ, а что имѣетъ, то не дѣлаетъ почти его довольнымъ. Будутъ ли спорить, что я о томъ вопервыхъ судилъ?

Тысяча есть такихъ, которые потеряли бы свою славу, ежелибъ фортуна стала имъ благодѣтельствовать; сохраняютъ же ее дотолѣ, какъ она упрямо продолжаетъ свое на нихъ гоненіе. Надобно быть очень тонкимъ философомъ для отгаданія тому причи-

чины. Добрыя произшествія приводятъ въ слабость нѣкоторыхъ; другіе же упрямятся упорствовать своей судьбинѣ, не отступаютъ отъ принятаго ими мнѣнія о своемъ проворствѣ, о своемъ проницаніи.

Нещастіе показываетъ намъ, что есть человѣкъ заподлинно: оно открываетъ великости души его, приводитъ ее въ ея пространство; вмѣсто того щастіе показываетъ намъ только, что онъ щастливъ. До паденія *Санніона* зналиль его твердость, его неуваженіе о вещахъ блистательныхъ? Знали, что онъ богатъ, силенъ, большежъ ничего.

Надобно имѣть больше храбрости для снесенія, не говорю я трудовъ, но радостей великія фортуны, нежели для вытерпѣнія безчеловѣчнаго злаго жребія. Тамъ нѣтъ такого труда, которой не

имѣлъ бы своихъ сладостей; здѣсь нѣтъ такихъ сладостей, которыя не имѣлибъ своихъ горькостей. Нещастливый себя утѣшаетъ, ежели печаль уступаетъ мѣсто нѣсколькимъ малымъ веселостямъ; а тотъ вопреки, думая, что фортуна обязана быть ему ненарушимо вѣрною, гнѣвается и смущается, смотритъ, какъ на крайнюю съ ея стороны невѣрность и на малѣйшее противорѣчіе, ему чинимое.

Нещастіе умнаго человѣка никогда не бываетъ полное: онъ находитъ самъ въ себѣ надежды противъ своего отчаянія. Разсужденія, каковыя можетъ онъ дѣлать о своихъ препятствіяхъ, какимъ образомъ онъ объ нихъ говоритъ, нещастные тѣ примѣры, которые глазамъ своимъ представляетъ, картина, которую онъ себѣ составляетъ изъ произшествій міра сего, трудность отвращать злые

успѣ-

успѣхи, безсиліе поддерживать великое благополучіе, все то дѣлаетъ въ немъ неизчерпаемый кладезь утѣшеній, которыя не достаютъ людямъ, не столь умнымъ. Забавляющіеся дѣлать себѣ пріятнымъ позорище свѣта, украшать сію фигуру тщеславія, составляютъ себѣ прекрасныя умопонятія о имѣющихся въ томъ сладостяхъ, и не могутъ укротить печали, раздраженныя толь сильными увеличиваніями.

Ежели вы нещастливы, дѣлайте себѣ такую непріятную картину о настоящемъ щастіи, чтобъ можно вамъ было себя удостовѣрить, что и имѣя то щастіе, вы только слабую имѣли бы пользу.

Случитсяль быть въ изобиліи, ослѣпляются, не смотрятъ на собственныя потребности, мыслятъ о вообразительныхъ, не-

 бре-

берегутъ о подлинныхъ; какъ же скоро упадутъ, примѣчаютъ, что не запаслися и нужными.

Кто дерзско похабенъ не былъ при доброй фортунѣ, тотъ легко претерпитъ и злую. Умѣютъ тѣ употреблять свои нещастія, ежели никогда во зло не употребляли благополучія.

Сколь славно быть благоразумнымъ въ высокихъ фортунахъ, столь же есть похвально быть постояннымъ при худыхъ успѣхахъ.

Добрые успѣхи честолюбцевъ поощряютъ дѣлать тожъ, что имъ помогло возвыситься; но паденія ихъ не заставляютъ бояться подобныхъ нещастій. Кто видитъ силу *Сеянопу*, богатства *Крезопы*, щастіе *Югуртопо*, трудится быть столь же силенъ, столь же богатъ, столь же щастливъ, не мысля быть умѣреннѣе въ возвы-

вышенномъ состояніи, хотя видитъ же *смертъ Сеяну, казнь Крезу, стыдъ и узы другихъ многихъ*.

Нещастливымъ насмѣхаются. Всѣ, такъ какъ и я, знаютъ тому причину. Не почитаютъ, какъ тѣхъ, которые могутъ услуживать; называютъ достоинствомъ хитрость себя производить; именуютъ злодѣйствомъ нещастіе.

Я не знаю теперь, какъ то только, что я запалъ, говорилъ *Маркъ Антоній*, утѣшая себя въ перемѣнѣ его фортуны. Пользы отъ щедрости невидимы во время щастливое: чаютъ, что довольно подкрѣплены въ милости, небрегутъ дѣлать себѣ друзей; но какъ же строго наказываются за свою скупость при приближеніи злаго нещастія! Всякая помощь нужна, а подать ее никто не показывается. Тѣ, на которыхъ тысячи ми-

лостей изливалися, едва только тронуты раззореніемъ ихъ благотворителя. Чегожъ должно ожидать отъ тѣхъ, которыхъ презирали, или имъ еще и вредили?

13.

Гордость и честолюбіе.

Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ гордость человѣка, милостію покровительствуемаго: онъ въ восторгѣ отъ доброй своей фортуны упрямъ и презрителенъ, къ нему меньше находятъ доступа, нежели къ Государю; онъ долго заставляетъ просить у себя милостей, отъ него зависящихъ, не жалуетъ онъ ихъ, какъ по многимъ уже униженностямъ и по многочисленнымъ заступленіямъ.

Гордость высокородныхъ вельможъ больше сноснѣе: порода ихъ можетъ оправдать ихъ спѣсь; а какъ

какъ не имѣютъ съ ними никакого тѣснаго обхожденія, потому и неудивительно, что они рѣдко съ другими сообщаются. Но непростителенъ тотъ человѣкъ, которой присоединяетъ пороки грубаго воспитанія къ пороку, пристающему отъ высокаго чина.

Жалуются на спѣсивой пріемъ судіи того, которой изъ купечества перешелъ въ градоначальство; кричатъ на жестокосердіе казначея того, которой изъ службы компанейщиковъ однажды шагнулъ; а такимъ только людямъ и принадлежитъ дѣлать себя неприступными.

Хвастунъ надувается отъ самой бездѣлицы. Вы видите въ комнатахъ сына *Сантипаропа*, смотрящаго съ презрѣніемъ на всякаго, кто не имѣетъ такого камзола, какой на немъ. Вертопрахъ беретъ мѣсто на ѳеатрѣ за то,

что заплатилъ два рубли, и гнушаяся, взглядываетъ на партеръ. Прекрасная причина тщеславиться!

Бывалъ ли вѣкъ, больше неправосудный? Ученый смѣшенъ съ невѣждою, искусный съ плюгавымъ; такова рѣчь автора, высоко себя цѣнящаго. Можно вообще осуждать нравы своего вѣка, но хотѣть доказывать его неправосудіе за оказуемое къ намъ его неуваженіе, сіе не можетъ происходить, какъ отъ тщеславія педантскаго.

Самые наибольшіе горделивцы не могутъ похвалить въ другихъ такого нрава величаваго. Чѣмъ больше надуваемся 'мы сами собою, тѣмъ больше спѣсь другихъ намъ противна. Заразясь превзойти въ томъ всѣхъ, неохотно терпятъ старанія другихъ, чтобъ выше насъ взойти.

Виноваты нещастливые, когда хотятъ еще славиться. Дѣлается то изъ гордыя досады, которая говорить ихъ принуждаетъ, что ни въ комъ нѣтъ имъ нужды. При бѣдахъ житейскихъ нужда бываетъ во всѣхъ людяхъ: въ однихъ для утѣшенія, въ другихъ для сильнаго поправленія бѣдъ, на которыя жалуются.

Я скорѣе прощу киченіе въ нещастливыхъ, нежели въ тѣхъ, которые благополучны. Утѣшенія такого не должно отнимать у первыхъ; въ другихъ же то кажетъ гордость непріятную. Я нещастливъ, и мнѣ кажется, что я самъ того на себя не навлекъ, такъ первые говорятъ. Можетъ быть то и правда. Я сталъ великъ, да не меньше того мнѣ и надлежало, говорятъ послѣдніе. Можетъ ли больше неправедное быть киченіе?

Намъ кажется, что довольно мы сильны будемъ устоять противъ всѣхъ страстей тѣхъ, господствующихъ надъ сердцемъ щастливцевъ. Не надобно вѣрить своимъ намѣреніямъ: мы горды, обѣщавая себѣ не быть таковыми.

Все, что можетъ возбуждать удивленіе, возбуждаетъ также наши желанія. Мы желаемъ величія, дабы участниками быть въ похвалахъ, вельможамъ подносимыхъ. Ежелибъ ихъ намъ отказывали, честолюбіе наше смутилося бы среди изобилія и веселостей.

Ежелибъ честолюбецъ не имѣлъ удивляющихся, страсть его охолодѣла бы скоро.

Человѣкъ, которымъ гордость владѣетъ, хочетъ оправдать свою дерзость, переимянуя ее благопристойностію.

Многіе историки примѣчаютъ, что въ древнихъ тріумфахъ два

человѢка предшествовали у колесницы побѢдителя: одинЪ носилЪ мертвую голову, другой изображенiе павлина, говоря почасту: *помни себѣ, что ты человѣкъ.* ТакЪ хотѢли они дать разумѢть герою, что онЪ будетЪ дурнѢе той мертвой головы, ежели будетЪ столь же гордЪ, какЪ павлинЪ. Спасительная мысль вЪ день трiумфа! Король, не слушающiй, какЪ воспѢванiя славныхЪ своихЪ дѢлЪ, находилсябЪ вЪ восторгѢ суеты суетствiй, а припамятованiе тогда о смерти весьма потребный есть перевѢсЪ.

ЕжелибЪ дозволилося мнѢ открыть смыслЪ сихЪ словЪ, *помни себѣ, что ты человѣкъ*, сказалЪ бы я то, чего лесть никогда не смѢла выговаривать. *Помыслите себѣ, что вы человѣки*, то есть, что слава та, васЪ сопровождающая, вдругЪ изчезнетЪ; титлы, которыми

рыми васъ почли, суть суетны, съ ними вы минуетеся, равно какъ они, вы больше не явитеся, завтра можетъ быть въ повиновенiи будете у тѣхъ, кому вы повелѣвали. *Мыслите себѣ, что вы человѣки*, то есть удостовѣрьте себя сильно, что не можно полагаться на то, что въ глазахъ вашихъ блещется съ толикимъ сiянiемъ; жертвенники же тѣ, для васъ сооружаемые, истуканы, въ память вашу поставляемые, недолговременны будутъ, а вы и того меньше пробудете. *Помните себѣ, что вы человѣки*, то есть, что между вами и послѣднiй изъ подданныхъ вашихъ легкая только разница; смерть восторжествуетъ надъ вами свирѣпѣе, нежели вы торжествуете надъ врагами своими: она погребетъ въ могилѣ и власть и величiя ваши. Вотъ что хотѣли внушать героямъ языческимъ! Сiе

слово,

слово, сказанное Королю Христіянскому, имѣетъ смыслъ пространнѣйшій. Припамятовать ему, *что онъ есть человѣкъ*, значитъ для него, что онъ мыслить долженъ, что Богъ отъ него потребуетъ отчета, какъ онъ употреблялъ свою власть, свои богатства, свои чести; значитъ то для него, что какъ онъ ни великъ, но предъ Богомъ только великъ, поелику себя унижаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Разсужденіе сіе праведно, но не за лучшее понравится; я того ожидаю.

Не возбраняю я вельможамъ славолюбія, а осуждаю только безмѣрное честолюбіе, которое доводитъ ихъ пріобрѣтать себѣ ложное и злое. *Не пришелъ я въ Персію искать тамъ сокровищъ*, говорилъ Александръ Парменіону: *пришелъ я туда искать славы*: бери

 се-

себѣ богатства, а мнѣ оставь всю славу. Слово сіе кажется прекрасно въ устахъ Короля языческаго, котораго скупость не могла изцѣлиться, какъ честолюбіемъ. Презирать богатство есть вещь, достойная великаго сердца; но презирать его, не отвергая похвалъ за то презираніе, въ томъ заключалась добродѣтель у древнихъ героевъ, а такая добродѣтель не совсѣмъ безпорочна. Нынѣ назвалибъ гордымъ того Принца, которой такіябъ произносилъ рѣчи; удивлялисяжъ имъ въ Александрѣ, хвалили его храбрость и безкорыстіе. Льстецъ далѣе того не поступалъ.

Вѣра, подающая намъ точное умопонятіе о добродѣтели, открываетъ намъ въ томъ Александровомъ поведеніи пороки грубые. Примѣчается въ немъ неукротимое желаніе явиться великимъ, идоль-

идольское къ самому себѣ почитаніе, всеобщее ко всѣмъ другимъ презираніе. Христіянство не допускаетъ такихъ добродѣтелей.

Честолюбецъ щастливыя произшествія себѣ приписываетъ и отбрасываетъ на мнимую фортуну бѣдственныя предпріятія.

Желать первыхъ мѣстъ безъ разсужденія о пространствѣ своего достоинства, безъ разсмотренія своихъ талантовъ, безъ признанія своего вмѣстительства: таковъ есть человѣкъ честолюбивый.

Часто принуждены бываютъ держаться посредственности, дая волю своему честолюбію понапрасну.

Римскій Преторъ, Губернаторъ Ливіи, послалъ къ Марію депутата съ запрещеніемъ, чтобъ отнюдь не входилъ онъ въ его провинцію. Марій ему отвѣтствовалъ: *скажи ты Секстилію, что ты видѣлъ Марія, сидящаго среди развалинъ*

Кароагена. Сколь ужасно сіе позорище имѣло явиться честолюбію! сколь сильно оно было поразить гордость смертнаго продерзца! Видѣть прещасттливаго Марія игрушкою фортуны; кто послѣ того дерзнулъ бы ввѣрять себя ея постоянству? Онъ показывалъ себя въ примѣръ ея вѣроломства. Изъ развалинъ, въ которыхъ находился, велерѣчиво поучалъ онъ честолюбцевъ, да гдѣжъ тѣ, которые пользовалися его поученіями? Марій, сидящій между развалинъ Кароагена, гордый побѣдитель, доведенный до бѣдности побѣжденныхъ, обладатель міра безъ силы, величайшій градъ, погребенъ въ своихъ основаніяхъ. Какъ малонадежно вѣрить непоколебимости своей въ благоденствіи!

Не смотрятъ на другихъ при хорошихъ своихъ дѣлахъ, а смотрятъ только сами на себя. Не на на-

народное Кесарь, Александръ, Помпей смотрѣли дѣло, но на свое прославленіе.

Александръ шествуетъ въ Персію и проходитъ весь свѣтъ; честолюбіе его находитъ число его непріятелей очень мало, шаръ земный очень ограниченъ, морскія нѣдра очень узки, вселенную очень тѣсну въ ея границахъ. Помпей шествуетъ въ Испанію въ намѣреніи сразиться съ Серторіемъ, прогоняетъ морскихъ разбойниковъ, осматриваетъ Арменію, гонитъ Митридата въ Азіи; не было такого мѣста, кудабъ его не препровождало честолюбіе.

Мы столько въ памяти своей затвердили такіе ложные примѣры добродѣтели, что молодымъ людямъ предлагаютъ ихъ въ образецъ. Предложимъ смиреніе Давыдово при побѣдѣ; благочестіе Іосиево при его благополучіяхъ; возды-

дыханія Манассіевы послѣ его гордости; мудрое мужество Маккавеевъ; благодарность преславныхъ побѣдителей, которыхъ писаніе выхваляетъ. Вотъ слѣды, по которымъ ходить имъ должно!

Порокъ одинъ только дѣлаетъ больше вреда честолюбивымъ, нежели могутъ имъ служить тысяча добродѣтелей.

Честолюбцы рѣдко пользуются нещастіемъ другихъ. Или они льстятъ себя, вѣря, что владѣютъ произшествіями, или успѣхами, или уповаютъ отвратить нападенія фортуны, и отъ того становятся больше еще дерзостными?

Ктобъ не сказалъ, что смерть Аннибалова должна была сдѣлать нѣкоторое впечатлѣніе въ духѣ Сципіоновомъ? Не былъ онъ того меньше предпріимчивъ. Сципіонъ умеръ, Помпей видѣлъ величіе его, во гробѣ погребенное: меньшель отъ

отъ того онъ пылалъ быть великимъ? Помпей по своей очереди умеръ, Кесарь видѣлъ тѣло его, плавающее по волѣ вѣтровъ, учинившееся извергомъ моря, которое выбросило его съ презрѣніемъ на брега свои: какую получилъ онъ пользу отъ того нещастія? Кесарь, жаждущій такою же славою, безчеловѣчную получилъ кончину дней своихъ руками измѣнническими. Получившіе по немъ правленіе республики поправилиль свое честолюбіе?

Малые люди, видящіе опасность высокихъ достоинствъ, не допускаютъ себя до безпокойства того желать. Вельможи убѣгаютъ на нее смотрѣть, да не научатся презирать величія.

Власть какого либо Государя дошла до своей высоты; онъ пользуется всею славою, каковою поступить можно достоинство смерт-

наго человѣка. Государь тотъ останется на томъ? Не сыщется ль еще славы ему къ пріобрѣтенію? Нѣтъ, а осталася ему только слава себя унизить и быть смиренну.

14.

Зависть.

Когда Христофоръ Колумбъ нашелъ Америку, завистники говорили: *тольколь сдѣлать было надобно, что ѣхать туда, а потомъ туда?* Мы тожъ и не хуже того сдѣлалибъ. *Нѣтъ*, отвѣтствовалъ имъ Колумбъ, *но кто изъ васъ поставитъ сіе яйцо на семъ боку,* показавъ острой конецъ? Ни одинъ не могъ того сдѣлать; а Колумбъ, разбивъ тихонько объ столъ тотъ конецъ, поставилъ на немъ яйцо прямо. Всѣ еще сказали: *тольколь надобно было сдѣлать? Не труднобъ то для насъ было. Никто*, отвѣт-

ство-

ствовалъ еще Колумбъ, *однако того не вздумалъ, такъ-то я нашелъ Индіи.*

Зависть заставляетъ всѣхъ говорить, также какъ сихъ глупцовъ, которые желали уменьшить славу Колумбову. Человѣкъ выдумаетъ какой нибудь секретъ, что то за диво, говоритъ завистникъ, я тожъ сдѣлалъ бы. Такого гадкаго говоруна заставьте для опыта сдѣлать самую бездѣлицу, и ту онъ честно не окончитъ.

Зависть клеплетъ насъ такими пороками, какихъ въ насъ можетъ быть никогда не бывало.

Достоинство не всегда въ состояніи загладить впечатлѣнія клеветы; ибо зависть помогаетъ вѣрить всякому злу наговариваемому, да еще и такому, которое только воображать себѣ могутъ. Одно только вышшее достоинство, одна

только главная добродѣтель могутъ быть избавлены отъ злорѣчиваго.

Какъ намъ скажутъ что нибудь хорошее о человѣкѣ, котораго мы не любимъ, зависть помогаетъ намъ подняться противъ его хвалителей.

Зависть не щадитъ добродѣтельныхъ: ежели избѣгнутъ они отъ злорѣчія, тогда станутъ на нихъ клеветать.

По ученымъ сочиненіямъ лесть, или зависть, ослѣпляетъ судящихъ: первая въ полусильныхъ, другая въ противность слабымъ.

Зависть ярится, какъ скоро новая книга только выдетъ; нетерпѣливо хотятъ ее видѣть, ищутъ ее наскоро. Хоть ее и не видали, а уже намѣреніе принято ее критиковать. Опечалясь, что нашли ее наполнену преизрядными вещьми, мучатся показать ихъ пренегодными. Предубѣжденіе, къ

то-

тому приставшее, снабдѣваетъ критику оружіемъ. Проговариваютъ, и не подумавъ, осужденіе на книгу безпорочную. Сколько, ежелибъ книги говорили, закричалибъ: помилуйте, какія дурныя вы объ нихъ дѣлаете разсужденія!

Не опасаяся цензуры, сдѣлать нѣчто можно, но ничего безъ опасности отъ клеветы. Благоразумный критикъ хвалитъ стихи ваши, завистникъ оговариваетъ даже до точекъ и до запятыхъ. Критикъ судитъ правосудно о порокахъ и добродѣтеляхъ. Завистникъ маленькому проступку придаетъ имя страшнаго злодѣйства, ежели онъ подхватить не можетъ къ опорочиванію дѣла, которое видитъ. Осуждаетъ онъ побудившую къ тому причину, которая никому не видна.

Признаніе наше о достоинствѣ другаго хотя искреннее, быть может

жетъ дѣйство зависти. Досадно намъ видѣть, какъ другихъ почитаютъ больше насъ. Сколько такихъ людей, которымъ праводушіе мудрыхъ причиняетъ такого рода досады!

Кто въ состояніи смотрѣть на благополучіе другихъ безъ зависти, тотъ щастливѣе всѣхъ тѣхъ, которыхъ состояніе можетъ дѣлать завистниковъ.

Зависть, будучи порокъ скудоумныхъ, удивляюся, что она столь хитра и вымыслительна.

Художникъ поноситъ художника; купецъ обвиняетъ своего сосѣда мошенничествомъ; ученый ненавидитъ того, кто его затмѣваетъ; человѣкъ умной не доброхотствуетъ тѣмъ, которымъ другіе удивляются; градоначальникъ не соглашается о правосудіи другихъ судей; придворной человѣкъ презираетъ тѣхъ, которые имѣ-

ютъ равныя съ нимъ пользы. Что заключать изъ того? что зависть повсюду вкрадывается, что число завистниковъ есть безчисленно.

15.

Сатира.

Не можно людей оставлять въ покоѣ: всегда находится какой нибудь возмутитель тишины народныя, какой нибудь явный врагъ рода человѣческаго, которой издавна объявилъ ему критику.

Сатира есть дѣло злости, по меньшей же мѣрѣ игрушка ума, которая не должна заставлять вѣрить тому, что авторъ разсказываетъ въ пріятномъ жару, его одушевляющемъ.

До изчерпанія всего, что есть посмѣятельнаго въ порокахъ, а источникъ сей никогда не изсыхаетъ, пройдетъ довольно вѣковъ, потому

му что каждый вѣкъ имѣетъ свои пороки.

Скорѣе сочинятъ двапцать сатиръ, нежели найдутъ случай къ одному панегирику. Добродѣтели не такъ часты, какъ пороки.

Есть нѣкоторые пороки, модою терпимые, сатира и ихъ не щадитъ; ибо она охуждаетъ даже до моды.

Быть сатирикомъ, быть историкомъ, суть двѣ вещи не несовмѣстныя. Лучше тѣмъ узнаваютъ добродѣтели героя, когда отличать умѣютъ пороки другихъ людей.

Мы любимъ сатиру, толькобъ она до насъ не касалася.

Хотя сочиненіе какое достигло до совершенства, мы ему споримъ, ежели портреты пороковъ въ немъ малеванные нѣсколько на насъ походятъ. Сатира къ намъ милости-

стивая, а другихъ строго осуждающая, та только для насъ мила.

Что пишутъ противъ женщинъ, пріятно мужьямъ; а что сочиняютъ противъ мужьевъ, радость дѣлаетъ женскому полу.

Умолкнемъ, ежели говорить намъ нечего, кромѣ какъ о порокахъ тѣхъ людей, которыхъ безумное поведеніе насъ соблазняетъ.

Сатира вышла, авторъ ея человѣкъ извѣстной Королю и придворнымъ его. Имена выдуманныя, подъ которыми онъ скрываетъ смѣшнаго стихотворца, молодаго и кичливаго музыканта, зрителя невѣжлу, подаютъ причину ко многимъ дерзновеннымъ сужденіямъ. Читатели, все рѣшить жаждущіе, обнадеживаютъ, что въ намѣреніи было говорить о такомъ и о такомъ: такія гаданія подтверждаются, разсѣваются, размножаются. Веселятся отгадки свои

подкрѣплять въ собраніяхъ хорошихъ людей, переносятъ изъ двора во дворъ, передаютъ ихъ изъ разговоровъ въ разговоры, каждой удивляется нѣжной шуткѣ, ее проницаютъ, сказываютъ, что она подлинна, хвалятъ того, кто чванится имѣть тому ключь; такимъ образомъ предается удивленіе злобное, весь городъ нечувствительно напаяется тѣми слухами. Кого обвинять за такой безпорядокъ? Читатель столькожъ виноватъ, какъ и стихотворецъ, ежели сочиненіе его зло.

Слабые только тревожатся, мня, что объ нихъ въ ней писано. Кто тебѣ сказывалъ, что точно тебя образовалъ Ѳеофрастъ въ своихъ характерахъ? Именовалъ ли онъ тебя? Нѣтъ. Описалъ ли онъ твои похожденія? Нѣтъ. Означилъ ли онъ твою фамилію? Нѣтъ. На что же ты жалуешься? Я больше

ше бы причину имѣлъ сердиться на автора комедіи *Журлипый*, и жалобу приноситъ, что на открытомъ ѳеатрѣ онъ въ каждомъ явленіи заставляетъ въ слухъ прокрикивать имя Б. . . . а имя то мое. Въ роднѣ моей имѣю я докторовъ, адвокатовъ, мушкетеровъ не по желанію отцовъ ихъ и моему, я думалъ за ними слѣдовать и отстать отъ наукъ моихъ. Станулъ я вѣрить, что тамъ меня играютъ.

Критики нашего времени имѣютъ весь тотъ порокъ, чтобъ употреблять въ своихъ сочиненіяхъ отмщеніе, нѣкоторымъ образомъ соблазненное; не столько ищутъ воздерживать отъ пороковъ, какъ раздражить виноватаго, на котораго угодно имъ явно открыть гнѣвъ свой. Къ чему все то служитъ? Когда дѣло касается до наставленія себя, должно

 по-

почтить лице автора, котораго ради его чина, не обезчестя его, оговорить не можно. Удовольствуемся нападать на погрѣшности съ такою кротостію, которая привлекала бы его къ намъ, которая увеселяла бы и которая заставилабъ за благо принимать, что его поправляютъ. Вооружить себя вмѣстительствомъ, показыватъ поступки жестокіе и повелительные тожъ есть, что публикѣ задавать причины насъ охуждать и отвесть его отъ охоты пользоваться ревностію, которую онъ усмотритъ въ горькости.

Сколько такихъ, которые за честь себѣ поставляютъ, что критикуютъ ихъ сочиненія! Я не таковъ: смущеніе мое умножается, когда вижу, что мои столько подаютъ причинъ къ цензурѣ.

Хлопотливой критикъ меня не страшитъ. Ежелибъ я умѣлъ по

Гре-

Гречески, заставилъ бы я молчать многихъ ценсоровъ. Не стали бы меня судить въ томъ, что на удачу употребилъ я въ моихъ портретахъ имена, мало пристойныя характеру каждаго.

Бросающіеся безъ оглядки въ Бель-эспри не довольны одного рода житіемъ; они мнятъ, что ничего не скажутъ, ежели они общаго со всѣми мнѣнія; они хотятъ противорѣчить, они хотятъ кусать. Въ томъ состоитъ ихъ высокое знаніе.

Желать, во чтобъ то ни стало, толькобъ критиковать, чрезъ то дѣлаютъ себя обманутыми отъ другихъ ценсоровъ, больше ядовитыхъ. Самое злое достоинство, по моему мнѣнію, есть то, чтобъ разсматривать поведеніе частныхъ для показанія, что имѣютъ искусство злословить.

16.

Дурные забавники и пересмѣшники.

Золъ нравъ дурнаго забавника, убѣгайте отъ него тщательно. Старайтеся дѣлать себя пріятнымъ чрезъ хорошее слово, отважьте иногда и шуточку, однако за долгъ себѣ того не поставляйте. Говоря вамъ такъ, дѣлаю я только эхо тѣхъ, которые свѣтъ знаютъ совершенно.

Человѣкъ, промышляющій шутовствомъ, рано, или поздно презираемъ будетъ. Не всегда нравится хвалить издѣвку нескладную.

Съ досадою шутить надъ другими показываетъ больше всего недобраго человѣка.

Когда кто хвалится симъ талантомъ, я заключаю, что никакого таланта онъ не имѣетъ.

Не всѣмъ людямъ шутки нравятся; я жалѣю о промышляющихъ шутовствомъ, которые въ собра-

браніяхъ степенныхъ не могутъ играть, какъ очень холодную ролю.

На равнѣ стыдное дѣло шутить надо всемъ и шутить совсѣмъ не кстати. Самые забавные и веселые разговоры требуютъ нѣсколько степенности и не всѣ дѣла бываютъ приличны для шутовъ.

Дурной шутъ можетъ самъ проговориться предъ больше искусным насмѣшникомъ. И такъ отстанемъ лучше отъ охоты той, чтобъ всѣхъ кусать; ибо чрезъ то навлекаемъ на себя стыдъ, досаду и злобу.

Насмѣшками умъ взаимно торгуетъ, и торгъ тотъ долженъ имѣть свои правила.

Насмѣшники кажется довольны тѣмъ, чтобъ имъ также отплачивали. Но позволятъ они мнѣ сомнѣваться о ихъ искренности: никто не любитъ, чтобъ другой наравнѣ съ нимъ былъ.

Ежели съ презрѣнія не подхватятъ того, что глупой смѣшнаго сказалъ, задаютъ ему терпѣніе мучительное; не нахожу я однако, чтобъ тѣмъ оказана ему была большая милость. Самая ругательная шутка ничего толь колкаго не имѣетъ, какъ такой выговоръ.

Не должно никогда попрекать недостатками природными, опасаясь подать поводъ насмѣшкѣ, больше того чувствительной. Говоря *Еврипиду*, что станъ его непрямъ, нога его крива, такое отъ насъ огорченіе подастъ ему право выговорить какой либо порокъ въ умѣ, недостатокъ учтивости въ обхожденіи.

Не вѣдаю и того, дозволяется ли называть скупаго и труса, ктобъ подлинно таковъ былъ. Безпорочныль мы сами и не найдетсяль въ насъ грубѣйшее? Остережемся въ томъ для нашей пользы.

Тай-

Тайна къ отвращенію насмѣшки состоитъ въ предупрежденіи. Не станутъ шутить надъ тѣмъ горбатымъ, которой самъ надъ собою весело насмѣхается.

Не прощаю я ни тому, кто веселитъ себя шутками, ни тому, кто сердится за шутки: оба не знаютъ они добраго поведенія. Ненавистно сдѣлаться насмѣшникомъ, а грубіану только прилично отвращать шутку огорчительно.

Дозволяется обыкновенно шутка, толькобъ была она умная и кроткая; а ежелибъ мнѣ повѣрили, запретили бы ее совсѣмъ сами себѣ.

17.

Любовь и дружба.

Любовь есть порокъ молодыхъ людей, слабость стариковъ, глупость дѣвицъ, страсть женщинъ, забава малыхъ, упражненіе великихъ,

кихъ, погибель безумныхъ, камень претыканія мудрыхъ. Что я тѣмъ сказать хочу? что власть любви есть всемірная: владычествуетъ она надъ людьми всякихъ лѣтъ, обоихъ половъ и всѣхъ состояній.

Въ страсти молодаго человѣка есть ярость, въ стариковой сумозбродство. Скажемъ ли, что любовь есть доброе дѣло?

Любовь дѣлается нынѣ разными манерами: Кавалеръ раззоряется у дамы, которую обожаетъ; дама не бережетъ ничего для любовника, которой ей полюбился; или каждой съ своей стороны помогаетъ въ расходахъ страсти. *Тимантъ* и *Меланія* такимъ образомъ любятся. Раззорять себя для женщины значитъ быть въ обманѣ, терпѣть, чтобъ она обязалася въ издержки, значитъ не имѣть сердца любиться ухо на ухо; тогда другъ другу и попрекать нечего. Лю-

Любовь рѣдко бываетъ безъ ревнивости, ревность сопровождается сильными печалями, печали тѣ навлекаютъ еще другія, которыя продолжаются и умножаются. Гдѣжъ тутъ пріятность любви?

Благодареніе моимъ нещастіямъ, не имѣю уже я знакомства въ странѣ любовной. Оставилъ я малыя веселія, упреждаю тѣмъ великія бѣды.

Ежелибъ хотѣлъ я отмстить моему непріятелю, познакомилъ бы я его съ пригожею женщиною, чтобъ онъ въ нее влюбился.

Влюбленной человѣкъ дѣлаетъ себя вездѣ примѣтнымъ: меланхолія написана на лицѣ его, ничто не можетъ удержать его отъ задумчивости, ни смягчить суровость его вида; разговоры, разveселяющіе скуку самыхъ темныхъ умовъ, доводятъ его къ новымъ безпокойствамъ; сердце его, снѣдаемое всемъ, что ни есть безчело-

вѣчнаго въ ревнивости, находится въ сокрушенiи; онъ смѣется принужденно, говоритъ невесело. Какъ дорого стоитъ любить! а любя какимъ глупцомъ себя представляютъ!

Деньги суть въ войнѣ душа, а въ любви ключь.

Холодность въ дружбѣ дѣлаетъ непрiятелей, а въ любви производитъ она бѣснующихъ.

Хорошiе успѣхи дѣлаютъ вездѣ радость, въ любви они производятъ невкусности, холодности, разлученiя.

Раждающаяся любовь скрываетъ многiе пороки, злоба, по ней слѣдующая, наводитъ на нихъ свѣтъ, еще темнѣйшiй.

Малые люди любятся съ меньшею нѣжностiю, но съ большею искренностiю.

Любовь быть можетъ сильнѣе дружбы, но сiе не значитъ, чтобъ

она

она была разумнѣе. Любовь родится внезапно и изчезаетъ также; дружба родится не такъ скоро, но продолженіе ея тверже. Любовь изторгается слѣпо, дружба просвѣщенна въ своихъ выборахъ. Любовь влечетъ за собою невкусности, подвержена она отмѣнамъ. Дружба выше такихъ вздоровъ: она подвергается только легкимъ и рѣдкимъ перемѣнамъ. Любовь простываетъ отъ ласковостей, утомляется отъ милостей; дружба горячится услугами, умножается благодѣяніями. Любовь есть глупая страсть, дружба изрядная добродѣтель. Вотъ тѣмъ все сказано.

Любовь хочетъ совсѣмъ инаковаго сердца, нежели дружба; сердце, любящее по дружбѣ, сердце, любящее по любви, суть два сердца разныя и одно другаго лучше.

На-

Надобно время для пріобрѣтенія себѣ друга, а для уловленія любовника одинъ только мигъ надобенъ. А что скоро дѣлается, то также скоро и пропадаетъ.

Чтобъ быть умнымъ, надобно быть влюбленнымъ. Вредное мнѣніе! опасное правило! Примѣчаютъ ли, что не можно влюбляться безъ примѣса къ тому вольности сердца, спокойствія души? Не хочу я быть уменъ на такихъ договорахъ.

Любовь больше выдумчива, нежели дружба, по томужъ резону, которой дѣлаетъ, что женщина имѣетъ воображеніе скорѣйшее, но меньше крѣпкое, какъ мущина.

Не безъ труда помирить двухъ друзей поссорившихся, потому что не поступили они на то, какъ въ самой крайности; любовникижъ между собою сами мирятся.

Друзья живутъ многіе годы въ совершенномъ единомысліи, а лю-

любовники ни одного часа не пропускаютЪ безЪ ссоришки между собою. Спросите у меня тому причины, я вамЪ отвѢтствую, что дружба есть благоразумна, спокойна, привязана кЪ кротости; любовь вопреки тому скоросовата, смутлива, крайня вЪ своей нѢжности.

Ссоры у любовниковЪ недолговременны. За словами неблагодарной, невѢрной, слѢдуютЪ дражайшій, обожаемый. НадсѢдаются показать свою безвинность, или оправдить себя, ежели виноваты. НѢжность изЪясняется тогда откровенно; все, что любовь ни имѢетЪ лестнаго, открывается и веселитЪ обоихЪ, что удалося загладить. Вообразившіяся преступленія, которыми другЪ друга подозрѢвали, находятЪ себя несравненно любезнѢе прежняго.

Воло-

Волокитства столькожъ бываетъ у любовниковъ, сколько и у полюбовницъ. *Фульпія* веселится въ цѣлой кучѣ волокитъ, а *Еронтъ* устаетъ и скучаетъ волочиться за одною только *Фульпіею*.

Любовь и любочестіе рѣдко совмѣстны бываютъ, а мудрость и любовь и того меньше согласны.

Слыхалъ я довольно, какъ говорятъ, что напредь сего бывали друзья; впрочемъ я ихъ никогда не зналъ. Разсказываютъ объ *Орестѣ* и *Пиладѣ*; а послѣ ихъ о комъ сказываютъ? Многіе прошли вѣки съ того времени, какъ они жили, не примѣтя подобной дружбы. Нашъ вѣкъ не больше имѣетъ воли прежнихъ.

Перестаньте, повѣрьте мнѣ прибавлять себѣ друзей. Человѣкъ, имѣющій двухъ, или трехъ друзей обхожденія простаго и пріятнаго, свободенъ отъ угожденій принуж-

нужденныхЪ, отЪ ежечаснаго притворства, отЪ ласкательства, развЂ обязанЪ кЪ тому случится политикою, которой правиламЪ самые добрые люди должны послЂдовать. ТакимЪ средствомЪ имЂютЪ всЂ пріятности дружбы и нЂтЪ имЪ принужденія вЪ долговременномЪ притворствЂ.

Не любитЪ тотЪ, кто всякаго рода особЪ называетЪ друзьями своими. Должно быть не столь податливу.

Выбралиль вы кого, чтобЪ осталось то на вЂки: вамЪ то будетЪ лучше.

ОпоздаютЪ нЂсколько разпознать человЂка, ежели дожидаться станутЪ его сЪ нами дружбы. Надобно испытывать того, кого хотятЪ любить, а не того, кого уже любятЪ, опасаясь, чтобЪ не дЂлать себЂ нареканій за худой выборЪ.

Фор-

Фортуна можетъ возвысить столько, чтобъ насъ освободить отъ безчисленныхъ потребностей. Какія бы милости ни были въ ея власти, не сдѣлаетъ она того, чтобъ обойтися можно было безъ добраго друга. Чѣмъ щастливѣе будемъ, тѣмъ больше онъ намъ надобенъ. Съ нимъ чего бы намъ не доставало? Безъ него не имѣемъ ли мы всего опасаться? Мы склонны къ упрямству, къ плутовству, къ безчеловѣчію, къ высокому чину; когда все кажется дозволеннымъ, нашъ честолюбивый нравъ насытится ли? наша гордость пощадитъ ли кого? а тогда-то имѣемъ мы нужду въ такомъ другѣ, которой бы воздерживалъ тихими совѣтами нашу дерзскую надмѣнность.

Кто предпріиметъ говорить намъ правду? Другъ. Кто похочетъ намъ выговаривать наши пороки? Другъ.

Августъ

Августъ признавался, что надобенъ ему былъ Меценатъ, Александру Ефестіонъ. Фортуна ихъ не таковаль была, что приращенія ей получить было уже не можно другаго, какъ только нужду имѣть въ другѣ, къ которомубъ они имѣли полную довѣренность? Отъ той только нужды изъяты они не были.

Перестанемъ тщеславиться, чтобъ имѣть множество окружающихъ насъ друзей; останемся довольны сыскать одного искреннѣ преданнаго нашимъ пользамъ. Не прощаю желать двухъ друзей, какъ тому, кто ищетъ одного для совѣтованія, а другаго для изобличенія.

Слушать смиренно выговоры друга своего значитъ надежную поступь къ совершенству; ибо гордость такая страсть, на которую не любятъ нападать и кото-

 рую

рую не безъ великаго труда одолѣваютъ.

Я передумалъ о кротости тѣхъ, которые пекутся за благо принимать чинимые имъ выговоры. Никто не соглашается, чтобъ критика изъяснялася о ихъ порокахъ; оставляютъ ласкательству на попеченіе ихъ прикрывать. Вотъ и все тутъ. Восхвали добродѣтели скрытыя, увеличь малыя полезности, объявляй качества невидимыя, притворись, что не примѣчаешь злости: назовутъ тебя лучшимъ въ свѣтѣ другомъ. Дотронься же до несовершенствъ тайныхъ, ты не будешь милъ, и о томъ не сомнѣвайся.

Дружба совѣтуетъ искренность, а отъ той искренности дружба и изчезаетъ.

Дружба запрещаетъ надмѣру великое терпѣніе; она хочетъ, чтобъ другъ друга поправляли, а

дру-

друзья не хотятъ, чтобъ имъ выговаривали: они поссорятся, они раздѣлятся, какіяжъ принимать мѣры? Когда мы столь нѣжны, научимся, кто больше льстить будетъ, но не польстимъ уже себѣ далѣе исполнять законы истинныя дружбы.

Желать, чтобъ выговаривая намъ, другъ нашъ имѣлъ тихость ласковую, уваженія безчисленныя, осторожности слѣпотствующія, чтобъ онъ подслащивалъ свои совѣты, чтобъ онъ ихъ смягчивалъ, все то, безъ закрышки сказать, не хотѣть слушать выговоровъ и доводить людей до невозможнаго.

Другъ, намъ льстящій, больше опасенъ, нежели врагъ, намъ измѣняющій. Далече отъ того, чтобъ намъ выговаривать наши несовершенства, онъ ищетъ, чтобъ они переродилися въ пороки, а пороки наши въ привычки. Все извинять,

все попускать слабостямъ, дозволять недостойныя вольности, оказывать угожденія вредныя, не остановлять предпріятія злодѣйскаго, подавать совѣты корыстолюбивые, похвалять намѣренія неправедныя, льстивой другъ все то дѣлаетъ; чтожъ больше того дѣлать могъ бы врагъ мстительный?

Мы льстимъ, когда просятъ у насъ совѣта; мы любимъ, чтобъ намъ льстили; когда мы съ кѣмъ хотимъ посовѣтовать, съ обѣихъ сторонъ лесть пріятна.

Друзья льстецы составляютъ между собою подобіе заговора, и дѣлаютъ мирной договоръ, которымъ они обязуются прощать себѣ всякіе проступки.

Нѣкто проситъ васъ увѣдомить его о его поступкахъ, имѣетъ онъ подлинно желаніе себя исправить? Сомнѣваюся; онъ старается вамъ дать знать, что вы ему

угодите, когда такого труда на себя не примете. Сія хитрость, имъ употребляемая, для того дѣлается, чтобъ предупредить ценсоровъ, какихъ самолюбіе нынѣ много надѣлало.

Мнѣ пріятнѣебъ было, чтобъ поручили мнѣ съѣздить самому проговорить рѣчь Королю Сіамскому, нежели подать въ лицѣ наставленіе тому другу, которой бы о томъ меня просилъ. Я въ томъ меньше находилъ бы трудности.

Станемъ разсматривать поведеніе друзей нашихъ, дабы поправлять свое собственное; потомъ вскинемъ глаза на наши слабости, дабы привыкнуть намъ сносить и ихъ слабости.

Мы легко переговариваемъ нѣкоторые пороки; а ежелибъ сами ихъ имѣли, мыбъ ими тщеславилися.

Неравенство, случающееся между друзьями, бываетъ обыкновен-

ною причиною ихъ несогласія. *Маркеллъ* повышенъ чиномъ, онъ пересталъ со мною такъ нѣжно и пріятельски обходиться, какъ прежде кялялся. Ежелибъ и нынѣ я съ нимъ былъ равенъ, *Маркеллъ* продолжалъ бы меня любить.

Согласіе въ братьяхъ приковываетъ фортуну въ семействахъ.

Виданолъ, что больше удивительнаго, какъ вѣрность *Регулопу*, которой въ исполненіе своего слова оставляетъ Римъ, своихъ дѣтей, возвращается въ станъ къ Карѳагенянамъ и надѣваетъ на себя прежнія оковы. Прекрасной примѣръ храбрости, и вѣрной знакъ искренннія добродѣтели, бывшей въ сердцѣ великаго сего человѣка! *Регулъ* побѣдитель могъ ли бы показать въ тріумфѣ своемъ что нибудь того славнѣе для своей памяти? Будемъ и мы въ разсужденіи друзей нашихъ таковы, какъ *Ре-*

гулъ

гулъ въ разсужденіи своихъ непріятелей, ненарушимы въ словахъ своихъ, вѣрны даже до смерти.

18.

Мудрость, благоразуміе.

Есть мудрость, которая бережетъ настоящаго; есть другая, которая располагаетъ нѣкоторымъ образомъ о будущемъ. Одна обнадеживаетъ добрыми успѣхами, другая поправляетъ худые. Такая мудрость не находится, какъ въ людяхъ проницательныхъ.

Многочисленныя намѣренія не противны мудрости, лишь бы только они не замѣшалися.

Мудрость тончае становится разными совѣтами.

Въ большой части нашихъ предпріятій дерзость бываетъ причиною, что они намъ удаются; а сіе заставляетъ на насъ смотрѣть,

какъ на людей, въ премудрости совершенныхъ.

Успѣхъ какого либо дѣла заподлинно не доказываетъ, что оно хорошо производимо было. Часто лучшіе совѣты производятъ нехорошее окончаніе, а не меньше того случается, что доходятъ до щастливаго конца дурнымъ начинаніемъ.

Мудрость въ нѣкоторыхъ проэктахъ весьма больше участія имѣетъ, нежели фортуна; а въ другихъ мудрость только сдѣлала начало, фортуна же исполнила остальное.

Неблагоразумнаго человѣка дѣло оставлять на удачу то, что онъ можетъ отъ нее отнять предусмотреніемъ и совѣтованіемъ.

Нещастія не могутъ раззорить добродѣтель. Бѣдственной успѣхъ какого либо предпріятія не лишаетъ ни мало славы мудраго, кото-

торой его составилъ. Ежелибъ произшествія находилися въ нашей власти, справедливо бы осуждали мужество и мудрость нещастливые. Фавій побѣжденной мнѣ является столькожъ достоинъ хвалы, какъ Фавій побѣдитель, когда я разсуждаю, что человѣкъ не владѣетъ фортуною.

Видя, что продерзскіе бываютъ больше щастливы, нежели мудрые; что предпріятіе, изрядно устроенное, скорѣйшую получаетъ неудачу, нежели намѣреніе отважное и худо производимое, все то ничего не заключаетъ.

Должно сожалѣть о нещастіи мудрыхъ безъ поношенія ихъ благоразумія, и хвалить щастіе продерзскихъ, не одобривая ихъ поведенія.

Благоразуміе не одному только полу принадлежитъ: есть женщины, столь же мудрыя и столь же

 ща-

щастливыя подавать совѣты, какъ и самые тонкіе политики. Юдифь спасла городъ Веѳулію, служанка скрыла Смирнянъ отъ ярости народовъ Сардскихъ, Римляне защитили себя противъ Галловъ, послѣдуя намѣренію, отъ женщины имъ предложенному.

Видали благоразуміе женщинъ, просіявшее въ такихъ случаяхъ, гдѣ совѣтъ самаго степеннаго мужа былъ бы безполезенъ. Ихъ воображеніе, пріемлющее скорѣе впечатлѣнія страха, становится способнѣе къ выдумкѣ тѣхъ мѣръ, за которыя надлежитъ приниматься. Мущина, какъ не столь скоро пріемлющій оныя движенія страха, медлительнѣе пріискиваетъ средства къ избѣжанію бѣдъ, ему угрожающихъ.

Совѣтъ принадлежитъ старикамъ, исполненіе молодымъ людямъ. Благоразуміе тѣхъ, смѣлость сихъ, пре-

препровождаетъ къ благополучнымъ предпріятіямъ.

Холодная кровь хороша въ совѣтѣ, пылающій духъ предивенъ въ исполнени.

19.

Игра, карты.

Игра есть упражненіе утруждающее, а никто отъ нее не устаетъ. Мы имѣемъ тому примѣры.

Не скупость въ людей вдохнула желаніе играть, а сдѣлали то честолюбіе и расточеніе.

Праздность, отводя отъ упражненій важныхъ, привязываетъ къ игрѣ, въ которой мнятъ прогнать свою скуку, въ которой ищутъ проводить время, и въ которой малѣйшая потеря состоитъ въ деньгахъ.

Често-

Честолюбіе, подающее желаніе сопротивляться знатнѣйшимъ особамъ, совѣтуетъ оную забаву, какъ средство къ отворенію себѣ свободнаго входа во всякіе домы.

Расточеніе закрываетъ глаза чинимымъ расходамъ и отвагамъ. Льстятъ себѣ, что источники никогда не изсохнутъ, что въ надеждахъ недостатка не будетъ, отъ того приходитъ та злая привычка, чтобъ за невеликими выигрышами послѣдовали расточенія преужасныя, или отъигрывать потери крайностьми престрашными, которыя новыя еще къ тому привлекаютъ.

Скупость отнюдь не научаетъ такого упражненія. Любитель денегъ не охотно ихъ отваживаетъ: онъ хранитъ ихъ какъ вещь предрагоцѣнную, его веселія состоятъ въ умозрительствѣ, его радости въ смотреніи на великія суммы.

Мало

Мало находится скупыхъ, которые умѣлибъ играть и въ самыя простыя игры.

Проклятія, заклинанія, богохульства, слѣдствія злоключимыя нещастія игрокова, дѣлаютъ его пылающимъ. Огонь сверкаетъ въ очахъ его, бѣшенство является на лицѣ его, отчаяніе въ устахъ его. Въ такомъ состояніи, когда онъ весь внѣ себя, возможноль повѣрить, что разумъ имъ еще владѣетъ?

Видалъ я людей хвалящихъ, что нѣтъ такой игры, которой бы они не умѣли. А я ни мало себя обезчещенным не почту, когда признаюся, что я никакой игры не знаю, и не хочу научиться, какъ только въ шахматы.

Польза денежная выгоняетъ изъ игры добрую вѣру.

Вредно играть съ своими друзьями: игра подаетъ поводъ къ бра-

бранямъ, и слѣдовательно къ ненавистямъ непримиримымъ.

Фортуна игрокова ненадежна: онъ проиграетъ въ одинъ часъ все то, что выигралъ во многіе дни.

Видалиль много игроковъ обогатившихся? Выигранныя деньги въ прокъ почти никогда нейдутъ.

Ежелибъ я былъ сынъ отца, игрою промышляющаго, отрексябъ отъ надежды въ наслѣдствіи родительскомъ.

Аспазія, у которой мужъ страстной игрокъ, смѣетъ ли ожидать вдовствующей части?

Дамизъ съ недѣлю тому, какъ въ выигрышѣ, щастіе его гремитъ повсюду и дѣлаетъ ему завистниковъ. Примѣчаютъ за его поступками, наблюдаютъ его, слѣдуютъ за нимъ. При входѣ домой обокрали его, да еще и побили нарочито. Проигрышъ не полезнѣе ли былъ бы для *Дамиза*? Хотябъ шелъ онъ

кру-

кручинно, да по меньшей мѣрѣ шелъ бы безъ опасности.

Я полагаю страсть игры въ число тѣхъ, отъ которыхъ никогда не отстаютъ. Оставляютъ любовь, когда нечѣмъ больше ее вдыхать, не перестаютъ играть, пока всего не проиграютъ, да еще до какихъ не доводятъ себя крайностей для поправленія худыхъ своихъ успѣховъ?

Что остается проиграть, кто проигралъ свою карету и лошадей, а съ ними и свою добрую славу?

Можно быть добрымъ игрокомъ, не будучи добрымъ человѣкомъ. Играть хорошо, умѣренность показывать въ проигрышѣ, отваживать свои деньги не сердяся, выигрывать вѣрно: вотъ что только надобно, чтобъ прослыть игрокомъ добрымъ. Но можноль играть безъ небреженія дѣлъ своихъ, безъ раззоренія себя, или

безъ раззоренія другихъ, безъ вступленія въ знакомства подозрительныя? Все то, *Тразимонъ*, согласуется ли съ правилами чести и праводушія?

20.

Тяжбы.

Нынѣ тяжба тожъ есть, что ремесло, какъ строить, печатать, учить музыкѣ. Многіе только сей промыслъ имѣютъ. Жены въ то мѣшаются, равно какъ ихъ мужья, да еще не помнятъ и чиновъ своихъ въ людяхъ, ниже Графинилъ онѣ, или Маркизши; не знаютъ ихъ, какъ подъ именемъ челобитчика.

Арганта разъ со сто разсказывала въ собраніи новыхъ другинь своихъ, что она отдыхать начинаетъ; что по щастію тяжбы ея рѣшены, остается однако у нее еще

еще пять шесть, ежели не обочлася; но то безделица для такой женщины, которая имела ихъ до дватцати осьми, не щитая развода ея въ сожитіи и именіи съ мужемъ своимъ, на котораго сильно она бьетъ челомъ.

Делается привычка быть челобитчикомъ, равно какъ танцовать и ездить верьхомъ: кто чувствуетъ, что онъ легокъ, или доброй ездокъ, тотъ танцуетъ, или всегда ездитъ въ манеже. Тожъ делается съ ябедниками: ему надобны тяжбы, а безъ нихъ онъ человекъ мертвый.

Делать разводы, или опровергать духовныя, требовать, чтобъ пожалованная отъ кого нибудь дача была уничтожена, или лишеніе наследства былобъ объявлено неправеднымъ: вотъ о чемъ бьютъ челомъ въ наши времена, и всегда ябеда въ томъ упражнятъся будетъ!

детъ! Однако всегда нужно, чтобъ женилися, чтобъ оставляли духовныя, чтобъ однимъ благодѣтельствовали, а другихъ того лишали. Не лучшель мнѣ сказать, что надобно имѣть тяжбы?

Больше всего у Французовъ идутъ въ стряпчіе. Да никто тому и не дивится; ибо всякъ чувствуетъ себя склоннымъ къ начатію тяжбы за самую бездѣлицу.

Не мало идутъ въ церковники, а еще больше того въ чины приказные. Мы больше видимъ приказныхъ служителей, нежели поповъ. Сказать ли тому причину? Многіе хотятъ умереть безъ исповѣди, а мало желающихъ прожить безъ тяжбы. Сіе выключаетъ великое число изъ церковниковъ, и нужными дѣлаетъ столько стряпчихъ.

Нѣкоторые приступаютъ къ суду, дабы себя извинить; другіе же входятъ тамъ себя обвинить.

нитъ. Таковы суть мужья ревнивые, которые берутъ себѣ цѣлой Парламентъ въ достовѣрные свидѣтели своего безчестія.

Приказы столькожъ наполнены людьми, которые бьютъ челомъ о возвратѣ ихъ имѣній, сколько и другими, которые просятъ о правосудіи за безчестіе. Между тѣмъ протѣсти и волокиты накопляются, а честь та еще больше отваживается. Человѣкъ умной долженъ оставаться при первомъ своемъ нещастіи съ справедливою опасностію, чтобъ не приключилося ему и того бѣдственнѣе.

Мужъ, женою своею недовольный, обвиняетъ ее невѣрностію, проситъ на нее суда. Она является съ радостію; ибо имѣетъ судьею того, кого она жаловала и отъ котораго тогда уповаетъ она милости. Что изъ того будетъ? Мужъ только въ стыдѣ останется.

ся. Когда подобное дѣло напредь сего бывало, называли его *случай*; когда нынѣ подобнаго дѣла не бываетъ, и то также называютъ *случай*.

Жена и мужъ по всѣ дни ходятъ по приказамъ: одна бьетъ челомъ о правосудіи, другой, что ему въ томъ отказано; сія требуетъ, чтобъ была отъ судей выслушана, сей же о наказаніи за ея... Довольно того, не темно я изъясняюся.

Анѳимъ и *Лелія* живутъ въ одномъ покоѣ, кушаютъ за однимъ столомъ, спятъ на одной постелѣ; нѣтъ недостатка въ уваженіяхъ другъ къ другу: они вмѣстѣ ѣздятъ въ церковь, къ исповѣди, въ судебныя мѣста, гдѣ каждой съ своей стороны домогается у судей объ ихъ раздѣлѣ. Можноль челобитчикамъ имѣть совершеннѣе сей кротости? Какъ

же скоро дѣло ихъ будетъ рѣшено, они злобно себя возненавидятъ и вновь станутъ бить челомъ о своемъ по прежнему совокупленіи.

Видны промышляющіе ябѣдою, которые перенимаютъ на себя всѣ худыя дѣла и имѣютъ искусство обращать ихъ въ добрыя. Скажите послѣ сего, что правосудіе не имѣетъ лицепріятія.

Правое дѣло никогда сомнительно не бываетъ, зависитъ только отъ воли тѣхъ, кому рѣшить его принадлежитъ.

Равное дѣло, съ тѣми же обстоятельствами также принятое, сего дня судится такимъ образомъ, а завтра совсѣмъ другимъ. Какъ же смѣютъ входить въ челобитье?

Злато не растлѣвающееся весьма опасный металлъ: онъ растлѣваетъ людей, которыхъ неразтлѣнными почитали. Дѣло весьма лучше отъ него становится, когда

гда подносы скоро слѣдуютъ за рекомендацїею.

Мы говоримъ о судьѣ, которой намъ не могъ помогать, что онъ допустилъ себя подкупить домогательствами нашихъ соперниковъ. Съ нашей стороны мы у него домогалися, и сами и чрезъ другихъ знатно мы также искали его подкупить. На чтожъ мы жалуемся? Былъ ли бы судья извинительнѣе такимъ образомъ, или другимъ?

Производство дѣла даетъ наставленїе въ тяжбѣ; общее то мнѣнїе. Пусть посмотрятъ, сколькимъ тяжбамъ оно есть причиною, то будутъ о томъ разсуждать инаково.

Ежелибъ сїе философское правило: *не должно ничего размножать безъ потребности*, имѣло мѣсто въ приказномъ порядкѣ, тяжба, продолжавшаяся двадцать

лѣтъ,

лѣтъ, не продолжалася бы двантцати дней.

Старшій въ Парламентѣ судья видѣлъ, я въ томъ надеженъ, начатіе такой тяжбы, которой его преемникъ конца не увидитъ.

Почти самое ничто становится дѣло въ тяжбѣ, и тяжба та причиняетъ раззореніе общее. *Хрисанфъ* и *Леархъ* были друзья наилучшіе въ свѣтѣ: куропатка, ненарочно застрѣленная въ дачахъ Хрисанфовыхъ, подняла его противъ Леарха, Леархъ равномѣрно огорчился. Споръ ихъ былъ предъ судіями того мѣста, потомъ перенесено дѣло въ Парламентъ. Какъ происходило сіе, тому уже двенатцать лѣтъ, да и нынѣ еще продолжается. Оба сіи дворяне, богатые и довольные во всемъ, не имѣютъ больше, съ чемъ ходить за дѣломъ; сами они принуждены стали окончить долговременною отсрочкою,

 по-

подавЪ мировую. Все то изготовлено, тому уже полгода, со дня на день медлятЪ подписать, такЪ что, по всему видно, внучатамЪ останется вЪ наслѣдство. Тяжба та нещастная, и не получатЪ они ничего отеческаго, кромѣ должности не уступить чести по такому бездѣльному дѣлу.

Примиреніе хорошо и вЪ ссорахЪ, а вЪ тяжбахЪ ничего, по моему мнѣнію, нѣтЪ полезнѣе, какЪ скорая мировая.

Я не завидую жребію бѣднаго человѣка, которой свободенЪ отЪ тяжбы; ибо благодарю Богу, не имѣю я тяжебнаго дѣла; но ябѣдники должны ему завидовать. КакЪ бѣденЪ онЪ ни былЪ бы, судьба ябѣдникова имѣетЪ вЪ себѣ нѣчто того злѣе.

Кто не имѣетЪ ни волокитныхЪ, ни тяжебныхЪ дѣлЪ, тотЪ, по присловицѣ народной, имѣетЪ

спо-

способъ жить доволенъ. Что касается до меня, я предпочелъ бы неудачи въ любви добрымъ въ тяжбахъ успѣхамъ: любовная склонность продолжается только нѣсколько лѣтъ, но имѣютъ надежду быть щасливыми, переставъ быть страстными; а дѣламъ конца никогда не видать: одно полезно рѣшенное дѣло подаетъ причину къ другимъ спорамъ, которые умножаются до безконечности.

Мнѣ долженъ онъ тысячью рублями, я имѣю право ихъ требовать. Ежели о платежѣ съ него буду бить челомъ, мнѣ то станетъ въ другую тысячу; потеряемъ лучше первую сумму, не отживая другой. Такъ разсуждаетъ человѣкъ благоразумный.

Потребно, стряпчій говоритъ, шесть сотъ тетратей написать для объясненія вашего дѣла: я прошу три мѣсяца времени, да двѣ-

сти рублевъ напередъ. Дайте ему даромъ тѣ деньги, не смотря на длинное писаніе, избавьте его отъ труда и толь долговременной работы: дѣло ваше объяснено будетъ лучше и скорѣе.

Разговоръ челобитчиковъ состоитъ въ предлинной и прескучной челобитной. Ежели онъ не говоритъ о своихъ дѣлахъ, вступаетъ въ подробность чужихъ дѣлъ. Я отъ такого рода людей съ особливымъ тщаніемъ бѣгаю. Величайшія говоруньи не столько меня утруждаютъ, какъ необходимость дать часъ къ выслушанію отъ стряпчаго челобитья тяжебнаго.

Вы имѣете ярость тягаться, я хочу васъ отъ того вылечить: сходите со мною до приказовъ, тамъ я вамъ покажу вашихъ судей, за которыми по три, или по четыре лакея; они имѣютъ многія

тія кареты, великое число лошадей, дома у себя столъ изобильной, въ нѣскольких верстахъ, да еще отъ столицы, великолѣпные домы, кромѣ тайныхъ покоевъ, которыхъ я не щитаю, доходы ихъ посредственны, а живутъ они только отъ дѣлъ; а вы, упорные тяжебники, за такія дѣла платите.

Давно вы домогаетеся о слушаніи дѣла, наконецъ васъ тѣмъ удовольствовали: дошлиль вы до конца ближе прежняго? Оставляютъ васъ на произволъ докладчика лѣниваго, или другимъ занятаго, ежели не пріищете вы нѣкоторой особы, коей онъ ни въ чемъ отказать не можетъ за то, что она ему все дозволяетъ. Сколько еще медленія предвижу я по дѣлу вашему!

Тяжбы, наиполезнѣйше рѣшенныя, имѣютъ однако нѣкоторыя неудобства. Ежели онѣ объясняютъ

ютЪ какой фамиліи имѣніе, часто онѣ затмѣваютЪ ея славу. Права учреждаются силою производства дѣла, но пріобрѣтенія не престаютЪ являться всегда сомнительными.

21.

Благотворенія,
признаніе, неблагодарность.

Мы почти никогда не одолжаемЪ по склонности; или ежели одолжимЪ, холодная благодарность уменьшаетЪ нашЪ жарЪ. Услуга, не скоро награжденная, отнимаетЪ охоту одолжать.

Кто получилЪ удовольствіе, тому пѣняютЪ; кто того проситЪ, тому отказываютЪ, а доставляютЪ его тому только, кто обѣщаетЪ.

Ежели мы жалуемся на неблагодарность тѣхЪ, кому мы подаемЪ

даемъ знаки щедрости, они больше причины имѣли бы жаловаться на жестокость нашихъ попрековъ, на слабость нашихъ услугъ и на малое наше безкорыстіе.

Много чести былобъ для щедрости нѣкоторыхъ, называя ее истинною; ищутъ знатности въ услугахъ, чинимыхъ своимъ пріятелямъ. Иной, предъявляя имъ свою жизнь, честолюбиво и больше желаетъ являться услужливымъ, нежели услужить съ вѣрностію.

Когда готовы одолжить, то въ трубы трубятъ, свидѣтелей хотятъ своему дѣйствію. *Мотъ* среди бѣла дни вынулъ шпагу въ помощь *Алидору*; ежелибъ *Алидоръ* ночью попался въ воровскія руки, можетъ быть *мотъ* оставилъ бы грабить своегодруга; ибо никтобъ тогда не увидѣлъ что онъ храбръ.

При оказаніи важной услуги своему другу ожидаютъ, чтобъ всѣмъ было явно, съ какимъ жаромъ на то поступаютъ. Должно одаренну быть великимъ безкорыстіемъ, чтобъ устоять противъ такого искушенія. Наибольше безкорыстные не могутъ себя удержать, чтобъ избавить того, кому есть въ нихъ нужда, отъ стыда въ полученіи ихъ щедростей.

Всякой человѣкъ, имѣющій сердце бодрое, не просто принимаетъ отъ всѣхъ людей: онъ не столько смотритъ на то, что ему даютъ, какъ на то, кто одолжить его хочетъ. Какое имѣетъ достоинство, прошу сказать, даръ мошенничій? Я себя почелъ бы обезчещеннымъ его домогательствами. Быть одолженну за свое щастіе не доброму человѣку, всегда остается дѣлать себѣ нѣкоторое нареканіе. Ненавистной способъ

собѣ производить себя кредитомъ какого либо злодѣя!

Дѣлаютъ довольно услугъ, но дѣлаютъ ихъ нехорошо. Бываютъ особы, которыя одолжаютъ толь непріятнымъ образомъ, что щастливымибъ себя почли не пользоваться ихъ услугами. Онѣ вамъ вѣчно попрекаютъ, что сдѣлали васъ таковыми, каковы вы нынѣ. Можетъ ли быть что того несноснѣе? Не больше либъ къ нимъ имѣли благодарности, ежелибъ не было за что имъ благодарить?

Одинъ Римлянинъ говорилъ тому, которой его спасъ отъ тиранства Кесарей во время гоненія многихъ и осужденія на смерть: *отдай меня Кесарю*, какъ бы онъ хотѣлъ сказать: сколь печаленъ ни былъ бы мой жребій, не лишилсябъ я жизни, какъ однажды, вмѣсто того твоими попреками ты на всякой часъ смерть мою воз-

возобновляешь; я претерпѣлъ бы жестокосердіе Кесарево, которой былъ и Государь мой и побѣдитель, жестокосердіежъ друга своего сносно ли? Вы стократно мнѣ увеличиваете знатность вашей дружбы, выведя меня изъ ничего; возвратите меня въ подлость. Гордость вельможъ немилосердыхъ, которыхъ фортуна помѣстила выше меня, избавилабъ меня лучше отъ вашихъ притворныхъ ласковостей. Непристойно вамъ представлять мнѣ безпрестанно ваши благодѣянія: позоръ сей уже не для васъ: мнѣ его видѣть и ему удивляться слѣдуетъ.

Живописцу дозволяется съ удивленіемъ взирать на красоту работъ своихъ, но запрещается то друзьямъ; законопреступно для нихъ насыщаться веселіемъ, говоря: *я того сдѣлалъ такопымъ, какопъ онъ естъ.*

Какъ

КакЪ скоро мы одолжили, поступимЪ такЪ, какЪ дѣлаютЪ умные люди, которые закрываютЪ завѣсою нѣкоторые предметы, коихЪ видЪ растлѣваетЪ ихЪ воображенiе. ЗакроемЪ покровомЪ благодѣянiя, изобильно оказанныя другу; стыдно на нихЪ смотрѣть; припамятованiе то нечестно и не касается оно, какЪ до того, кто ихЪ отЪ насЪ получилЪ. ЧѣмЪ больше мы извѣстны о нашихЪ благодѣянiяхЪ, тѣмЪ больше станемЪ тщеславиться, только бы еще польза наша не прiобыкла по случающейся потребности кЪ нашей помощи.

Не запрещено представить глазамЪ друга своего оказанныя ему услуги, ежели довольно есть нѣжности такой, чтобЪ дѣлать то отнюдь непохоже на выговорЪ. МожешЪ ли что быть искуснѣе, какЪ поступокЪ одного изЪ ста-

рыхъ полковъ солдата, которой имѣлъ нужду въ покровительствѣ Кесаря? *Государь!* говорилъ онъ Императору, предъ которымъ стоялъ въ судѣ: *узналибъ ли ты того солдата, которой для утоленія великой нашей жажды принесъ намъ ключевой воды? Изрядно*, сказалъ Кесарь; *да былъ то не ты. Сіе самая правда*, отвѣтствовалъ солдатъ, *можно намъ меня не узнать: я послѣ того времени лишился одного глаза на сраженіи за насъ.* Кесарь узналъ его и наградилъ. Рѣчь солдата того никакъ не походитъ на попрекъ, а лучше того не возможно себя изъяснить, чтобъ сказать: *я намъ услужилъ, сдѣлайтежъ и вы со мною милость.* Велико то искусство, чтобъ тронуть великодушіе, не уязвляя безкорыстія. Человѣкъ великодушный не осердится за побужденіе его къ припа-

памятованію учиненныхЪ ему угодностей.

Не вѣрю я услугамЪ выше признательной благодарности, а вѣрю только, что надобно умѣть ее ознаменить. Не всякой вЪ состояніи подавать за то знаки пресвѣтлые, ни нѣтЪ никого, ктобЪ однимЪ учтивымЪ, или обязательнымЪ словомЪ, не могЪ отвѣтствовать милостямЪ своего благотворителя. Часто одно слово дороже бываетЪ всего того, чтобЪ могло быть сдѣлано. *Августь* показалЪ Фурнію милость прощеніемЪ отца его вЪ томЪ, что онЪ былЪ вЪ сторонѣ *Антоніевой*: какая могла быть вЪ семЪ случаѣ благодарность одного безсильнаго подданнаго Императору великолѣпному? Честная жалоба, принесенная ему за то, что онЪ довелЪ его до такого безсилія, достойнѣе была всѣхЪ воображаемыхЪ себѣ подно-

ношеній: *Кесарь*, сказалъ онъ ему! *никогда не получалъ я отъ тебя ничего, кромѣ обиды, а и нынѣ тобою учиненное дѣлаетъ что принужденъ я буду жить и умереть неблагодарнымъ.*

Неблагодарность былъ порокъ всѣхъ вѣковъ, примѣръ каждаго въ томъ удостовѣряетъ. Жена можетъ жаловаться на мужа, мужъ на жену, отецъ на своихъ дѣтей, другъ на своихъ друзей, отечество на своихъ гражданъ, Государь на подданнаго.

Сципіоны, *Камиллы*, *Цицероны*, сосланные въ ссылку, служатъ примѣрами неблагодарности народа, которой во зло толкуетъ то самое, что учинено для его сохранности. Римъ за спасеніе свое одолженъ былъ ихъ храбрости и ихъ краснорѣчію, солдаты въ особахъ ихъ имѣли полководцевъ искусныхъ, граждане щедрыхъ освобо-

ди-

дителей, но не смотря на благодѣянія ихъ къ отечеству, отечество сдѣлало на нихъ заговоръ и отъ нихъ отреклося.

Мы жалуемся на неблагодарность другихъ и въ то время, какъ они моглибъ выговаривать намъ за нашу равномѣрно.

Слышу, что *Антистъ* зѣльно гнѣвается, что одолжилъ онъ одного неблагодарнаго; а ежелибъ заставили говорить всѣхъ тѣхъ, предъ которыми самъ онъ былъ неблагодарнымъ, моглибъ ли разслушать его голосъ?

Благодѣянія попадаются въ руки людей непризнательныхъ: воображаютъ себѣ, что дѣлалося то для славы благотворителя; что денежная польза была пружиною его добрымъ старательствамъ. Такое разсужденіе подаетъ законной предлогъ неблагодарности.

Послѣднія благодѣянія заглаждаютъ въ памяти прежнія.

Когда уповаютъ отслужить за благодѣяніе, тогда еще любятъ того, отъ кого его получили: дѣйство ли то благодарности? Ни мало; ибо отъ него бѣгаютъ, ненавидятъ его, какъ усмотрятъ, что одолженіе, которое онъ намъ сдѣлалъ, есть такое, что не можно по достоинству за него отслужить.

Милость общая, благодѣяніе, простирающееся ко многимъ, не очень пріятно. Мы не любимъ, чтобъ насъ съ другими смѣшивали; мы вопреки тому хотимъ, чтобъ человѣкъ, насъ одолжая, насъ отличалъ. Субтильность та находится столькожъ въ малыхъ, какъ и въ великихъ. Ежели Король пожаловалъ бы голубую ленту всѣмъ благороднымъ, Герцогъ и Князь ни за что почелъ бы такую милость; ежели всѣ раненые

въ арміи былибъ Кавалеры С. Лудовика, никто не вмѣнялъ бы себѣ за честь ни своихъ ранъ, ни красныя ленты.

Что дѣлается для всѣхъ, дѣлается то для меня безъ заслугъ; какою милостію вы меня ни наградили бы, ежели я не одинъ, не за велико я то почту. Вы мнѣ въ заемъ даете тысячу рублей, вы больше того дали *Мандору* и *Оронту*. Справедливо, чтобъ я раздѣлилъ мою благодарность съ тѣми, которые раздѣляютъ ваши милости; и такъ буду я имѣть вамъ и одолженіе раздѣленное.

Не прилѣжите услуживать многимъ, старайтеся наилучше помѣщать ваши благодѣянія. Сіе изъ всѣхъ правилъ щедрости есть честнѣйшее къ употребленію.

Одолжить друга, отъ котораго ничего не ожидаешь, сіе есть благодѣяніе произвольное; услужить

другу, отъ котораго уповаешь воздаянія точнаго, сіе есть благоволеніе наемное.

Предпринимать ли мнѣ впередъ людямъ благодарность взаимную? Они чувствованія оной потеряли въ разсужденіи Бога. Все для человѣка въ сей обширной вселенной, а ничего не находится для Бога въ сердцѣ человѣческомъ.

Солнце сіяетъ, освѣщая того нечестиваго, которой дѣлаетъ себя недостойнымъ сего свѣта; море укрощаетъ ярость своихъ треволненій для плаванія скупаго купца въ чужестранныя земли; земля порядочно даруетъ свои плоды ненасытнымъ богачамъ; когда градобитія повреждаютъ жатву скуднаго земледѣльца, самъ онъ знаетъ, какъ отвращать недороды временъ годичныхъ. Вмѣсто того, что должно бы открыть глаза свои къ признанію щедрыя той Десни-

цы,

цы, отъ которой получаютъ толь рѣдкія благодѣянія, затворяютъ свое сердце отъ признанія, уста свои отъ благодаренія, а отворяютъ ихъ только для жалобъ.

На что пожалуются смертные тѣ неблагодарники? Не обвинятъ ли они Провидѣніе за то, что оно не даровало имъ силы львиной, великости слоновой, быстроты еленьей, легкости птичьей? Какъ роптанія ихъ были неправедны! Сколь слабы они ни кажутся, одолѣваютъ они ярость льва, ручнымъ дѣлаютъ слона, остановляютъ полетъ птицъ и утомляютъ еленей на бѣгу.

22.

Въ пользу и противъ комедіи.

Комедія есть одна изъ тѣхъ вещей, которыя могутъ быть терпимы, о чемъ не дозволено и говорить;

 по-

потому что она больше, или меньше вредна, разсуждая по состоянію зрителей.

Многократно случалося мнѣ искать въ ней увеселенія, по причинамъ, называемымъ благопристойность и любопытство, по холодности ли природнаго сложенія, или по равнодушію естественному, по предубѣжденію ли хитрости самолюбія вымыслительнаго, никогда не примѣчалъ я, чтобъ въ ней было столько осудительнаго. Со всѣмъ тѣмъ не надобно никакого изъ того дѣлать заключенія общаго. Дерзокъ тотъ былъ бы, ктобъ утверждалъ, что комедія есть совсѣмъ безпорочна.

Когда со вниманіемъ я видѣлъ бываемую тамъ расточительную роскошь, малыя прилипающія тамъ вольности, притворные тамъ взгляды, неложно показалася она мнѣ опасною; но посмотрѣть на нее

съ стороны доброй, признаться надобно, что очень часто изъ нее выходятъ съ мыслями, больше порядочными, нежели въ нее входили. Можнобъ сказать, что туда сходятся всѣ во свѣтѣ посмѣянія достойные, и что изъ свободныхъ театральныхъ наставленій они стараются выбрать тѣ, которыя имъ потребны.

Сатира имѣетъ въ себѣ нѣчто крайнѣ колкое. Помощію ея иногда многіе исправляются отъ безпорядка, котораго стрѣлы пылающаго краснорѣчія *Бурдалу* и *Соаннопъ* не моглибъ можетъ быть какъ только въ половину поправить. Конечно тѣмъ не дерзаю я промолвить, чтобъ краснорѣчіе мірское было дѣйствительнѣе, нежели Евангельскія истинны: я доказываю только, что любы предписываетъ опорочителямъ предѣлы весьма тѣсные, а театръ даетъ

сво-

свободу вступать во всѣ подробности. Тамъ нападаютъ на премногіе пороки, на моды, на волокитство, и на другія злости вѣка сего, которыхъ священный ораторъ и наименовать не смѣетъ, боясь осквернить уста свои такими израженіями, которыя С. Павелъ осуждалъ въ обществѣ вѣрныхъ своего времени. Развѣ только можетъ онъ, и того много, подражать поведенію того Апостола, которой вообще объявлялъ войну скупымъ, или сребролюбцамъ, безстыднымъ, идолослужителямъ фортуны, не вступая въ подробности страстей тѣхъ скаредныхъ.

Ничто не избѣгаетъ отъ цензуры актера строгаго: сила словъ его проницаетъ защиту скрытности; онъ ощупываетъ въ самомъ лукавомъ и въ самомъ коварномъ сердцѣ у многихъ, которые со

сты-

стыда, что видятъ тайны лицемѣрія ихъ открыты, принимаютъ намѣреніе себя исправить.

Какихъ не произвело дѣйствъ представленіе нѣкоторыхъ комедій, въ коихъ немилостиво осмѣивали промышляющихъ мотовствомъ, въ коихъ касалися до пышныхъ убранствъ женскаго пола, въ коихъ предпринимаютъ раззорить гордость и жадность къ деньгамъ? Странные и упорные люди сократили дикость своего нрава, какъ скоро ее увидѣли осужденну въ *Мизантропѣ*; *Пиррь у статуи* бѣдственною кончиною нечестиваго ужасаетъ того, кто презираетъ небесныя повелѣнія; пустосвятъ находится стыдно смущеннымъ, слыша выговоры, каковы получаетъ *Тартюфъ*, и проклятія ему отъ *партера*. Безъ комедіи лгунъ; (надобно по очереди мнѣ самому себя обвинить) видѣлибъ меня,

чаю,

чаю, самымъ дерзскимъ самохваломъ; *Арлекинъ* смѣшнымъ приборомъ лентъ отогналъ фонтанжи; глупости *Октавія* суть наука мудрости, которая научаетъ, сколь бѣдственно предавать себя любви; *Коломбина*, *дѣвка ученая*, возвращаетъ особъ своего пола къ ихъ природнымъ упражненіямъ; *Фениксъ* раззорилъ ложную добродѣтель притворныхъ чиновницъ; *порожебная тростка* открыла обманъ женщины, притворившейся страстною къ мужу, котораго она никогда не любила; *защитникъ прекраснаго пола* успокоилъ ярость ревнивыхъ, и показалъ достоинство госпожъ въ прекрасномъ видѣ. Нѣтъ наконецъ никого, ктобъ не признавалъ, что пышность волокитокъ и честолюбіе молодцовъ дошли бы до самаго верьха своего, ежелибъ тѣ и другіе, устыдяся непрестанно слушать, какъ надъ ни-

жими шутятъ на театрѣ, не притворилисябъ изъ всего того нѣсколько убавить.

Вотъ, ежели не ошибаюся, плоды отъ комедiи! Внѣ театра не имѣютъ больше такогожъ случая къ выраженiю лица подлинно недобраго человѣка: тамъ только можно ихъ живо представлять; до нрава его касаются такимъ образомъ, что тотчасъ онъ себя узнаваетъ въ тѣхъ критическихъ живописяхъ, и представляетъ себѣ не подавать больше собою причины къ насмѣшкамъ тѣхъ, которые его знаютъ.

Жалуются, что плоды тѣ заглушаются дѣйствiемъ актера, которой изражаемыя имъ страсти всѣмъ внушаетъ. Рѣдко могъ бы я на то отвѣтствовать. Мы очень предубѣждены, что они показываютъ больше, нежели въ природѣ есть, такъ что уловить насъ не

могутъ. Ежели слушатель претерпитъ, что его на часокъ ослѣпятъ, онъ скоро потомъ смотритъ на все въ настоящемъ видѣ. Самъ онъ отвѣдываетъ себя обмануть часъ, или два, когда находится въ позорищѣ, дабы себѣ вообразить, когда изъ обмана выступитъ, новое веселіе, узнавъ себя достаточнымъ къ различенію истиннаго съ ложнымъ.

Когдабъ угодно было небу, чтобъ о томъ говорено ни было, чтобъ живо представляющій актеръ отворилъ въ душахъ нашихъ свободный путь тѣмъ движеніямъ, которыя онъ открываетъ! *Подлецъ* почиталъ бы честь, *трусъ* сдѣлался бы храбрымъ, *скупецъ* былъ бы щедръ, *вертопрахъ* началъ быть осторожнѣе, *репнивой* спокойнѣе, *мотъ* лучше и порядочнѣе, увидѣлибъ *жеманницъ* больше послушныхъ и тихихъ,

ма-

матери научилисябъ искусству воспитывать дочерей своихъ, и хитро пресѣкать теченіе тайныхъ ихъ интригъ; *хлопотливый челобитчикъ* предпочелъ бы ябѣдѣ мирно жить съ своими сосѣдями; *порчунъ*, *бранливый*, смѣялся бы по своей очереди; *не кстати докучный* изыскивалъ бы время не быть обезпокоивающимъ; *придворный*, поступая ужъ не такъ, какъ Маркизъ, вѣчная причина сатирамъ Моліеровымъ, не чванился бы своею породою и не помѣщалъ бы дворянство выпрошенное, частожъ за деньги купленное, выше честнаго промысла, больше добродѣтель любящаго; *градоначальникъ* отнюдь не продавалъ бы своей силы, или не употреблялъ ее, какъ по домогательствамъ своихъ тварей. Мы имѣли бы судей праводушныхъ, которые не влагали бы въ руки правосудія золотыхъ вѣ-

 совъ,

совЪ, и не привѢшивалибЪ на вѢсахЪ своей скупости. Приказной отрекся бы отЪ взятковЪ, полюбя больше не скоро наживаться, нежели получить изобиліе немедленное и неправильное. НаконецЪ всѢ люди себя поправилибЪ, гражданское общество увидѢлобЪ себя скоро очищеннымЪ отЪ множества язвЪ, которыя вредятЪ прекрасную экономію вЪ обхожденіи людей; ибо вольность театра никому милости не дѢлаетЪ, и краснорѢчіе его не вЪ состояніи производить меньшихЪ дѢйствЪ.

ЦѢль моихЪ разсужденій есть та, чтобЪ доказать, что дѢйство комедіанта не дѢлаетЪ комедію виноватою. ОсудилибЪ ли человѢка, которой вЪ собраніи честныхЪ людей проговорилЪ бы вЪ угожденіе ролю изЪ *Цида*, или *Кинна*? УдивилисябЪ вопреки его памяти, похвалилибЪ силу его рѢчи, воздалибЪ

либѣ хвалу прекраснымѣ чувствованіямѣ Кесаря Августа, которой ознаменилѣ свое милосердіе, но подданнымѣ своимѣ бунтовщикомѣ; или Родрика, которой, не взирая на пользу своей любви, отомстилѣ учиненное отцу его безчестіе. Да, надобно умному человѣку хвалить такія нѣжныя страсти, а другіе того веселія не чувствовалибѣ.

Все, что можно осудить вѣ комедіи, состоитѣ, признаюся, вѣ тѣхѣ чувствованіяхѣ, которыя не принадлежатѣ ни кѣ герою, ни кѣ человѣку степенному: нравы тѣ шутливы, портреты надмѣру живо естественны, израженія тѣ по женски слаботѣлыя, называемыя *галантерееею*. Должно согласиться, что слушатель вѣ опасности, что есть вѣ томѣ нѣчто отважное для сердецѣ молодыхѣ, склонныхѣ почувствовать начатки любовные, не научася еще отѣ того

го себя защищать. Хотѣлъ бы я, чтобъ изъ нее выключили тѣ сатирическія стрѣлы, которыя безобразятъ ближняго, и довольствовалисябъ охуждать безпорядокъ, не давая знать виноватаго.

Отцы церковные сильно возстали противъ тѣхъ Христіянъ, которые хаживали смотрѣть игры народныя съ недостойнымъ устремленіемъ. Праведно влагали въ нихъ ужасъ къ веселіямъ такимъ, которыхъ забава непристойна была и язычникамъ самимъ, чувствующимъ первыя природы движенія. Мущины, подстрекаемы ложною славою, служили одни для другихъ позорищемъ. Наименьше виновные предметы были потоки кровавые, наибольше обыкновенныя лица, палачи и безстыдницы, нечестивые обычаи послѣдовали за безчеловѣчными, представляли на презиранія вещи святыя, употребляли на театрѣ

атрѣ августѣйшіе обряды нашей религіи предметомъ посмѣянія. Вѣрные былиль извинительны, чтобъ за такую цѣну довольствовать ихъ любопытство, вѣрные, которые не могли быть свидѣтелями толикихъ оскверненій, не раздѣляя нѣкоторымъ образомъ своихъ молитвенныхъ приношеній между Богомъ, ими признаваемымъ, и богами, которыхъ видѣли они почитаемыхъ.

Учтивость наша всегда была такъ велика, что не можно ей было похвалить забавъ подобныхъ: мы ихъ почитаемъ святотатскими. Правда, что строгая наша добродѣтель нѣсколько поослабѣла: мы о себѣ возмнили, что изъяты мы отъ нареканій ради того, что не выводили мы предъ всѣхъ нагишомъ сумозбродно, и что языкъ нашихъ акторовъ не проговаривалъ ни единаго слова нечести-

ваго, оправдаетъ однако то насъ только въ половину.

Установленіе комедіи во Франціи имѣло причиною отдохновеніе ума, и забава человѣка честнаго. Кардиналъ Ришелье, министръ духа пронзительнаго, любилъ ее страстно, какъ всѣмъ извѣстно. Онъ на театръ взвелъ музы, и доставилъ рѣчи нѣмымъ тѣмъ красотамъ, которыхъ видимъ блистающихъ въ сочиненіяхъ искусныхъ людей его времени; но тогда музы оныя были цѣломудренны, воздержны, наполненны стыдѣнія. Ежели комедія противно намѣренію такихъ покровителей измѣнилася, сіе по тому, что жребій наилучшихъ вещей состоитъ въ разтлѣніи, не смотря на предосторожность, пріемлемую о соблюденіи ихъ въ первой ихъ цѣлости.

Враги позорищъ вопіютъ еще, какъ соглашать слезы покаянія съ ве-

веселіями тьмы? Иное дѣло не дѣлать покаянія, и ходить въ такія мѣста, гдѣ не намѣряюпся прямо онаго исполнить. Благоговѣніе охотно терпитъ нѣсколько промежутковъ. Особы, совсѣмъ отъ міра отрекшіяся, оставляютъ для себя по нѣскольку часовъ, въ которые дозволяется имъ отступить отъ строгости ихъ правилъ. Разумноль былобъ запрещать свѣтскимъ людямъ избирать часы, въ которые моглибъ они по своей очереди утѣшать строгость трудныхъ своихъ упражненій.

Противное. Резоны тѣ, которыми подкрѣпляютъ оправданіе театровъ, не таковы суть, чтобъ не могли они быть опровергнуты. Разсмотримъ, сколько намъ угодно, комедію по лучшимъ ея мѣстамъ: уже нынѣ не выходятъ изъ нее такъ безпорочны, какъ въ нее входятъ: въ ней себя скверняшъ, а далеко

отъ того, чтобъ въ ней себя очистить. Актеръ напредь сего могъ своею сатирою поправлять пороки своего вѣка, для того что люди, у которыхъ были только воображаемые боги, боги, имущіе очи, и не видящіе, уши, и не слышащіе, уста, и говорить не могущіе; люди, повторяю я, довольствовалися сображать свои нравы съ политикою Аѳинянъ, съ величествомъ Римлянъ. Честію они къ тому были обязаны, наставляемы впрочемъ ихъ божествами, не проницали они во святилище души, чаяли они за безопасно повиноваться всѣмъ движеніямъ сердца развращеннаго. Христіянинъ хорошо ли будетъ принятъ, украшающій себя такимъ резономъ? Ежели онъ чувствуетъ только стрѣлы сатирическія, премѣна его будетъ только внѣшняя.

Я и о томъ сомнѣваюся, чтобъ сатира могла то, чего не могло священное краснорѣчіе. Проповѣдники суть врачи человѣколюбные, которые при цѣльбѣ болѣзней душевныхъ употребляютъ сладкія лѣкарства; ежели они не подѣйствуютъ, опасно, чтобъ лѣкарства критики горькія не были большаго дѣйства, развѣ больше для себя уважатъ веселости мірскія, нежели приводить бы себя въ совершенство полезное.

Ничего нѣтъ ложнѣе, какъ обращенія, которыя возбуждаются стыдомъ, видя себя оговариваема актеромъ, ничего нѣтъ сомнительнѣе. Плоды, произходящіе отъ комедіи, походятъ на плоды, въ Египтѣ, ежели я не ошибаюся, раждающіеся: видъ ихъ былъ прedивной, внѣшность крайнѣ пригожая; какъ же только до нихъ дотронутся, обращалися они въ пыль.

Зритель этотъ, надъ которымъ сатира подѣйствовала, склонивъ его себя поправить, есть новой человѣкъ внѣшне: онъ не вдается, какъ прежде въ бездѣлицы; онъ отстаетъ отъ игры, которая заводила его въ издержки безмѣрныя; онъ себѣ убавляетъ платье излишнее, мало сходное съ его состояніемъ; онъ оставилъ смѣшное молодечество, доставлявшее ему имя не хорошее. Ставъ любитель благопристойности, не говоритъ уже онъ словъ тѣхъ грубіянскихъ, которыя честные люди воздерживаются проговаривать; приступъ его свободный, видъ его привѣтливый, чинъ свой ведетъ безъ спѣси. Онъ отвыкъ отъ ухватокъ тѣхъ насмѣшливыхъ, отъ нрава шутовагаго, отъ притворства быть *Белъ-эспри*. Сказать ли мнѣ все? онъ одѣлся въ убранства притворныя кротости;

сти; онъ прикрылъ себя епанчею праводушія сіяющаго; вотъ красота плода того: дотроньтеся только до него, не найдете той твердости, какъ вы мнили; откройте его, не сыщете того, чего вы уповали. Проникните внутрь того человѣка, вы тамъ примѣтите прежнюю ярость къ произведенію себя, тѣжъ желанія, тѣжъ коварства. Щастливъ еще онъ, ежели слышанное имъ не прибавило чего нибудь къ его притяжаніямъ и къ злости его сребролюбія. Щастливъ, ежели то, что видѣлъ, не выкрало изъ его сердца ту вольность, толь желаемую, которую рѣдко соблюдаютъ при случаяхъ веселостей.

За одно иногда, нечаянно комедіею производимое добро, она открываетъ путь тысячамъ зламъ неизбѣжнымъ. Какой, прошу васъ, человѣкъ столько нечувственъ, чтобъ

чтобъ не притти въ жалость нѣжными израженіями полюбовницы стенящія; довольно силенъ устоять противъ жалобъ полюбовника отчаяннаго; довольно спокоенъ, чтобъ сохранить свою душу въ тишинѣ, среди ярост ей бѣснующагося, которой увеличиваетъ свою болѣзнь; довольно равнодушенъ, чтобъ не внимать стрѣлъ сатиры. Хотябъ кто былъ самыя въ свѣтѣ хладныя природы, наименьше чувствительнаго сложенія, не можетъ тогда повелѣвать своему сердцу. Противъ воли своей участвуютъ въ печали какой либо женщины сѣтующей, въ вѣроломствѣ любовника, въ измѣнѣ нещастливому Принцу вступаютъ въ ярости какого либо храбраго человѣка обиженнаго, дѣлаются товарищами въ отмщеніи.

Не таковы ли чувствованія возбуждаются внутрь насъ живыми на-

театрахъ представленіями? Пусть на себя посмотрятъ такъ, какъ мы находимся: пусть откроютъ глаза тѣ угождающіе, которые заставляетъ глядѣть самолюбіе. Скоро признаютъ себя виноватыми во всѣхъ крайностяхъ, которыя театральное явленіе украшаетъ. Ежели такія свѣтскія представленія не дѣлаютъ въ насъ никакого впечатлѣнія чувствительнаго, знакъ то есть, что мы совершили уже работу злодѣйства, и что мы уже такъ испорчены, что больше еще портить насъ они ужъ не могутъ.

Но мы веселимся, когда сами себя обманываемъ. Приложимъ съ важностію вниманіе на то, что въ насъ происходитъ, какъ мы бѣжимъ на позорища. Есть ли хоть одинъ человѣкъ, какъ бы побуждающія его причины ни были чисты, которой, идучи въ комедію,

мнилъ

мнилъ бы дѣлать нѣчто до вѣры касающееся? Чувствуютъ, хотя притворяются того не чувствовать, не знаю, какія движенія, которыя отъ нее отвращаютъ; хотя имъ повинуются, но съ принужденіемъ безпокойнымъ, отъ котораго не освобождаются, какъ по долговременномъ и всегда тщетномъ сраженіи. Отъ того невольное то безпокойство, которое мучитъ и въ самыхъ наибольшихъ веселостяхъ; отъ того непрестанное то смущеніе, которое великолѣпнѣйшимъ убранствомъ позорища успокоиться не можетъ.

Вошлиль въ него, добродѣтель ослабѣваетъ, добрыя намѣренія удаляются, сатира захватитъ наше соглашеніе, овладѣетъ нашею волею, обращаетъ ею и плѣнитъ ее по своему изволенію. Не токмо не родится тамъ желаніе къ поправленію безпорядковъ, ею осужда-

даемыхъ, но часто еще отъ нее произходитъ хотѣніе ихъ себѣ присвоить для того, что пороки тѣ являются благородными; хорошіе люди за честь себѣ ихъ вмѣняютъ, а знатные поставляютъ ихъ въ число модныхъ добродѣтелей.

Пусть разсмотрятъ себя по выходѣ оттуда, найдутъ себя совсѣмъ въ другомъ положеніи, нежели то, въ какомъ были не за долго до того: наполнены правилами любочестія и тщеславія; сѣмя праводушія, добрымъ воспитаніемъ насѣянное въ сердцѣ дитяти благоурожденнаго, уже изчезло. Страсти, погасшія у однихъ отъ хлада лѣтъ, изнуренныя у другихъ долговременнымъ употребленіемъ сластолюбія, воспалилися и новую получили силу. Воздыхаютъ больше прежняго о всякаго рода забавахъ, стремительно

но бѣгутъ по пути пресладкому, которой отворяется нетерпѣливостію удовольствовать свои похоти; обязанные возвратиться къ попеченіямъ о своемъ семействѣ, или вступить въ обыкновенныя упражненія, усмотрятъ въ себѣ лѣность смертельную, вступаютъ въ праздность, которая непрестанно подзываетъ къ тѣмъ же забавамъ, отъ которыхъ она родилася.

Театры, говоримъ мы, не представляютъ ничего нечестиваго очамъ зрителевымъ. Отдалены отъ нихъ благодареніе нашей учтивости, предметы тѣ безчеловѣчные, которыхъ люди ненавидятъ, вѣра тамъ не оскверняется, истинна тамъ не затмѣвается, одни только пороки тамъ осуждаются. Слабый резонъ! Ежели позорища убраныбъ были тѣми ужасными образованіями, которыхъ видъ едва язычники сносили, можетъ быть что то произво-

изводило бы для насъ подобіе пользы, любопытство наше излечалося бы страшилищемъ грубыхъ такихъ представленій. Вмѣсто того мы сдѣлалися грѣшниками деликатными: хотимъ, чтобъ намъ приготовляли чашу беззаконія, дабы пить ее безъ отвратности.

Перестанемъ защищать себя введенною на театры умѣренностію; мы не меньше виноваты, какъ и тѣ, которые во времена язычниковъ представляли на смотреніе собранному народу битвы гладіаторовъ. Варварское наше любопытство ежедневно закалаетъ себѣ столь же кровавыя жертвы, хотя не насыщается совсѣмъ подобными предметами. Во угожденіе Христіянамъ немилосердымъ видятъ такихъ, которые отваживаютъ жизнь свою: женщина, прицѣпленная на воздухѣ, вертится и качается; мущина вооруженный

ходитъ по веревкѣ, на ней пляшетъ, также какъ бы дѣлалъ то на твердой землѣ; иногда лишается рукъ, иногда ногъ, каждое движенiе грозитъ ему паденiемъ смертнымъ и приводитъ въ страхъ, а не въ веселiе. Плясунъ на театрѣ подражаетъ рыбамъ, другой перенимаетъ все у самыхъ гадкихъ животныхъ на землѣ. Разсматривая то язычники, забавляющiе себя кровопролитiемъ, не больше осужденiю подлежали, какъ удивляющiеся такимъ представленiямъ. Мы знаемъ токмо единаго Бога, а на театрѣ выводятъ безчисленное число божествъ, которымъ не можно отдавать чести, не скрадывая достодолжнаго почтенiя истинному Богу. Показываютъ тамъ демоновъ, фурiи говорятъ тамъ языкомъ дiявольскимъ, поютъ тамъ стихи нѣжные, восхищающiе, поражающiе,

ко-

которые увеселяютъ, но такимъ увеселенiемъ, которое древнiе Философы со всемъ ихъ снизхожденiемъ всегда называли невоздержностiю ушесъ.

Вотъ позорища, у насъ представляемыя! однако ихъ оправдываютъ, ихъ называютъ прiятными: дѣло, и того страннѣе! вѣрятъ ихъ дозволенными. Церковь столь-коль ужъ немилосердая матерь, чтобъ терпѣть такое кровопролитiе чадъ своихъ? Вѣра не заключаетъ ли въ себѣ довольно великихъ таинствъ, не занимая вниманiя людей, которые и безъ того уже его много употребляютъ ко множеству суевѣрныхъ обрядовъ, на которые рѣдко смотримъ безъ разсужденiя о своихъ, или безъ прибавки къ нимъ отвратности?

Ежели въ томъ не повѣрятъ Богословамъ, которыхъ нраво-

ученіе покажется безмѣрно строго, пусть въ томъ положатся, я на то соглашаюся, на человѣка, обязаннаго въ мірскихъ суетахъ, въ придворныхъ трудностяхъ, въ военныхъ чинахъ, которой не былъ ненавистникомъ веселостей дозволенныхъ. Я говорю о Графѣ де Бюсси, столь же славномъ по высокимъ своимъ чувствованіямъ, вдохновеннымъ въ него духомъ вѣры, какъ по множеству нещастныхъ бѣдствій, которыя возбуждала на него фортуна. Прочтемъ одно его сочиненіе противъ баловъ, онъ рѣшитъ то со строгостію равною, какъ могъ сдѣлать строжайшій духовный наставникъ. Находится сіе въ его рѣчи къ своимъ дѣтямъ, въ которой изъясняется онъ такими словами:

„Я всегда вѣрилъ, что *балы* „опасны не по тому только, что „мой разумъ заставлялъ меня то-

„му вѣрить, но еще и самое мое „искусство; и хотя свидѣтельство „отцевъ церковныхъ уже доволь„но сильно, я стою въ томъ, „что въ семъ дѣлѣ свидѣтельство „придворнаго человѣка должно быть „еще большаго уваженія. Знаю, „что есть люди, которые въ та„кихъ мѣстахъ меньшей подвер„жены опасности, нежели другіе, „однако и самыя холодныя сложе„нія тамо разгорячаются. Такого „рода собранія не составляются „обыкновенно, какъ изъ молодыхъ „людей, которымъ очень трудно „противъ искушеній устоять въ „уединеніи, а и того больше въ „тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пригожіе „предметы, восковые свѣтильни„ки, музыка и движеніе въ тан„цахъ разгорячили бы и пустынно„жителей. Старые люди, кото„рые моглибъ ходить на балъ, не „тревожа ихъ совѣсти, былибъ

,,смѣшны, что туда ходятъ; а ,,молодые люди, которымъ благо-,,пристойность на то позволялабъ, ,,не могутъ того дѣлать безъ ,,отваги себя на бѣды великія. И ,,такъ я держу, что не должно ,,ходить на балъ, будучи Христі-,,яниномъ, и чаю, что наставни-,,ки исполнилибъ должность, еже-,,либъ потребовали отъ дѣтей ,,своихъ духовныхъ, чтобъ они ,,туда никогда не ходили.,,

Чтобъ сказалъ придворной сей человѣкъ, ежелибъ имѣлъ онъ такой же случай говорить о комедіи? Искусство его показало ему, что балы были опасны; нашежъ искусство ручается за безпорочность позорищъ. Пригожіе предметы, восковые свѣтильники, музыка и движенія въ танцахъ могли, по его мнѣнію, разгорячить пустынножителей: чегожъ не сдѣлаетъ въ кипящемъ живостію юношествѣ

страстъ, сильно выраженная, присоединяся ко всѣмъ тѣмъ вещамъ? Я держу, продолжаетъ онъ, что не должно ходить на балъ, будучи Христіяниномъ. Да ктожъ такъ говоритъ? Ежелибъ то былъ монахъ, возразилибъ ему, что конечно одобрять онъ не станетъ такихъ увеселеній, въ которыхъ неблагопристойно ему участвовать; ежелибъ то былъ учитель Сорбонскій, сказалибъ тожъ, что отвѣтствовали ученики своему Господу: жестоко надмѣру слово! ежелибъ то былъ Архіерей, вывелибъ наружу предлогъ, чтобъ не отважиивать славы своей быть ему столпомъ церковнымъ; но еще скажу, что тотъ, кто такимъ образомъ изъясняется, былъ человѣкъ придворной, достигшій высокаго сана, воспитанный въ роскошахъ, пріобыкшій къ жизни самой нѣжной. Я вѣрю, заключаетъ онъ, что на-

ставники исполнилибъ ихъ должность, ежелибъ потребовали отъ дѣтей своихъ духовныхъ, чтобъ они туда никогда не ходили. Будучи совсѣмъ человѣкъ военной, господинъ Графъ де Бюсси, не требовалъ онъ, чтобъ наставники прилагали фальшивыя угожденія; онъ судилъ, что они по должности своей неминуемо обязаны представлять опасность въ тѣхъ забавахъ и запрещить ихъ всеконечно.

По тому, какъ мыслилъ господинъ де Бюсси, человѣкъ больше свѣтскій, какъ я, да и больше добрый, мнѣ уже не должно стыдиться своего мнѣнія. Ежелибъ я издалъ его въ то время, когда имѣлъ случай его написать, оно уже нѣсколько тому лѣтъ назадъ должнобъ было явиться; а что былобъ тогда лучше ко времени ради новости такой задачи, того не должно принимать за нѣчто уже застарѣлое;

по-

потому что всегда время есть показать себя Христіяниномъ, не видя запрещенія, какъ токмо на сочиненія любовныя и критическія, а благочестивыя выходить никогда не опоздаютъ; ежели не время наставлять, время всегда есть показать, что довольно наставлены. Премудрый, опредѣливъ часы говорить и молчать, не сказалъ, что есть и такіе часы, въ которые не позволялосябъ больше писать то, что сказываетъ духъ вѣры, то, что заставляетъ чувствовать любовь истинны.

Такія разсужденія понудили меня сообщить публикѣ мое мнѣніе о комедіи, и что я вѣрю, чтобъ объ ней мыслить должно. Можетъ быть не ожидали отъ свѣтскаго человѣка мнѣнія, толь строгаго, я отдаю сіе дѣло въ руки каждаго, пусть разсмотрятъ резоны обѣихъ сторонъ. Я себя обнадежи-

 ваю,

ваю, что не будутъ заключать инаково.

23.

Мысли отдѣленныя.

Законъ, *Солономъ* изданный, подаетъ причину къ изрядному разсужденію. Онъ повелѣлъ, чтобъ сынъ не былъ обязанъ питать отца своего, ежели отецъ, имѣвъ средство научить сына своего въ младости какому нибудь ремеслу, то пренебрегъ, какъ малочувственный къ сей должности. Великое благодареніе за предписаніе дѣтямъ нужды работы, за внушеніе имъ къ тому охоты, вмѣсто допущенія ихъ пропускать лучшія молодыя свои лѣта въ праздности. Мы хотимъ, чтобъ они научилися музыкѣ, танцовать, миніатурѣ, мы обременяемъ ихъ множествомъ художествъ ненадобныхъ, которыхъ

едва

едва имѢютЪ они время спознать первые начатки. Для чего не имѢемЪ лучше предосторожности обучить ихЪ наукамЪ потребнымЪ? ПриведемЪ ихЪ вЪ состоянїе быть купечествуемыми сЪ доброю вѢрностїю, просвѢщенными градоначальниками, благоразумными офицерами, ревностными гражданами: государство отЪ того было бы лучше, фамилїи наши отЪ того былибЪ вЪ большемЪ почтенїи.

Я нахожу еще весьма разумно то, что сказалЪ *КратесЪ*. ОнЪ желалЪ, чтобЪ возможно ему было взойти на самое высокое вЪ городѢ мѢсто, и тамЪ кричать громкимЪ голосомЪ: *о человѢки! какая ваша глупость употреблять столько попеченїя о накопленїи богатствЪ, не имѢя раденїя о наученїи вашихЪ дѢтей, которымЪ вы ихЪ оставить имѢете!* Обыкновенно видимЪ отцовЪ, старающихся сдѢлать

лать дѣтей своихъ богатыми, и которые меньше всего мыслятъ сдѣлать ихъ людьми добрыми; хотябъ уже научили ихъ, какъ употреблять тѣ богатства, но имъ показываютъ или примѣры расточенія, или умножаютъ въ глазахъ ихъ способы скупости. Говорятъ при нихъ, признаюсь, о трудности ихъ пріобрѣтать, о нуждѣ ихъ беречь, объ отчаяніи, приключающемся ихъ утратою: толь надлежитъ имъ говорить? Не довольноль уже они имѣютъ честолюбія безъ подощренія нашего такой похоти, которая и безъ того очень сильна?

Наставленіе юношеству признаваемо въ древности было толь необходимою должностію, что отцы сами дѣтей своихъ наставляли. Въ щасливыя тѣ времена не имѣли другихъ учителей, какъ тѣхъ, которые по природѣ таковыми бы-

были. Знали тогда, сколь опасно было вв҃ѣрять попеченіе о воспитаніи такимъ особамъ, которыя не могли въ томъ трудиться съ ревностію.

Обучать такимъ образомъ дѣтей было у Римлянъ служеніе честное. Что скажемъ мы въ извиненіе ихъ, что того не продолжили? Нужда ихъ упражненій, прилѣжаніе къ дѣламъ, число ихъ дѣтей кажутся мнѣ лучшими резонами къ ихъ оправданію.

Ежелибъ отцы смотрѣли за дѣтьми своими, не можно сказать, сколькобъ добра произходило отъ такого бдѣнія. Сила, естествомъ имъ дарованная, прибавилабъ власти къ ихъ совѣтамъ; зависимость, въ которой охотно находился бы дитя, сдѣлалабъ его больше покорнымъ волѣ родителя, которой умѣреннѣе поступалъ бы въ поправленіяхъ; страсти изострен-

остренныя не примѢшивалисябЪ кЪ поведенію юношества, пороки тайные, склонности глупыя, упрямства, отЪ него были бы изгнаны, добродѢтель стала бы знакома; а все, что только походилобЪ на злодѢйство, казалосябЪ преужаснымЪ.

БываютЪ умы послушные и щастливые, которымЪ добродѢтель никакого труда не стоитЪ: какЪ скоро они узнаютЪ ея красоту, чувствуютЪ себя склонными ее любить; надобно только показать имЪ доброе, чтобЪ возбудить раждающуюся ихЪ волю кЪ исполненію. Вы сказали бы, что природа вЪ нихЪ все докончила, и не хотѢла она ничего кЪ додѢлкѢ оставить воспитанію.

Всякія страсти безчестятЪ состояніе человѢка. Напрасно раскрашиваетЪ онЪ свои пороки: они тѢмЪ ни больше извинительны, ни

ни меньше стыдны. Разтлѣніе міра однако сдѣлало то, что не всѣ они равно ненавистны. Страсть къ женщинамъ, славолюбіе, желаніе мстить, принимаются за дѣйство храбрости, за потребную благопристойность. Есть еще другіе, которыхъ и самые недобрые люди ненавидятъ: презираютъ пьяницу, всякъ осуждаетъ его неумѣренность, удаляются, бѣгаютъ отъ него.

Невоздержность въ великихъ мужахъ есть порокъ, паче всего опаснѣйшій: она ихъ дѣлаетъ безчеловѣчными, безумно ярыми. Александръ въ изступленіи гнѣва въ пьянствѣ закололъ Клита; Маркъ Антоній веселился за столомъ повелѣніемъ приносить къ себѣ головы самыхъ знатныхъ гражданъ.

Персы и Греки держали свои совѣты за столомъ. Они вѣрили безъ сомнѣнія, что тогда способнѣе

говоритъ правду; для того что въ тѣ часы дѣлаютъ перемиріе съ лукавствомъ и съ лестію.

Мнѣ кажется, что на пиру не очень способно дѣла рѣшить: умъ тогда разсуждаетъ несвободно, пары винные, его смущающіе, затмѣваютъ просвѣщенія благоразумія. Хотяжъ отъ разума, такимъ образомъ смущеннаго, и вырвутся нѣкоторыя добрыя мнѣнія, но бываетъ то нечаянно и такимъ же стремленіемъ, какъ дѣлаетъ море, которое не выбрасываетъ на берега сокровищъ, заключенныхъ въ его безднахъ, какъ во время своей ярости.

Нѣтъ общественнѣе страсти, какъ деньги. Одно только почтеніе человѣческое отводитъ отъ злодѣйства, естественный стыдъ запрещаетъ злыя обхожденія, благопристойность совѣтуетъ тихость. Стыдятся быть вспыльчивыми:

та-

такія побѣды кажутся славны; но предаться движеніямъ денежнымъ, такое побѣжденіе кажется нестыдно.

Щедрые, только по виду, имѣютъ нѣкоторую пользу, отъ коей они не отрицаются. Они надежны то достать, какъ скоро оно находится въ спорѣ съ нѣкоторымъ желаніемъ.

Деньги испроказили употребленіе имѣній, честолюбіе ихъ проискиваетъ, скупость ихъ удерживаетъ. Не видать уже такихъ некорыстолюбивыхъ душъ, которыя ихъ ждутъ безъ нетерпѣливости, которыя получаютъ ихъ безъ жадности, или которыя владѣютъ ими съ умѣренностію.

Деньги раздѣляютъ брата съ братомъ, друга съ другомъ, человѣка самаго съ собою.

Не слушаютъ уже гласа естественнаго, когда звукъ денежный

слышенъ станетъ, и сама религія молчитъ въ его присутствіи; ибо дѣти возстаютъ противъ отца своего, Христіянинъ приноситъ ему въ жертву даже до своей совѣсти.

Проклята жертва, повсюду деньгамъ приносимая! Скупой купецъ смотритъ на нихъ, какъ на своего Бога, градоначальникъ сажаетъ ихъ въ трибуналахъ, придворной и Министръ не дѣйствуютъ, какъ по ихъ пружинамъ. Принужденъ я сказать больше того: не Богу единому жертвуютъ во храмахъ; служители у престоловъ поставляютъ идола Дагона съ кивотомъ завѣта, оставляя интересъ опочивать во святилищѣ.

Господинъ де ла Моаньонъ благодарилъ Кардинала Мазарина, которой пришелъ его поздравить съ тѣмъ, что Король избралъ его въ перваго Президента въ Парламентѣ. Кардиналъ ему отвѣтствовалъ, что

еже-

ежелибъ Король могъ сыскать больше его добраго человѣка въ своемъ королевствѣ, не пожаловалъ бы онъ его въ тотъ чинъ. Какъ пріятно не имѣть одолженія за свое повышеніе, какъ своему достоинству! Ежелибъ всѣ чины давалися наибольше достойнымъ, увидѣли бы мѣста полезнѣе наполнены. Когда область управляется людьми безпорочными, надобно ожидать, что она хорошо будетъ правима, вмѣсто того, ежели какой честолюбецъ найдетъ средство къ успѣхамъ своихъ коварствъ и происковъ, тогда уже не тихое будетъ правленіе, а безчеловѣчное тиранство.

Великіе чины не дѣлаютъ великихъ мужей, но великіе мужи придаютъ величіе малѣйшимъ чинамъ. Щастливо пріобрѣтши себѣ отъ всѣхъ почтеніе, находятъ уже дивнымъ все, что они ни дѣла-

ютъ. Та польза не больше ли стоитъ, нежели не быть упражненну въ служеніяхъ почитаемыхъ, какъ къ стыду своему?

Я столькожъ почитаю того человѣка, которой изъ упражненій своихъ умѣетъ себѣ дѣлать забаву, какъ и другаго, которой предпочитаетъ дѣла всѣмъ забавамъ.

Соблюдать въ дѣйствѣ нѣкоторую спокойность, каковая едва примѣчается въ людяхъ праздныхъ, а въ покоѣ имѣть нѣчто такое, которое походитъ на самое дѣйство: вотъ во что долженъ мѣтить градоначальникъ!

Великіе чины требовалибъ крѣпости людей молодыхъ и зрѣлости стариковъ. Человѣкъ, государству потребной по высокому своему достоинству, по глубокой своей политикѣ подлежитъ непрестаннымъ немощамъ, отъ чего

го дѣла медлятся. Нещастія такого поправить нечѣмъ; однако на его мѣсто не посадятъ молодую голову, лишенную искусства.

На что надобно, говорилъ я самъ въ себѣ, смотря на палаты нѣкотораго иностраннаго Принца, столько мѣста для одного человѣка, которой изъ всѣхъ тѣхъ пространныхъ комнатъ не можетъ занять, какъ только одну, въ которой потребна ему только одна кровать, да и на той кровати занимаетъ онъ одно только мѣсто, около котораго оставляетъ еще много пустоты? Сіе разсужденіе весьма понравилосябъ Діогену, да и писалъ я сіе, мысля о семъ Философѣ, которой предпочиталъ скудное свое жилище богатымъ палатамъ Короля Македонскаго.

Война страшна ради вводимыхъ ею великихъ золъ; однако она и не безъ плода: миръ, за нею слѣду-

дующій, возвращаетъ все въ первой и праведной порядокъ.

Повиновеніе всегда получало похвалы, а наипаче повиновеніе, оказуемое на войнѣ.

Повиновеніе сколь злоключимо вы ни находили бы, но имѣетъ своихъ одобрителей; неповиновеніе, хотя щастливо удачное, не найдетъ, какъ судей неумолимыхъ. Примѣръ тому неповиновеніе сына Эпаминондова: сей Ѳивскій полководецъ былъ въ войнѣ съ Лакедемонцами; въ наступившій же день къ избранію градоначальниковъ запретилъ онъ ему сражаться. Лакедемоняне, пользуяся отлучкою полководца, домогалися у сына учинить нападеніе на непріятелей. Отказъ его почли трусостію, и онъ, позабывъ данное ему повелѣніе, вступилъ въ бой, и одержалъ побѣду. Эпаминондъ увѣнчалъ сына своего, какъ побѣдителя; но мня,

что

что не должно ослушаніе его оставить безъ наказанія, тогожъ часу приказалъ ему отрубить голову.

Чтобъ было, ежелибъ дозволено стало нарушать законы военные? Вертопрахъ, харабрунъ, человѣкъ безъ искусства, имѣлъ бы въ рукахъ своихъ судьбину всей области. Правильно политика тому противится.

Малѣйшій сигналъ возбуждаетъ великія храбрости: мужественный человѣкъ всегда готовъ сдѣлать отпоръ своему непріятелю; онъ не спрашиваетъ, чтобъ ему дали время приготовить великолѣпные экипажи, ни сдѣлать заготовленіе оружій, но его бодрость вмѣсто всего ему служитъ; онъ скорѣе выступитъ противъ того, съ кѣмъ долженъ сражаться, нежели оканчаетъ давать ему на то приказы. Александръ столь былъ склоненъ къ войнѣ, что въ мирное время,

услышавъ тревогу, обнажилъ свой мечь.

Мотовства какого либо народа побѣдительнаго не могутъ служить къ утѣшенію народа побѣжденнаго, какъ тогда только, когда они убавляютъ въ солдатскомъ сердцѣ желаніе сражаться, или доводятъ его потерять случай къ побѣдѣ. Римъ могъ въ такомъ разумѣ себя утѣшать ослабленіями Карѳагена. *Фабій* довольно былъ отомщенъ сластолюбіемъ *Ганнибала*, котораго С. Евремонъ приписуетъ разбитіе сладостямъ *Капуанскимъ*, которыхъ побѣдитель Римлянъ жалѣлъ при малѣйшей нуждѣ что нибудь претерпѣть.

Терпѣніе уменьшаетъ зло; ибо оно умножаетъ храбрость. Нетерпѣливость удвоиваетъ зло; ибо она есть дѣйство слабости.

Жа-

Жалуются на пресильное зло, а должно бы обвинять свою слабость.

НѢтъ зла выше нашего постоянства; я хочу сказать выше силы, данной человѢческому состоянію. *Муцій* одолѢлъ паленіе огня, *Регулъ* лютость мукъ, *Сократъ* ядъ, *Рутилій* скуку ссылки, *Катонъ* очевидность смерти.

Которые претерпѢваютъ, тѢ чаютъ, что другіе ничего не терпятъ. Кто боленъ головою, тотъ чаетъ, что зубная болѢзнь очень сноснѢе; кто страждетъ зубами, тотъ воображаетъ себѢ, что легчебъ для него былъ каменъ. УвѢряются, что чужія болѢзни легки въ сравненіи съ ихъ болѢзнями.

Нашелъ я у Ксенофонта изрядной примѢръ твердости: когда пришли ему сказать о смерти его сына, онъ снялъ съ себя шляпу съ цвѢтами, засвидѢтельствуя

тѣмъ печаль свою; но какъ скоро ему сказали, что сынъ его умеръ храбрымъ человѣкомъ, онъ ее по прежнему на себя надѣлъ. Печаль, подлинно разумная! Слезы, праведно пролитыя! Что побуждаетъ насъ къ печали, то послужило къ утомленію жалости Ксенофонтовой. Мы плачемъ о младенцѣ, которой обѣщавалъ добрую надежду; а часто мы не знаемъ, что онъ въ надеждѣ той обманулъ бы, ежелибъ прожилъ долговременнѣе.

Умершіе со славою не тѣ суть, по которыхъ печаль наша должна быть наибольшая. Не дозволено кажется плакать, какъ по тѣхъ, которыхъ конецъ мало славенъ, пятна законопреступнаго ихъ житія какъ бы должны омываться нашими слезами. Не для того ли бѣдственная смерть *Авессалома* учинила *Давыда* неутѣшнымъ? Вмѣсто того, что Царь сей, дабы умол-

умолкли его рыданія, когда возвѣстили ему о нещастіи Авинера, убитаго измѣнникомъ Іоавомъ, возопилъ велегласно, что Израиль лишился великаго человѣка, но что *Авинеръ умеръ не такъ, какъ подлые трусы обыкли умирать.*

Мстительной, никогда не прощающій, первый хочетъ принудить Бога, чтобъ его простилъ. Онъ сталъ бы жаловаться на правосудіе Божіе, ежелибъ для умилостивленія онаго принудили его препроводить многіе годы въ покаяніи. Извинителенъ ли онъ въ томъ, что соблюдалъ во всю жизнь свою смертельную ненависть противъ своихъ непріятелей?

Мстительной выдумчивъ прикрашивать свой гнѣвъ; онъ бѣшенъ, и малое словцо его раздражаетъ; онъ безчеловѣченъ, и обиды въ крови обмываетъ. Изрядная честь, которую поправляютъ только злодѣйствами! По-

Покорности ничего не смогутъ надъ духомъ мстительнымъ; что больше вы дѣлаете, то больше онъ требуетъ, чтобъ вы дѣлали. Отстанете ль вы отъ казистыхъ тѣхъ подлостей? Вѣра къ тому присовокупляетъ достоинство преславное.

Полезно скрывать въ себѣ обидныя досады, опасаяся, чтобъ не быть принужденну за нихъ отомщевать.

Гнѣвъ вельможъ не утишается такъ скоро, какъ гнѣвъ небольшихъ людей. Нѣжны до крайности по дѣламъ чести; мнятъ они, что значилобъ слабость предложить прощеніе, а подлость воздержатся отъ мщенія.

Провидѣніе сіяетъ столь же сильно въ вещахъ малыхъ, какъ и въ великихъ. Оно даровало льву такую силу, какой лишила муравья; но Оно даровало такую хитрость му-

муравью, каковой не дозволило льву. Слонъ силенъ, но птица превосходитъ его въ легкости. Повсюду видимы черты той Божественной силы. Въ естествѣ все превосходно, все въ немъ чудесно.

Вся благая приходитъ намъ съ неба, никто въ томъ не сомнѣвается; есть однако и такія, которыя Провидѣніе оставило на расположеніе человѣческое, и которыя отъ безчисленныхъ причинъ зависятъ.

Безъ денегъ, не знаю, чтобъ было говорить стряпчему, купцу, казначею. Я столько выигралъ, мнѣ должны такимъ ростомъ, я пріобрѣлъ великой капиталъ, я въ пятомъ паю, при уплатѣ цѣлаго миліона. Всѣ другія рѣчи незнакомы тѣмъ господамъ.

Богачь говоритъ о деньгахъ, для того что онѣ есть у него; другіе объ нихъ говорятъ для того,

го, что у нихъ нѣтъ ихъ, а хотѣлибъ они ихъ имѣть.

Не уважать много богатство, называется то быть совершенно богатымъ.

Весьма больше есть стариковъ, которые живутъ по молодецки, нежели молодыхъ, которые живутъ какъ старики.

Весьма не хвалю я тѣхъ, которые продолжаютъ не въ молодыхъ уже лѣтахъ всѣ притворства молодыхъ людей.

Каждый вѣкъ лѣтъ нашихъ имѣетъ свою особливую науку; но мудрость есть наука всякихъ лѣтъ, всякаго состоянія людей. Пристанетъ ли Богослову сочинять романы? Нѣтъ безъ сомнѣнія. Стихотворецъ имѣетъ ли право разсуждать о таинствахъ вѣры? Отнюдь нѣтъ. Молодой Риторъ сядетъ ли между учителями? Никакъ. Не похулятъ также тѣхъ,

ко-

которые прилѣжать станутъ къ наукѣ мудрости. Малые, слабые, невѣжды, могутъ ее требовать; они къ ней столькожъ права имѣютъ, какъ самые совершенные уже въ наукахъ.

Человѣкъ, прилѣжащій къ наукѣ мудрости, устыдится что прилагалъ свои попеченія къ другому какому упражненію. Платонъ въ младости своей сочинилъ оды и трагедіи, которыя потомъ онъ сжегъ, боясь, чтобъ они не обезчестили Философа. Не праведноль онъ мнилъ, что имя *божественнаго* худо бы подкрѣплялося изданіемъ его сочиненій, въ которыхъ не примѣтилибъ слога важнаго послѣднихъ его сочиненій?

Души великія удивительно между собою сходствуютъ: человѣкъ сердца бодраго, не знаю, какую имѣетъ склонность къ человѣку храброму; онъ радуется его успѣхамъ, печалится

ся

ся о его неудачахъ ; чувствованія умнаго человѣка таковыжъ въ разсужденіи другаго умнаго человѣка; веселятся, что сдѣланное имъ хвалятъ, досадуютъ, что сочиненіе его не по вкусу всѣхъ безъ изъятія, за собственное щастіе принимаютъ его славу.

Не расточитель тотъ, кто расточаетъ кстати. Безвременность только придаетъ дурные цвѣты крайностямъ. Беречь добро свое кстати не значитъ скупости ; показать себя ученымъ при случаѣ, уже то не киченіе.

Надобно употреблять выгодности, которыя Провидѣнію угодно было намъ даровать. Извинительны ли мы, что бережемъ тысячу вещей, когда мы безумно сами себя тратимъ? *Люпинъ* имѣетъ прекраснаго коня : онъ на немъ рѣдко ѣздитъ, не смѣетъ его въ потъ привесть, боясь его умучить, и

се-

себѣ запрещаетъ его употреблять, когда самъ онъ разгорячится даже до того, что получитъ плерезію, отъ которой отчаяваются, чтобъ онъ изцѣлѣлъ.

Госпожа благородная по такомужъ безумному уваженію къ новымъ своимъ лошадямъ въ одинъ престуденой зимній день заупрямилася итти пѣшая, и нашла худой платежъ за свое угожденіе; она упала въ двухъ шагахъ отъ меня. Учтивость требовала, чтобъ я помогъ ей встать, и не могъ воздержаться, чтобъ ей не сказать, что жребій богатыхъ жалостенъ, ежели они не имѣютъ воли къ услугамъ своимъ употреблять, когда хотятъ, того, что имъ принадлежитъ. Она сильно обѣщалася, что никогда съ нею подобнаго случая не приключится. Къ чему въ самомъ дѣлѣ служитъ имѣть карету тому, кто въ не-

погоду запираетъ ее въ темномъ сараѣ; какъ скоро станетъ погода красная, въ ней ужъ нужды нѣтъ, а во время бури и сильныхъ дождей остаются дома.

Александръ спрашивалъ у Кратеса, хочетъ ли онъ, чтобъ Александръ возобновилъ строеніемъ его отечество? Нѣтъ, отвѣтствовалъ сей Философъ; другой какой Александръ придетъ можетъ быть еще его раззоритъ, какъ ты. Какъ бы кто одинъ совершенъ ни былъ, найдутся люди на наши мѣста. Одинъ человѣкъ умеръ, всякъ въ первыхъ движеніяхъ своей печали увеличиваетъ утрату великаго того мужа, прославляетъ отличныя его дѣла, отчаявается, чтобъ кто изъ смертныхъ могъ дѣлать, что онъ сдѣлалъ, или слѣдовать имъ начатому. Противное тому бываетъ. *Брюны*, *Миньарды* заставили почти забывать *Апеллоcъ*, *Ценксисоcъ*.

И

И такъ нѣтъ людей, по лишеніи которыхъ не заступилибы другіе. Не усомнимся, что послѣ тѣхъ, которымъ нынѣ мы дивимся, не явилисябъ другіе, еще больше удивительнѣе.

За чемъ мы ѣздимъ въ иностранныя земли, останемся въ своемъ отечествѣ; оно намъ также показываетъ видъ цвѣтовъ, горъ, лѣсовъ, городовъ, да еще красивѣе тѣхъ, каковы въ другихъ мѣстахъ мы увидимъ. Путешествія научаютъ жить, обхожденіе съ разными народами много перемѣняетъ человѣка. Тотъ ли вашъ резонъ? Уже тому десять лѣтъ, какъ другъ вашъ *Фитонъ* объѣздилъ всѣ королевства: Сіамское, Китайское, Индѣйское, Японское, чему научился онъ, чегобъ и прежде не зналъ? Онъ узналъ, что варвары имѣютъ нравъ дикій, а его сталъ ли лучше сговорчивъ?

 Онъ

Онъ видѣлъ идолопоклонства народовъ у тѣхъ невѣждъ; равно какъ онъ, я вѣдалъ ихъ обряды суевѣрные, но такая разность богослуженій, такое множество вѣръ не поколебнулилъ его въ своей? Остерегайся онъ въ томъ.

Исправить себя по Философски, значитъ скрывать свои пороки; искоренить свои страсти значитъ то исправить себя по Христіянски. Многіе ищутъ того перваго совершенства, дабы не быть обезчещену въ людяхъ. Христіянинъ имѣетъ виды дальнѣйшіе. Недоволенъ собою, ежели онъ не такъ чистъ внутренно, какъ Философы притворяются таковыми являться; онъ отсѣкаетъ порокъ по корень; все, что на него походитъ, тревожитъ его добродѣтель.

КОНЕЦЪ.

14

ИЗ КНИГ
А.И.МАРКУШЕВИЧА

